

Михаил Ардин

18+

Райское местечко

Том 2

Михаил Ардин
Райское местечко. Том 2

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Ардин М.

Райское местечко. Том 2 / М. Ардин — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

XXXV век. Времена войн, катаклизмов, эпидемий и катастроф остались в прошлом. Но где-то в Галактике есть неведомый враг... Алекс Комаров, офицер Департамента патруля и разведки космофлота, заканчивает учебу на Курсах повышения квалификации ДПРК. Вместо последних каникул адмирал приглашает его отправиться на Фризу, куда внезапно вместо учений устремилась эскадра флота... Алекс героически проявляет себя на Фризе, блестяще завершает Курсы, однако почему-то получает распределение на Инниль, самую бесппроблемную планету, еще одно «райское местечко»...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

79

– Алекс! Рада тебя слышать! Ты уже в Питере?

– Вот, прилетел и сразу тебе звоню.

Я действительно только что вернулся с Алтая, из тренировочного лагеря. Там, в предгорьях, в начале лета всегда проводились военно-спортивные сборы, поскольку в это время на сравнительно небольшой территории имелся богатый выбор климатических условий.

Это были мои последние сборы. Закончились пять лет учебы на Курсах Повышения Квалификации Департамента Патруля и Разведки Космофлота, я сдал выпускные экзамены, и теперь впереди у меня были последние каникулы, а потом – распределение и индивидуальная подготовка к первому заданию.

– Я так понимаю, что теперь ты совершенно свободен? – голос Мелиссы в комме вроде бы был обычным, но что-то в ее интонациях меня насторожило.

– Да. И полностью в твоем распоряжении.

– Отлично. В таком случае, не хочешь ли слетать со мной на Фризу? Корабль уходит послезавтра.

Мы с Мелиссой не виделись уже довольно давно, – то мои экзамены, то сборы, – и я мечтал провести все свои каникулы с ней, на ее острове. Но Фриза?

Господи, что могло понадобиться Мелиссе, селферу, Адмиралу Космофлота, одному из лидеров человечества, на Фризе? На этой далекой обледенелой планете, где живут киззы, остатки некогда процветающей расы?

– Лисса, что случилось? Зачем тебе лететь на Фризу?

– Понимаешь, тут такое дело... Майкл проводил в секторе 28С учения с частью нашего флота, который должен отправиться в область обитания акрейлов. В учениях была задействована эскадра, сформированная из новых кораблей, с новыми экипажами. Программа учений была, как положено, согласована с Генштабом. А вчера мы получили от Майкла сообщение, что он изменил программу учений и со всей эскадрой направляется в систему Венцены, на Фризу. Видимо, передача велась, когда они уже вошли в газопылевое облако, потому что качество сообщения – ужасное. Расшифровать мы смогли только несколько слов, из которых аналитики и сделали вывод, что эскадра отправилась в систему Венцены. Но понять, что заставило Майкла так внезапно изменить план учений, нам не удалось. Я попыталась связаться с Майклом напрямую, но – увы! Облако – оно и есть облако.

Я хорошо знаю Майкла... Чтобы он вот так, ничего со мной не согласовав, ничего толком не объяснив, вдруг куда-то погнал эскадру, да еще с неслетавшимися экипажами... Я уверена, что случилось что-то непредвиденное, нечто очень и очень необычное. Поэтому я решила, что мне тоже нужно отправиться на Фризу. Я полечу на крейсере, на «Максиме Глинке». Он уже готов стартовать, но у меня есть кое-какие неотложные дела, и раньше, чем послезавтра, я не освобожусь. ...Ну что, ты со мной полетишь?

– Конечно!

– Тогда – пока. Послезавтра в 9.00 жду тебя на стартовом поле «Большого Узла».

– До встречи!

Да... Ситуация, действительно, была очень необычной. Я многократно участвовал в учениях Космофлота самого разного уровня, и не помню ни одного случая, чтобы утвержденный план учений был изменен непосредственно в ходе учений. А уж отправить корабли с новыми, только что сформированными экипажами в газопылевое облако... Причина для этого должна была быть более чем серьезная...

Поэтому я, конечно, понимал, что предстоящее путешествие вряд ли будет туристической прогулкой, и нас может ожидать все что угодно. Но вместо тревоги я испытывал совершенно другие чувства: я был счастлив, что мне предстоит провести несколько недель вместе

с Мелиссой, и я был рад наконец-то опять оказаться на корабле, отправиться в полет. Ведь последние пять лет я ни разу не покидал Землю...

Я с энтузиазмом начал немедленно собираться к отъезду, но тут вспомнил, что у меня тоже есть кое-какие обязательства и дела. Если бы я оставался на Земле, эти дела могли бы и подождать, в течение каникул я выбрал бы удобный момент, чтобы ими заняться. Но раз уж я должен был на неопределенный срок покинуть Землю, лучше эти дела было завершить до отлета. Тем более что у меня образовались два свободных дня – сегодня и завтра.

Часть дня я потратил на всякие организационные мелочи: зашел в учебную часть и оформил кое-какие документы, законсервировал на стоянке свой флаер, сдал в хранилище спортивный инвентарь и в спецбиблиотеку – учебные пособия.

Пообедав в столовой, я вернулся в свои апартаменты и начал морально готовиться выполнить свое главное обязательство, обязательство перед руководством Курсов: в очередной раз написать автобиографию.

...Бог ты мой! Сколько раз в жизни я писал свою биографию! Родился, учился, служил... В моем деле скопилось уже целая стопка автобиографий, написанных в самое разное время и по самым различным поводам. Интересно, зачем кадровикам такое их количество? Можно подумать, что ход событий в моей жизни постоянно непостижимым образом изменяется, и в каждой следующей моей автобиографии они надеются прочесть что-то новенькое!

Самое неприятное, что писать автобиографию следовало не на компе, а от руки, на бумаге, что без практики проделывать было довольно-таки мучительно. Последний раз я занимался этим пять лет назад, при поступлении сюда, на Курсы Повышения Квалификации Департамента Патруля и Разведки Космофлота. Поскольку память у меня была практически абсолютная, я дословно помнил, что я тогда написал.

Самым простым было воспроизвести слово в слово мой тогдашний текст, добавив лишь абзац, относящийся к учебе на КПК.

Я сел за стол, приготовил бумагу, взял в руки стило – и понял, что те слова, которые я писал пять лет назад, сегодня написать я уже просто не могу. Те слова были уже не моими! За последние пять лет я стал другим человеком...

Вот! Кажется, я наконец-то понял, зачем нас постоянно просят (нет, от нас требуют!) писать автобиографии. Написанные нами тексты нужны вовсе не кадровикам, – те знают все факты про нас лучше нас самих. Наши автобиографии нужны курирующим нас психологам. Они сопоставляют, анализируют тексты, потом составляют свои психопрофили (или психологические портреты?), отслеживают изменения, происходящие в личности... И это правильно! Психологические нагрузки при службе в Космофлоте, а тем более в Разведке, как правило, довольно значительные. А на нас лежит ответственность за человеческие жизни! Конечно, у психологов есть масса и других средств контроля психического состояния личного состава Космофлота, но, видно, анализ наших автобиографий тоже дает им важную информацию.

Так что мне следовало с ответственностью подойти к написанию очередного обзора своей жизни. Я начал припоминать последовательность основных событий своих прожитых пятидесяти шести лет – не так уж и много, примерно, пятая часть средней продолжительности человеческой жизни. Сначала я вспоминал «формально», делая короткие пометки (год, событие, место...), но с какого-то момента я увлекся и невольно полностью погрузился в свои воспоминания, заново переживая события последних лет, изменившие мою жизнь и придавшие ей новый смысл. Воспоминания о годах, наполненных любовью к Мелиссе...

Я, Александр Владимирович Комаров, родился на Земле, на Земле провел свое детство и юношеские годы. Конечно, как все, я летал на экскурсии по Солнечной системе и даже как-то раз провел каникулы на Марсе, отдыхая с родителями на одном из знаменитых марсианских курортов. Но пока я не поступил в иркутский Технический колледж, о космосе я не меч-

тал. В детстве я хотел стать то палеонтологом, то историком – мама моя была биологом, а отец – археологом, то – инженером, поскольку у меня рано обнаружились необычные технические способности, то решал заниматься спортом, как дядя Леон... Но когда я встретился с Владимиром Васильевичем Краммером, преподававшим в колледже космологию, я «заболел» космосом, далекими мирами и иными цивилизациями. Окончив Академию, я стал офицером Космофлота, и с тех пор большая часть моей жизни проходила вдали от Земли.

Я служил на больших и малых кораблях, и на патрульных катерах, и на транспортниках. Технические таланты, а потом и обнаружившиеся таланты организаторские, способствовали моей стремительной карьере. К пятидесяти годам я был уже самым молодым капитаном Космофлота, водившим корабли класса «А» – самые большие, самые сложные конструкции, когда-либо созданные человечеством. Мной гордилась вся семья, и причиной тому было не только мое успешное продвижение по службе. Родные считали меня героем, и, в общем-то, не без оснований. Ведь я имел несколько очень почетных наград, в том числе, «Пурпурную Звезду» – за «Альбину-3», «Золотой Звездолет» – за спасение «Королевы Марии» и «Серебряный Крест» – за операцию на Корнезо. Хотя нет, Корнезо была позже, уже в моей новой жизни...

В общем, к пятидесяти годам я чувствовал себя превосходно. Жизнь только начиналась, а я уже многое повидал и сумел немало в своей жизни сделать, стал достойным членом общества, меня уважали коллеги, любило начальство... Будущее представлялось мне светлым и предопределенным. Правда, в личной жизни все как-то не складывалось... Но я был молод, и все было у меня еще впереди!

Да... Вот так я себя и чувствовал. Все на свете мне было ясно и понятно, я был бодр и полон уверенности в завтрашнем дне, ...когда получил приказ явиться в Департамент «К» Космофлота.

В тот день, когда я прибыл в Департамент «К», я встретился с Мелиссой – Первым селфером, Адмиралом Космофлота – и обнаружил, что не знаю мир, в котором живу, и не знаю самого себя.

Оказалось, что я родился мутантом, что эта редчайшая мутация – зачатки второй структуры мозга – передавалась в нашем семействе по линии отца, и я был в семье не первым Потенциалом. Но до сих пор никому из моих родственников стать селфером еще не удавалось. А я должен был постараться.

Однако в тот момент, как выяснилось, развитие второй структуры моего мозга вошло в критическую фазу, и жизнь моя могла бы тогда же и закончиться. Но Мелисса сумела меня спасти, а я осознал, что я ее люблю. И эта невозможная, безнадежная, бессмысленная любовь стала смыслом моей жизни...

И еще в тот день я начал догадываться об истинной роли селферов в истории Земли, о том, что не так все просто устроено в нашем благоденствующем мире, и о том, что жизнь мне предстоит очень и очень непростая. Ведь задачей Мелиссы было сделать из меня селфера! ... И вот уже несколько лет она делает для этого все возможное...

Дни, проведенные тогда с Мелиссой, перевернули мои представления о действительности. Впервые я тесно общался с селферами, был свидетелем того, как они предотвратили страшную катастрофу на Марсе, обнаружил, что и селферы не всемогущи и страдают от своих ошибок, узнал, что они – очень разные и далеко не безупречны... И что человечество без них наверняка бы не выжило...

Именно тогда я начал открывать в себе способности, неведомые homo sapiens. И не всегда эти способности оборачивались для меня благом... Но – «...ведь мы жалеть себя не станем...» Впервые я узнал, увидел своими глазами, что означают эти слова, на Марсианском Южном Заводе Двигателей, а потом – на Корнезо и на «Суворове». И теперь я знаю совершенно точно, что я, как миллионы других людей, появился на свет и все еще жив лишь потому, что

Мелисса, Ласточка, Майкл и сотни других селферов не задумываясь, не жалея себя, делают то, что делать необходимо. Необходимо, чтобы жили люди, чтобы выжило человечество. И не только человечество.

Первым серьезным испытанием для меня было участие в миссии на Корнезо¹, Райском Местечке, лучшем курорте для землян. Мелисса, переведя меня в Департамент Патруля и Разведки, включила меня в команду, которая должна была осуществить первый этап операции по спасению цивилизации Корнезо.

Мне никогда не забыть месяцы, проведенные на этой райской планете. Я всегда буду помнить бессчетные тропические острова и проклятые поляны на Табе, величественные строения земных архитекторов и погребенные под землей артефакты древней культуры... Там, на Райском Местечке, земная наука пыталась исправить ошибки науки чужой, науки, погубившей создавший ее народ... Там мне довелось пережить, как свои, муки и смерти десятков разумных существ и впервые убивать самому... Там были карнавалы и ярмарки, изматывающая работа и обезумевшие убийцы... Там я испытал страдания неразделенной любви и счастье находиться рядом с Мелиссой... Там Майкл предложил мне свою дружбу и пригласил отправиться на «Суворове» вместе с Мелиссой и еще сотней селферов «прогуляться на Альбу».

Но по дороге «Суворов» завернул на Верфь-17 в системе звезды Зар, и там мы узнали о пропаже «Дона» и «Маргариты». Конечно, «Суворов», флагман Космофлота, ринулся на поиски крейсеров и... попал в засаду неведомого врага! Я помню ужас, охвативший всех, находившихся на борту, когда лучший корабль, созданный человечеством, начал разрушаться, таять в пространстве без всяких видимых на то причин...

И не будь на борту достаточного количества селферов, ставших «живыми зондами», даже самое страшное оружие, изобретенное человечеством, ничем не смогло бы нам помочь...

Странные сплетения причин и следствий... Неоднозначность понятий добра и зла... Альтруизм и объективные интересы цивилизаций... Проскопические видения и чудовищной сложности технологии... Тысячелетия усилий миллиардов людей и несколько часов из жизни сотни селферов... Не-человеческие способности и вполне человеческие чувства...

Извилист и парадоксален путь, приведший нас к победе в том странном сражении. И до сих пор неизвестно, кем был наш враг, откуда пришел, и встретимся ли мы с ним вновь. Но с тех пор Земля очень серьезно готовится защищаться и отстаивать право на свое существование.

А тогда, на «Суворове», когда все было закончено, я узнал, наконец, чем на самом деле являются селферы, и что есть их любовь.

Нет, я не был потрясен, обнаружив, что селфер – это мозг и нервная система, покрытые неизвестной мне тогда защитной субстанцией. Видимо, что-то подобное я подсознательно ожидал, я же видел, как легко Мелисса изменяет свою телесную оболочку. Да и рассказывала она о способностях селферов к преобразованию своего физического состояния достаточно много, гораздо больше того, что написано в учебниках.

Но истинное потрясение я испытал, когда Майкл и Мелисса меня «позвали», и мы соединились, превратившись в единое целое, в существо с общей памятью, общими мыслями и чувствами. Я помню испытанные мной тогда запредельный восторг, абсолютное доверие и беспредельную любовь. И столь же беспредельное горе разлуки, когда нам пришлось разорвать прямой контакт и вновь существовать по-отдельности. Я чуть не сошел тогда с ума, осознав, как одинок я был без них, каким холодным и бесприютным был мой мир обычного человека!

... Не зная света, можно жить во тьме и даже быть счастливым, но утратив свет...

К счастью, оказалось, что мы остались связаны, поскольку резонансные частоты пси-излучения у нас совпадали, и в любую секунду мы могли вступить в мысленный контакт. Однако, к сожалению, природу не обманешь. Интенсивность пси-сигнала обратно пропорцио-

¹ Алекс вспоминает события, описанные в предыдущем романе автора «Райское Местечко. Том 1».

нальна квадрату расстояния между передатчиком и приемником, и излучение человеческого мозга, и даже мозга селферов, на больших расстояниях так ослабевает, что мозг-приемник не способен обнаружить и выделить на фоне шумов несущий информацию сигнал. И хотя мозг селфера, в отличие от человеческого, способен вести пространственно-направленную передачу, межзвездные расстояния для пси-связи между селферами почти непреодолимы.

А когда на пути пси-волн оказывается препятствие, например, рассеивающее газопылевое облако, как вчера, когда Мелисса пыталась связаться с Майклом, чтобы выяснить, что же случилось во время учений, пси-связь установить практически невозможно.

Другое дело – аппаратные средства. Весь вопрос только в том, сколько энергии подводится к приемо-передающим антеннам, и какого размера удастся эти антенны соорудить. К примеру, пси-передачи акрейлов ловили антенны, распределенные элементы которых вращались вокруг Солнца по орбите, диаметр которой превышал диаметр орбиты Марса. Но вчера даже эти антенны не смогли ничем помочь, поскольку на них поступал сигнал, уже искаженный при прохождении через газопылевое облако...

А тогда, на «Суворове», Мелисса, Майкл и я были совсем рядом, и пси-контакт можно было поддерживать непрерывно. Конечно, на практике непрерывный контакт был неудобен, да и не нужен. Мелисса помогла мне научиться легко ставить и снимать пси-блокировку, – первый раз блокировку ставил мне Майкл, еще на Корнезо, на проклятых полянах, а снять блокировку – уже на «Суворове», после сражения – я сумел и сам. Потом Мелисса научила меня посылать «вызов», хотя поддерживать контакт самостоятельно я и по сей день еще не могу. Но тогда сама возможность в любую минуту «позвать» Мелиссу и Майкла наполняла мою жизнь уверенностью и счастьем. Я поверил, что избавился, наконец, от одиночества, так тяготившего меня всю мою жизнь.

Господи, сколько времени прошло, а я все никак не могу к этому привыкнуть! Мне до сих пор кажется, что со мной случилось чудо, которого я не заслужил...

Тогда, на «Суворове», когда мы были едины, слиты так, что обмануть невозможно, я понял, что Мелисса действительно меня любит, и любит не менее сильно, чем Майкла. А Майкл был на самом деле счастлив, убедившись в нашей с ней взаимной любви. И это представлялось мне тогда таким естественным, таким понятным!

Но... Когда прошло потрясение от контакта, когда улеглись сильные чувства, я неожиданно обнаружил, что к подобной любви не готов. Да, я был счастлив разделять мысли и чувства. Я был счастлив открыться в любви к Мелиссе, сопереживать их любовь с Майклом, делиться с Майклом своими чувствами к Мелиссе, но... Но.

Вот именно. Но.

Есть чувства как состояние души, а есть чувства как физические проявления, конкретные действия и ощущения. Наверное, для селферов эти вещи совпадают, но я был все-таки еще человеком. Слишком человеком. Было во мне слишком много чисто человеческих ограничений и предрассудков, возникших как результат исторического опыта и внедренных в мое сознание складывавшейся тысячелетиями культурой, на подсознательном уровне «впитанных с молоком матери», впечатанных в гены... И перспектива «открыться полностью» и «делиться всем» меня пугала.

Умом я понимал, что во мне говорил печальный опыт человечества, когда предателем, недругом или врагом мог оказаться вдруг любой, самый близкий тебе человек, который, зная о тебе все, мог, как никто иной, использовать твои слабости, заставить тебя страдать...

Понимать я это понимал, но поделаться с собой ничего не мог. Я все время вспоминал слова Майкла: «Я буду чувствовать все, что будешь чувствовать ты, что будет чувствовать Мелисса». А ведь именно в любви – если это действительно любовь – человек предельно открыт, совершенно незащищен и уязвим...

Я не мог через себя переступить. И сколько же любви, нежности и понимания потребовалось Мелиссе, чтобы освободить мою душу от призраков далекого прошлого, преодолеть мои человеческие комплексы и страхи!

Тогда, на «Суворове», когда сражение закончилось, и селферы-зонды были доставлены в регенерационные камеры растить себе новые тела, все остальные, – и селферы, и экипаж корабля, и десантники, – праздновали победу и то, что остались живы. Праздник продолжался три дня, пока на корабле не было выпито все, кроме воды. Потом еще пару дней люди приходили в себя, а селферы за это время наметили план дальнейших действий. Проблема была в том, что повреждения «Суворова» не позволяли развивать нормальные скорости, необходимые для того, чтобы за разумное время добраться до ближайшего ремонтного дока, до Верфи-17.

Дело было не в двигателях, двигатели были целы и вполне работоспособны. Но на скоростях, в тысячи раз превышающих скорость света, «пустое» пространство представляет собой довольно плотную среду, двигаться в которой с искаженной конфигурацией корпуса и отсутствием защитного покрытия было самоубийственно.

Вариантов, собственно, у нас имелось два: либо произвести минимально необходимый ремонт на месте, используя ресурсы корабля, либо ожидать подхода мобильного дока, достаточно тихоходного. В итоге выбрали первый вариант, который давал нам выигрыш почти в три месяца, но требовал от всех, присутствовавших на корабле, приложения значительных усилий.

Следующий месяц прошел в режиме непрерывающегося аврала, по сравнению с которым работа на гастрольных судах во время турне по островам Корнезо выглядела просто нудной рутинной. Здесь же каждый день возникали новые задачи и проблемы, и спасало нас только то, что селферы гениально использовали возможности и умения каждого человека, не говоря уже о самих себе.

Я работал в компании с Богданом, селфером, и Юджином Амаду, начальником технических служб «Суворова». Мы должны были воссоздать оборудование, находившееся в уничтоженной носовой части корабля. И мы проявляли чудеса изобретательности и смекалки, чтобы из имевшихся на борту устройств, не являвшихся частью систем жизнеобеспечения и функционирования корабля, собрать аналоги аппаратуры, рассыпавшейся под воздействием тахионного оружия врага практически на элементарные частицы. По ходу дела нам удалось даже – по необходимости, естественно – усовершенствовать кое-какие стандартные схемные решения навигационного оборудования, и я лично четырежды удостоился скупой, но искренней, похвалы Богдана.

Мелисса же непрерывно пропадала на бесконечных планерках, отрываясь от решения насущных производственных проблем исключительно на переговоры по пси-связи с Землей и с базами Космофлота. Понятно, ведь угроза нападения врага в любой момент в любой точке пространства представлялась тогда весьма реальной. Даже Солнечная система могла стать объектом агрессии!

Я был даже рад состоянию всеобщей занятости, поскольку эта ситуация откладывала любые мои личные контакты с Мелиссой и Майклом на неопределенный срок. Да, я был в смятении. Я трусил. Я не знал, как себя с ними вести. Аврал был тем песком, в который я, как страус, засунул свою голову.

Но аврал не мог продолжаться бесконечно. В один прекрасный день все, что можно, было сделано. «Суворов» осторожно начал разгон. Конечно, идти на предельных или хотя бы на обычных скоростях мы не могли, но расчеты показывали, что процентов тридцать от максимальной скорости корабль выдержит. Для экипажа «Суворова» это означало работу в штатном режиме, а для остальных – возможность, наконец, отдохнуть. Нам предстояло, если все пойдет хорошо, не меньше двух месяцев полета.

Первые дни все, кроме дежурной смены экипажа, конечно, отсыпались. Я тоже.

На пятый день полета я подумал, что сегодня увижусь с Мелиссой. И действительно, вскоре я услышал «вызов», и она сообщила мне, что заглянет ко мне в каюту после обеда.

Мелисса, как я понимал, собиралась, наконец, ответить на мои чувства и утолить мою страсть... И Майкл, лишенный сейчас своего тела, наверное, был готов радоваться вместе с нами нашей любви. А я, кажется, не хотел уже ничего. Нет, конечно, любовь к Мелиссе никуда не исчезла, но страсть, пылавшая во мне раньше, куда-то испарилась.

Но не мог же я Мелиссе сказать, что не хочу ее видеть! Да это была бы и неправда. Я хотел ее видеть, но встречи боялся. Я просто-напросто запаниковал. Я сидел в кресле, тупо уставившись в одну точку, без единой мысли в голове.

Но минуты бежали, и момент, когда Мелисса войдет в мою каюту, приближался. Усилием воли я взял себя в руки и решил быть готов к любому развитию событий – от чисто дружеской беседы до бурного выяснения отношений, в том числе, и на мягких предметах обстановки. Соответственно, я навел порядок в каюте, запасся едой, забив до отказа разнообразными блюдами холодильник и буфет, и, конечно же, позаботился о собственном внешнем виде. Одежду я выбрал не слишком официальную, но, в то же время, и не подчеркивающую готовность к романтическому свиданию. Я надел серый спортивного типа костюм и свои любимые домашние туфли из узорчатой кожи иберисского варана.

И приготовился ждать.

Так, наверное, преступники ждут оглашения приговора... Не исключаю, что случись данная ситуация на Земле, я мог бы просто позорно сбежать из дома. Но с корабля-то никуда не убежишь...

К счастью, ожидание длилось не слишком долго, и не все отчаянные мысли я успел передумать. Я только начал мысленно составлять двадцать первый вариант жалостного рассказа о том, как сильно я утомился при выполнении ремонтных работ, как раздался осторожный стук в дверь.

Неверной походкой я подошел к двери и открыл ее.

В коридоре стояла – Надя! После Корнезо я Мелиссу в этом облике, в облике молодой балерины, ни разу не видел, и совсем растерялся.

Через несколько долгих секунд Надя как-то неуверенно улыбнулась и спросила:

– Может, ты все-таки разрешишь мне войти?

Я молча отступил от двери.

Мелисса-Надя прошла в комнату и села в кресло у низкого столика. Я подошел ко второму креслу и, не садясь, спросил:

– Хочешь выпить мартини? Есть розовый и белый. На Верфи-17 я лучше ничего не нашел.

Это я проговорил, не поднимая на Мелиссу глаз.

– Алекс... Хорошо, давай выпьем мартини. Пусть будет розовый.

Я достал из буфета бокалы, вазу с мандаринами и бананами, вазочку с зефиром и вазочку с конфетами, вазочку с дукьярами и вазочку с пирожными, и, наконец, бутылку мартини. Я открыл бутылку и наполнил бокалы, по-прежнему не глядя на Мелиссу. Но боковым зрением я заметил, что она с интересом за мной наблюдает.

Я сел в кресло, взял бокал и, набравшись мужества, посмотрел Мелиссе в глаза:

– За что будем пить?

Мелисса опустила ресницы:

– Давай выпьем за здоровье Майкла. Знаешь, у него сейчас очень сложный период, он встраивает антиграв. Эта операция длительная, и она требует исключительной сосредоточенности. Он заблокировал свой мозг от всех внешних воздействий...

Мы чокнулись и, не торопясь, стали потягивать мартини.

«Поэтому Мелисса пришла ко мне именно сегодня! Она понимает меня как никто другой и щадит мои чувства...»

Но, оказалось, Майкл был только частью моей проблемы. Майкл был для меня, по большому счету, предлогом. Я осознал, что на самом деле я боялся совсем другого, и до этой минуты не хотел себе в этом признаваться. Я боялся, что Мелисса будет меня СРАВНИВАТЬ! За полторы тысячи лет у нее наверняка было множество разных мужчин, не говоря уже о Майкле! И сравнение, конечно же, будет не в мою пользу!..

Внутри у меня все как-то мелко дрожало. Я искоса взглянул на Мелиссу. Она разглядывала что-то в полупустом бокале и выглядела необычно смущенной и отстраненной.

Пауза затянулась, и неловкость ситуации становилась все отчетливее.

Не зная, что делать, я протянул руку к вазе с фруктами, и в этот же момент к вазе протянула руку и Мелисса. Наши руки соприкоснулись, пальцы переплелись, из ладоней Мелиссы выросли и проникли в мою ладонь тонкие черные нити...

И я вдруг понял, что чувствует Мелисса! Она тоже... боялась! Она все время думала о том, что меня, должно быть, отталкивает знание того, чем на самом деле являются селферы. Понимание того, что она – не человек... Что я, наконец, осознал, НАСКОЛЬКО она старше меня, и сколько ужасного было в ее жизни... Ей казалось, что все это должно меня отпугивать, что я не смогу ее любить, что ее вообще нельзя любить...

А Мелисса поняла все мои страхи и опасения...

Господи, мы боялись совсем разного!

Мы взглянули в глаза друг другу, и облегченно рассмеялись! И дальше все стало так легко и просто... Я даже не заметил, как мы очутились в объятиях друг друга. Просто вдруг я ощутил ее запах и вкус ее губ... Понял, что крепко обнимаю Мелиссу и всем телом чувствую, какая она мягкая и податливая... Я почувствовал ее руки, скользнувшие вдоль моей спины, ее бедра, прижавшиеся к моим... Потом как-то оказалось, что одежда нам уже не мешает, и мы можем еще теснее соединиться, слиться, срастись, проникнуть друг в друга, и в мире не было уже ничего, кроме гладкой и влажной кожи, горячих губ, прерывистых вздохов, стонов и вскриков... В изнеможении мы засыпали, обнявшись, и просыпались, сжимая друг друга в объятиях... Казалось невозможным оторваться друг от друга даже на секунду...

Тогда, в моей каюте на «Суворове», Мелисса хотела быть просто женщиной, хотела обычной человеческой любви, ласки, понимания и нежности. В тот момент в ней не было ничего от сверхчеловека, только человеческая жажда любви и тепла. И я не падал в бездну, не разлетался огненным вихрем по Вселенной, нет. Я любил Мелиссу, как любят люди, чувствуя только ее – и себя...

Но все-таки настал момент, когда надо было возвращаться к обычной жизни.

Мелисса сказала:

– Скоро Майкл снимет блокировку. Я понимаю тебя... Пусть этот наш день будет только нашим, я смогу это сделать... Майкл этот день никогда не увидит. Да он и не станет смотреть, он тоже прекрасно все понимает. Он, даже если бы мог сегодня нас видеть, не стал бы... Знаешь, мы еще не совсем забыли, как были когда-то людьми...

– Да нет, – ответил я, – отчего же... Пусть видит, я не против!

И я с удивлением понял, что действительно, не против поделиться с Майклом нашим с Мелиссой счастьем! Ведь мы трое были единым целым! В тот момент у меня было на душе так легко! Страхи, предрассудки и комплексы покинули меня, казалось, навсегда.

Однако прошли какие-то часы, и мне опять стало казаться невыносимым разделить то, что чувствовали мы с Мелиссой – только мы – с кем-то другим, даже с Майклом. И спасибо им, Мелисса и Майкл меня понимали, и на корабле, пока Майкл лежал в Р-камере, Мелисса ни разу больше ко мне не приходила. Конечно, мы с ней встречались, и даже иногда, не сдержавшись, целовались и обнимались, когда нас никто не видел – кроме Майкла, вероятно – но

откладывали возможность в полной мере наслаждаться друг другом на потом. Мы могли себе это позволить. Ведь мы с Мелиссой возвращались на Землю, а Майкл должен был лететь к себе, на Базу на Альбе...

«Суворов» уже начал торможение на подходе к системе Зар, когда селферы, выполнявшие роль «живых зондов», один за другим начали выходить из Р-камер. Когда последний селфер покинул камеру, в их честь был устроен банкет. И оказалось, что нашлись умельцы, которые из имевшихся на корабле продуктов питания изготовили немалое количество спиртных напитков! Майкл, посмеиваясь, объяснил мне, что во времена его молодости подобным умением было никого не удивить. Во времена ограничений на спиртные напитки каждый уважающий себя мужчина – и многие женщины – прекрасно владел этим искусством, зная массу рецептов получения «самогона». А уж теперь, в век высоких технологий, на любой кухне изготовить практически любой продукт, за исключением, конечно, марочных вин, вообще почти что никакого труда не представляет. Но взять в ближайшем магазине, конечно, проще...

Однако в той ситуации, когда все запасы промышленно произведенных напитков были прикончены еще во время празднования победы, народу пришлось слегка потрудиться.

Из произведенных продуктов мне понравились два коктейля на основе чистого этилового спирта – лимонный и вишневый. Конечно, это были не мускат и не кагор, и даже не мартини... Но коктейли были весьма приятны на вкус и пились легко. Майкл, сидевший на банкете по другую сторону от Мелиссы, за ее спиной наклонился ко мне, когда я с удовольствием допивал третий бокал лимонного коктейля, и тихонько проговорил:

– Алекс, ты с этими напитками поосторожнее...

– А почему? Они так хорошо пьются! Даже легче, чем вино!

Однако когда я допил шестой бокал, то понял, что остановиться надо было на первом. Мой метаболизм дал какой-то сбой, и привычная мне почти мгновенная дегидролизация этанола против обыкновения задерживалась.

В конце концов, я все-таки решил выбраться из-за стола и прогуляться в известном направлении, поскольку воде в компании с ацетальдегидом уже давно пора было покинуть мой организм. Но, встав, я почувствовал, что зал ресторана начал вращаться вокруг меня, и я с трудом удержался на ногах. Ощущение было, как после тренировки на центрифуге, добрая ей память...

Путь в туалетную комнату оказался непрост и долог, хотя я точно знал, что она находится совсем рядом, в нескольких метрах по коридору от входа в ресторан! Но на дороге постоянно встречались какие-то подъемы и спуски, да и стены коридора непостижимым образом то и дело оказывались у меня на пути...

Впоследствии выяснилось, что с подобными трудностями столкнулся в тот вечер не только я. Обсудив данный феномен в офицерских кругах, мы пришли к выводу, что в то самое время, когда мы находились на банкете, «Суворов» попал в область пространства с переменной нелинейной метрикой, что отлично объясняло все имевшие место явления. Правда, проверить эту гипотезу по записям показаний приборов никто так и не удосужился.

В общем, банкет прошел отлично и плавно перетек в банкет уже на Верфи-17, где нас встречали, как героев. И справедливо. Мы все и были героями.

Впоследствии все участники рейда на «Суворове» получили вновь учрежденный боевой орден «Щит и Меч». Члены экипажей крейсеров «Дон» и «Маргарита» получили эти награды посмертно...

«Суворов» встал в док на капитальный ремонт, и все, вернувшиеся на нем на Верфь-17, стали ожидать отправки, кто – на Землю, кто – на Альбу. Транспорт с Земли был уже в пяти днях пути, а на Альбу десантники Майкла, и те, что летали в спасательный рейд, и те, что оставались на Зарине, должны были отправиться позже, с караваном новых кораблей, готовых

вскоре сойти со стапелей верфи. Экипаж «Суворова», естественно, оставался ждать окончания ремонта.

Надо сказать, что на Верфи-17 и на всех верфях Космофлота уже было запущено новое поколение кораблей, которое имело в составе вооружения излучатели антипротонов и новую, гораздо лучше защищенную, систему внешних датчиков и пси-антенн.

И одиночных полетов в ближайшем будущем не предполагалось. Появилось новое понятие – «боевое охранение». Земля быстро вспоминала свой богатый военный опыт и готова была использовать его применительно к условиям войны в открытом космосе. И это было только начало...

Позже, когда мы с Мелиссой уже летели на Землю, она рассказала о еще неизвестных мне возможностях земной технологии, использовать которые в космической технике повода до сих пор просто не было.

– Помнишь, ты видел нас, селферов, в «натуральном» виде? Тебя ничто тогда не удивило?

– Конечно, удивило. Мозг селферов покрывает какая-то защитная субстанция, которой не страшны ни открытый космос, ни тахионные пучки.

– Да, и многое другое. Хотя, это покрытие – не абсолютная защита. Например, от внутризвездных давлений и температур оно не спасет. ... Ты когда-нибудь слышал о ро-частицах?

– Да, на Марсе, когда вы обсуждали, почему ПСВ-двигатель пошел вразнос. И когда мы прилетели с Корнезо на Верфь-17, я слышал, как Майкл с Марком говорили о ро-частицах, толщине слоев и пси-проницаемости.

– У тебя прекрасная память. Но почему ты до сих пор не спрашивал меня или Майкла об этих вещах?

– Лисса, дорогая, ты же знаешь, в теоретической физике я не силен. Вот когда будут созданы и поставлены на вооружение конкретные устройства и приборы, вот тогда я и буду разбираться что к чему, и как оно работает.

– Ну, вот, считай, что такой момент уже наступил. По крайней мере, в отношении ро-взаимодействия, переносчиком которого являются ро-частицы. Собственно, они – одна из компонент темной материи. Эти частицы индифферентны к электрослабому взаимодействию, но они участвуют в гравитационном взаимодействии и могут аннигилировать с анти-ро-частицами, которых, впрочем, в нашей Вселенной практически нет. А главное, они способны взаимодействовать с нейтронами. Существует три типа ро-частиц. Ро₁-частицы притягиваются к нейтронам, ро₂-частицы отталкиваются от нейтронов, ро₃-частицы нейтральны по отношению и к нейтронам, и ко всем другим известным нам сегодня элементарным и квазиэлементарным частицам, кроме других ро-частиц, с которыми они взаимно притягиваются. А главное, все ро-частицы поглощают тахионы, преобразуя их энергию в энергию одного из энергетических подуровней вакуума.

Покрывание мозга селферов представляет собой многослойную пленочную структуру из устойчивых к самопроизвольному распаду тяжелых изотопов обычных химических элементов, нейтронов и ро-частиц разных типов. Такая структура проницаема для пси-излучения, но является прекрасной защитой практически от всех внешних воздействий. В том числе, она не подвержена разрушению потоком тахионов.

Ну, это понять я был вполне способен. А Мелисса продолжала:

– Надеюсь, настанет момент, когда и твой мозг будет покрыт такой же защитой. Технология покрытия ро-структурами отлично освоена, но она достаточно сложна и дорога, и до последнего времени не было никакой необходимости внедрять ее в космическую технику. Но теперь мы построим большие установки и все без исключения наши корабли, и новые, и старые, покроем такой пленкой. Однако это, как и антипротонные пушки – только частности.

На Земле уже работает группа физиков и инженеров под руководством самого Стефана Шеппарда. Они пытаются спрогнозировать, каким оружием может в принципе обладать цивилизация, способная создать тахионное оружие и преодолевать внутригалактические, как минимум, расстояния. А главное – как от их оружия лучше всего защищаться. Кроме того, они пытаются сообразить, каким образом мы можем использовать для разработки эффективного оружия те наши знания, которые еще не использованы в земных технологиях. Понимаешь, оружием может быть все, что угодно, но насколько эффективным оно будет в тех или иных условиях? Для каких целей имеет смысл его применять? Впрочем, подобные вопросы, насколько я помню, в Академии рассматриваются довольно неплохо, с массой конкретных примеров из военной истории. Так что ты прекрасно понимаешь этот аспект проблемы создания новых типов вооружения.

– Да, конечно.

– И уже сейчас начата подготовка к экспедиции в ту область Галактики, откуда пришли передачи акрейлов. Непонятные исчезновения их кораблей, возможно, являются результатом агрессии того же самого врага, с которым только что встретились мы. И то, что акрейлы внезапно замолчали... Мы должны послать не просто экспедицию. Мы должны послать флот, мощный, хорошо вооруженный и защищенный от всего, что мы сумеем себе вообразить. И этот флот поведет Майкл, кому же еще...

– Майкл?

– Да, это уже решено. Конечно, в эту экспедицию отправятся многие селферы. Но Командующим будет Майкл. У него из всех живущих сейчас на Земле самый богатый боевой опыт. Да и в научно-технических вопросах он разбирается немногим хуже Шеппарда. Не говоря уже о космологии. Ведь самая первая специальность Майкла – астрономия... А я должна буду остаться на Земле. Земля – главное. И есть ведь еще тридцать шесть наших колоний и сотни баз, разбросанных на территории почти в четверть объема Галактики. Мы должны обеспечить их безопасность. И есть еще наши братья по разуму... Ты же понимаешь, никто из них самостоятельно защититься от внешней агрессии никак не способен...

– А эветы?

– Не знаю. Это достаточно старая раса, но они так давно не воевали! Наверное, забыли, как это делается. Конечно, мы пошлем на Пирамиды делегацию, попробуем им объяснить, что они тоже могут стать жертвой... Но, не знаю, воспримут ли они это всерьез, да и смогут ли отрешиться от своих внутренних проблем. Знаешь, мне кажется, что самые активные из эветов давно куда-то ушли из нашей Галактики, а на Пирамидах остались только «няньки».

– Няньки?

– Ну, да...

На этом месте тот наш разговор прервался, поскольку Мелиссе сообщили, что пришел вызов с Земли, и она отправилась к связистам.

Но до этого разговора были еще дни на Верфи-17. Майкл и Мелисса собрались все-таки отдохнуть на Зарине, в Озерном Крае, на Базе-2, откуда прошлый раз нам пришлось так внезапно вернуться. Они звали с собой и меня, но я решил им не мешать. Ведь Майкл должен был улетать на Альбу, а мы с Мелиссой возвращались на Землю. И неизвестно было, когда еще им придется встретиться...

Я вообще не стал спускаться на планету. Я поставил пси-блок и не снимал его до тех пор, пока мы с Мелиссой вместе с несколькими сотнями людей и селферов не погрузились на три крейсера, пришедших за нами, чтобы переправить нас на Землю.

Надо сказать, весь тот полет впервые в жизни я чувствовал себя достаточно неудобно. И не только я. Вдруг оказалось, что кроме обычных опасностей космических путешествий, к которым человечество за сотни лет привыкло и с которыми научилось неплохо справляться, добавилась опасность новая. Знать, что чужая злая воля может в любой момент внезапно обо-

рвать твою жизнь, и смерть твоя будет окончательной и бесповоротной... Это было трудно перенести.

Правы были Мелисса и Майкл, когда говорили, что уверенность человека в безопасности современного мира имеет оборотную сторону. Вскоре обнаружилось, что люди практически перестали летать за пределы Солнечной Системы, за исключением тех, кому это было совершенно необходимо по работе. И даже в Космофлоте отдельные товарищи раньше времени решили уйти «на заслуженный отдых», а кое-кто внезапно обнаружил у себя несовместимую с космическими полетами болезнь. Таких людей было немного, но они были. И можно ли их осуждать?

Но все проходит. И люди ко всему привыкают. Года через полтора все вошло в свою колею, тем более что никаких нападений на наши корабли больше не случилось. Да и безопасность полетов, как и планировала Мелисса, была повышена очень существенно.

Когда я вернулся на Землю, то неделю провел с родителями. Я не виделся с ними почти год. Мама с отцом прервали свою работу и прилетели в Москву, чтобы я мог побыть с ними несколько дней в родном доме.

Конечно, они уже знали, что я был на «Суворове» и участвовал в первом в истории Земли космическом сражении, и задним числом страшно волновались. Я рассказал им обо всем, что происходило во время рейда «Суворова», обо всем, о чем можно было рассказать. Разумеется, я заранее ознакомился с официальной версией событий, распространенной средствами массовой информации, и в свой рассказ я просто добавил отдельные яркие детали, никак не влиявшие на суть официальной версии.

Переживания родителей были так сильны, что их даже не утешило известие о полученных их сыном новых наградах. В тот момент главным было то, что я подвергся страшной опасности и, слава богу, остался жив.

Когда эмоции по поводу всего мной пережитого поутихли, я вручил маме и папе привезенные с Корнезо подарки. Оказалось, с подарками родителям я угодил, и радость их была неподдельной. Конечно, я должен был подробно рассказать о Райском Местечке. Их, как специалистов, интересовали детали, и мне пришлось быть очень внимательным, чтобы не проговориться о чем-то, что могло навести их на мысль об истинной ситуации на Корнезо, о нашей миссии и о моем в ней участии.

Увы, вдруг оказалось, что есть масса вещей, о которых я теперь не могу рассказать даже самым близким и любящим меня людям...

Правда, я случайно узнал, что и у родителей появился от меня свой секрет, конечно же, временный. Я случайно услышал их разговор, из которого понял, что они решили уступить настойчивым просьбам Всемирного Комитета по Генетике, и скоро у меня появится сестренка...

Через неделю родители вернулись к своей работе, а я в назначенный день отправился на новое место прохождения службы.

Я стал офицером Отдела по делам Иных Цивилизаций в Департаменте Патруля и Разведки Космофлота. Этот Департамент подчинялся непосредственно Главному Управлению и его руководителю, Адмиралу, то есть Мелиссе, и находился в одном из зданий на обширной территории Главного Управления Космофлота, расположенной на западной окраине Москвы.

Как положено, в первую очередь я явился к руководителю Департамента «ПР», генералу Юрию Владимировичу Абашидзе. Когда по его приглашению я занял одно из кресел за столом совещаний в его кабинете, он сказал:

– Что ж, Александр Владимирович! Рад, что вы теперь будете служить у нас. Я изучил ваше личное дело, так что знаю и о ваших прошлых заслугах, и об участии в операции на

Корнезо, и о вашей роли в успехе рейда «Суворова». Надеюсь, Адмирал не ошиблась, решив, что и наши дела вам окажутся по плечу.

Но не будем играть в прятки. Вы должны понимать, что вы можете быть отличным офицером, талантливым инженером и признанным героем, но способность работать по нашему профилю вам еще предстоит доказать. А главное, сначала вам следует изучить азы нашей профессии. Академия, конечно, хорошо, тем более что вы закончили ее, как я вижу, четвертым на курсе, и опыт практической работы у вас есть. Но начинать вам придется с наших Курсов Повышения Квалификации. С Адмиралом этот вопрос согласован.

Знал ли генерал о том, что я – Потенциал, причем Потенциал Мелиссы? Наверняка знал. Ведь на Корнезо Мелисса официально представляла меня как своего Потенциала. А вот о личных отношениях... Ну, если пока и не знал, то все равно вскоре должен был узнать. Такая уж у него была профессия.

Но держался генерал Абашидзе со мной, как с обычным человеком, одним из подчиненных ему офицеров, и даже мнение Мелиссы, лично направившей меня в его Департамент, не было для него непререкаемой истиной. И это мне понравилось.

Покинув кабинет генерала, я получил в канцелярии Департамента официальное направление на Курсы Повышения Квалификации. Конечно, Мелисса меня предупреждала, что начинать новую службу мне придется с учебы, но никаких подробностей об этой учебе она мне не сообщала. Что ж, курсы, так курсы!

Курсы ПК находились в Петербурге, и я решил сразу отправиться туда. Занятия начинались только через две недели, но Мелисса была слишком занята, и надеяться провести с ней какое-то время я не мог. Так что оставаться в Москве мне не было никакого смысла.

Как обычно, маршрут до места расположения КПК был записан на пластине моего личного удостоверения. Мой флаер оказался уже доставлен со стоянки Департамента «К» на Снагове, где я оставил его почти год назад, и дожидался меня, сияющий чистотой и полностью готовый к полету, в подземном гараже ГУ. Все-таки, армейские порядки – это вещь!

Короткий перелет до Петербурга, и я был уже на месте назначения, на территории Курсов ПК...

Ха, Курсы! Как же!

«Курсы» оказались специальным высшим учебным заведением, в котором мне предстояло провести ближайшие шесть лет! Прежде чем узнать, чему же именно меня здесь будут учить, мне пришлось дать кучу подписок о неразглашении всего, касающегося КПК, начиная от планировки территории и заканчивая содержанием учебных дисциплин. Складывалось впечатление, что даже само упоминание о существовании этих Курсов могло расцениваться как военное преступление. Конечно, с остальными курсантами подобных проблем не возникало, их просто кодировали, но на меня-то коды не действовали!

И вскоре я понял, что подобная секретность была совершенно оправдана. Ведь знания – это сила. А сила может быть использована и во вред. Особенно, если эти знания, эта сила, являются инструментом, способным управлять как отдельным человеком, так и обществом в целом.

Я знал, что основная работа Отдела по делам Иных Цивилизаций Департамента Патруля и Разведки Космофлота связана с секретными программами Космофлота, то бишь, селферов, типа «Депо». Одну из таких программ, «Пятая колонна», Мелисса как-то упоминала. В целом же Отдел по делам Иных Цивилизаций контролировал, если не направлял, работу Комитета Иных Цивилизаций при Всемирном Совете, что, естественно, широко не афишировалось по тем же причинам, что и львиная доля всей информации о деятельности селферов, проводимой под эгидой Космофлота.

Учебное заведение Департамента Патруля и Разведки, Курсы ПК, готовило кадры для проведения некоторых из этих секретных программ Космофлота. И эти кадры получали зна-

ния, совершенно необходимые для их будущей работы, но заключающие в себе потенциальную опасность как для отдельных личностей, так и для всего общества...

Взаимоотношения цивилизаций – дело весьма тонкое. Успех любых наших контактов с другими цивилизациями определяется, в первую очередь, полнотой и адекватностью информации о тех существах, с которыми мы имеем дело. На примере Корнезо я понял это как нельзя лучше.

Получить информацию о жизни иной расы можно тремя путями.

Первый путь – узнавать то, что тебе узнавать позволяют, сообщая непосредственно или разрешая собирать те или иные данные. Это работа для наших посольств и научных экспедиций.

Вторая возможность – наблюдать за жизнью цивилизации и отдельных ее представителей тайно, с помощью аппаратных средств, о существовании которых аборигены не подозревают. И от этой возможности мы никогда не отказываемся, благо опыт подслушивания и подглядывания человечество имеет колоссальный.

Третий путь – собирать информацию внедренными в чужую цивилизацию агентами-разведчиками, живущими под видом обычных аборигенов.

На Корнезо человечество пользовалось только первыми двумя возможностями, поскольку до сих пор не удалось создать человека-автотрофа, человека-растение, какими являлись аборигены Корнезо. Конечно, подобную роль легко мог сыграть любой селфер, но селферы были слишком ценны, чтобы без крайней необходимости отрывать их на длительный срок от выполнения задач гораздо более важных.

Но в большинстве других миров иных цивилизаций внедренные агенты существовали, и часто именно они сообщали на первый взгляд совсем незначительные, но очень важные детали, которые помогали лучше понять аборигенов, особенности их культуры и мышления, и, тем самым, позволяли не совершать при контактах нелепых ошибок, достигать взаимопонимания и эффективно проводить выгодную Земле политику.

А помимо иных цивилизаций имелись еще и земные колонии, где жизнь подчас мало была похожа на жизнь в метрополии. И взаимоотношения между центральной властью и местной администрацией требовали иногда гораздо больше осмотрительности и политических ухищрений, чем взаимоотношения с иными цивилизациями.

Так что главной целью обучения курсантов КПК являлось умение собирать информацию в земных колониях и в мирах иных цивилизаций. И важнейшим для решения этой задачи было научиться жить в непривычной среде обитания и внедряться в чуждое тебе общество.

Поэтому учеба будущих агентов-разведчиков начиналось с повторения основ физики, химии, астрономии и планетологии. Параллельно углубленно изучались курсы «Теория информации», «Структура программного обеспечения систем обработки информации», «Живые системы обработки информации», «Личность как информационная модель» и «Эволюционные процессы». После завершения этих курсов наступало время биологии и ксенобиологии, психологии и ксенопсихологии, социологии и ксеносоциологии, этнографии и ксенозтнографии, лингвистики и нейролингвистического программирования. И, наконец, курсанты переходили к практическим занятиям и подробному изучению особенностей конкретных миров и чужих цивилизаций.

Все эти науки, и теоретические, и прикладные, содержали, конечно, немало закрытых от широкой публики сведений, и уже сами по себе могли являться инструментом влияния на отдельные личности и целые сообщества. Но самые опасные знания и навыки приобретались курсантами при изучении других, весьма специфических дисциплин.

Дело в том, что рассчитывать на то, что при тайном сборе информации даже в дружественно настроенных к Земле мирах все пойдет гладко, было бы наивным. Добывание необходимой информации не всегда бывает делом пассивным и благородным. Жизнь в чужих мирах

сама по себе представляет для человека немалую опасность, а уж попытки выяснить что-то, что местные жители сообщать нам не хотят, либо и сами не знают, либо сами и знать не хотят... Печальных эксцессов случилось немного, но они все-таки бывали.

А целью внедренного агента было не только собрать информацию, но и доставить ее на Землю, оставшись при этом в живых.

Поэтому многие знания и умения, которые давало это учебное заведение, были не просто опасны, они были страшны. Не только самые полные знания о человеке, человечестве и разуме во всех его проявлениях, не только новейшие инженерные разработки и технологии, но и весь жуткий, грязный, подлый опыт человечества, все методы и способы, процедуры и приемы, хитрости и уловки должны были уметь применять в своей работе разведчики... Все, что давало власть над разумным существом и обществом, над ситуацией и процессом, все, что могло способствовать выявлению истины и управлению событиями, и все, что обеспечивало выживание...

Я хорошо понимал, что сколь бы чудовищными ни представлялись бы эти знания и умения, они были вне морали. Это были средства, обеспечивающие достижение поставленной цели. Вопросом морали было другое – определение цели и выбор средств для ее достижения.

Я помнил, с какой горечью, с каким отчаянием говорила Мелисса о «грехе выбора», который приходилось принимать на себя селферам. Я сам впервые столкнулся с этим на Райском Местечке, и теперь еще отчетливее стал сознавать, о каких выборах может идти речь...

Но не все курсанты оказались готовы принять эту неизбежную составную часть их будущей работы. Двое ребят с нашего курса были отчислены почти сразу, через четыре месяца после начала занятий. Ну не смогли они примирить свои представления об устройстве мира с открывшимися им жизненными реалиями! Им хотелось по-прежнему жить в мире простом и ясном, чистом и светлом, и не знать, что бывают миры иные, что случаются смерть и насилие, что в какой-то момент ты должен проделать то, что противно твоей природе и приводит тебя в ужас, что бывает отсутствие выбора, бывает отчаяние от бессилия, что бывает... что много чего бывает.

Но вообще-то курсантов отбирали тщательно. На нашем курсе осталось учиться 62 человека. Распространение биографических данных, мягко говоря, не поощрялось, но я видел, что все они повидали уже немало, побывали в каких-то непростых ситуациях. Среди курсантов были офицеры из десанта и из Дальней Разведки, а также несколько инженеров и научных работников. За годы учебы мы, конечно, неплохо узнали друг друга, но друзьями как-то не стали. Обстановка не располагала.

Надо сказать, что среди курсантов я был в определенном смысле «белой вороной». Будучи моложе практически всех остальных, я имел при этом самое высокое звание. И четыре высших награды Земли тоже меня выделяли. А главное, я был единственным на курсе Потенциалом. Я, естественно, никоим образом не афишировал свое знакомство со многими селферами, и, тем более, особые отношения с Адмиралом. Но, видно, слухом земля полнится, и скрыть, что я – Потенциал, было никак невозможно. Я только надеялся, что никто, кроме генерала Абашидзе, и, возможно, Начальника Курсов, не знает, ЧЕЙ я Потенциал. Но и без всяких слухов меня с головой выдавали некоторые мои способности.

Конечно, те или иные особые способности имелись у многих курсантов. Например, были товарищи, обладавшие отсутствующим у меня талантом к языкам. Но я просто ставил себе в процессор лингво-программы, и ни в чем им тогда не уступал. Или, например, встречались среди бывших научных работников отличные психологи и социологи, и в теории они превосходили всех. Но когда дело дошло до практических занятий по главным дисциплинам – нейролингвистическому программированию и вживанию в чуждую социосреду – мой практический опыт и пси-способности перевесили все их теоретические знания.

Другим весьма важным предметом являлась наука выживания в неблагоприятной среде обитания и в боевой обстановке. В части физических данных я уступал большинству сокурсников, и этот предмет давался мне тяжело, здесь я сначала многим проигрывал. За первые два года мы прошли весь цикл подготовки десантников, а дальше пошло еще хуже. Господи, да курс военной подготовки в лагерях на Альбе времен учебы в Академии теперь я вспоминал с умилением! Но все-таки я выдержал, и к пятому курсу с удивлением обнаружил, что все еще жив и даже практически здоров. Мало того, организм мой в итоге оказался способным вынести то, что, как я думал раньше, вынести могут лишь селферы. И в этом я тоже превзошел всех остальных.

Несомненно, не в одних тренировках тут было дело. Ведь всем управляет мозг, а мой мозг продолжал развиваться. Похоже, я постепенно учился пробиваться, еще не совсем осознанно, к тем подпрограммам собственного мозга, которые отвечали за метаболизм и построение тканей и органов тела...

Но отдаляли меня от товарищей по учебе не только мои особые способности.

На четвертом году обучения началось углубленное изучение иных рас, и ко мне обратилась с необычной просьбой Начальник Курсов, полковник Голда Смушкевич. Она попросила меня рассказать курсантам об операции на Корнезо и о моих личных впечатлениях об этой планете и ее цивилизации. Я не видел причин ей отказать. Договорившись со мной, она обратилась в ГУ и получила вместе с разрешением на этот учебный эксперимент подборку видеоматериалов о Райском Местечке.

Там было все, – и съемки на проклятых полянах, и охота на инициативных бабочек, и инциденты в «рыбной войне», и наш танк, «Носорог-18», в тоннеле на Табе, и госпиталь для корнезианцев на Лалуэ, и бойня на Та-ни-кау...

Что ж, я и рассказал все.

Большая аудитория главного корпуса была заполнена до отказа. Послушать меня пришли почти четыреста человек – все пять курсов и полный штат преподавателей. Когда дело дошло до массовой бойни на последнем нашем балетном спектакле, я прокрутил полную запись событий.

На экране в мельчайших подробностях виден был театральный зал, в котором повсюду лежали растерзанные тела и буйствовали ги-ше-релы, а люди, обычные земляне, сворачивали им шеи, перебивали горла, разбивали черепа... Все было залито бурой кровью. И мы, люди, были запачканы этой кровью...

И я был участником этой драмы. И я, действуя, подобно машине, убивал ги-ше-релов одного за другим... На экране несколько раз крупным планом мелькало мое лицо, искаженное страшным напряжением, покрытое брызгами чужой крови...

...Казалось бы, на занятиях по специальным дисциплинам курсанты успешно усваивали отвратительный опыт спецслужб всех времен и народов, изучали не совместимый с представлениями о гуманизме опыт, приобретенный человечеством за тысячелетия войн, наблюдали весьма реалистические душераздирающие сцены исторических событий и сами проделывали в симуляторах реальности непредставимые для нормального человека вещи... Но тысячу раз была права Мелисса, когда говорила, что при этом каждый человек был твердо уверен, что все это не имеет лично к нему никакого отношения, что весь этот ужас – не более чем иллюзия, что он обязательно вскоре вернется в свой мир, где ничего подобного не происходит и происходить не может...

А в тот момент собравшиеся в зале не просто наблюдали жуткие сцены на экране. Перед ними стоял я, тот, кто участвовал в творившемся на экране кошмаре.

И я был одним из них...

Возможно, именно в тот момент многие в зале впервые осознали, что убийства и убийцы имеют место не только в кино и в симуляторе реальности, но и в действительности, здесь и сейчас.

Не знаю, что потрясло их больше, – сам факт, что я убивал, или то, как это я делал? Или то, что я другим приказывал убивать? Или они ужаснулись, осознав, наконец, что на моем месте может оказаться любой из них?

Но как бы то ни было, с тех пор я чувствовал какое-то особое к себе отношение, какую-то отчужденность... Они были еще «чисты», а я – уже нет. И было не важно, что я должен был убивать, и почему я должен был убивать! Я – убивал. Они – нет. Пока – нет... Думаю, каждый втайне надеялся, что уж ему-то делать подобное не придется никогда в жизни... Дай-то бог!

Учеба на Курсах ПК, несмотря на все режимные строгости и большие нагрузки, оставляла курсантам кое-какое время для личной жизни. Мы имели нормальные выходные и ежегодные двухмесячные каникулы, так что видеться с Мелиссой мы могли достаточно часто, обычно – раз-другой в месяц. Случалось, конечно, что мы встречались и реже, поскольку Мелисса работала весьма напряженно. Зато все каникулы я проводил на острове Мелиссы, и уж тогда я видел ее каждый день! Вернее, каждую ночь...

Обычно, когда мы могли вместе провести выходные, Мелисса прилетала за мной в Петербург, и мы встречались в пятницу вечером где-нибудь в городе. Прежде, чем отправиться к ней на остров, мы часто ходили в театр или в ресторан, на выставки, или просто немного гуляли по городу. В Петербурге Мелисса, конечно, никогда не появлялась в своем обычном облике Адмирала. Иногда она бывала в образе Нади, иногда принимала вид той молоденькой девушки, какой предстала передо мной в приемной, когда я в тот памятный день прибыл в Департамент «К», а иногда Мелисса решала немного развлечься, и я должен был узнавать ее, явившуюся на место встречи в облике совершенно незнакомой мне женщины. И я всегда безошибочно ее узнавал, как бы необычно она не выглядела. Я и сам не мог объяснить, как это происходит. Сначала я думал, что узнаю ее по «ментальному рисунку», по структуре пси-излучения, хотя она специально старалась «молчать» в пси-эфире. Но, похоже, дело было в чем-то другом. Ведь я узнавал ее, даже когда она ставила пси-блок! И когда я сам ставил блок, тоже все равно ее узнавал!

Не только я, но и Мелисса не могла объяснить, в чем тут дело, и время от времени устраивала всякие эксперименты. Например, как-то раз мы собрались пойти на премьерный спектакль балета «Покорители пространств» с участием Шерра. Понятно, что после рейда «Суворова» Мелисса не имела возможности тратить время на роль Нади Назаровой и танцевать в спектаклях, однако следить за новинками в мире балета она продолжала. И вот, придя к Мариинскому театру, я обнаружил у входа Мелиссу, принявшую облик молодого человека, стройного, смуглого и черноволосого. В довершение всего этот юноша был одет в куртку и джинсы.

Я тихонько подошел сзади и возмущенно прошептал «юноше» прямо в ухо:

– Я рассчитывал посетить премьеру в одном из лучших театров Земли в компании с неотразимой красавицей, или, хотя бы, с инопланетным чудовищем, и даже не поленился надеть бабочку! А что я вижу? Ни красавицы, ни чудовища, одни джинсы!

Парень повернулся ко мне и рассмеялся:

– Ну, Алекс, тебя, действительно, не обмануть! А мне так хотелось посмотреть на твое растерянное лицо, когда ты не сможешь меня обнаружить!

– И не надейся! Даже если ты превратишься в маленького зеленого человечка, я тебя все равно узнаю! Но в театр с мужчиной, да еще в джинсах, я не пойду! Пусть лучше Шерр потом на нас обижается!

– Ладно, не сердись! За неотразимой красавицей дело не станет. У меня во флаере приготовлен совершенно убийственный наряд. Пойдем, флаер я оставила вон там, на крыше.

Мы поднялись на крышу одного из ближайших домов, где на стоянке был припаркован флаер Мелиссы. Мы забрались в кабину, Мелисса сбросила куртку и джинсы, и на моих глазах стройный юноша начал превращаться в знойную красавицу. Быстро отрасли волнистые темные волосы, расширились бедра, нежнее стал овал удлиненного лица, выдalisь вперед совершенной формы груди с маленькими темными сосками...

– Да черт с ним, с балетом, – сказал я...

...Но в театр мы все-таки отправились, исключительно из уважения к Шерру. Правда, на свои места мы пробирались в темноте, под последние аккорды увертюры... А ярко-красное платье Мелиссе, действительно, очень шло, оттеняя необыкновенный темно-золотой цвет ее кожи. Только без платья она нравилась мне еще больше... Этот облик черноволосой смуглянки... Весь спектакль я не мог дожидаться, когда мы, наконец, окажемся одни, в спальне ее коттеджа, или хотя бы в кабине флаера... Естественно, сначала была кабина флаера, а спальня уж потом...

Когда мы с Мелиссой попадали к ней на остров, то большую часть времени проводили в ее коттедже. Спальня Мелиссы имела выход во внутренний дворик, ограниченный с трех сторон стенами коттеджа, а с четвертой – крутым скальным склоном. Полупрозрачные раздвижные двери открывали из спальни проход на широкую веранду в мавританском стиле. Там стояли столики, мягкие кресла и диваны с яркими подушками. Прямо с веранды пологие ступени вели в голубую воду мраморного бассейна, в дальнем конце которого со скалы струился небольшой водопад. А ближе к веранде со дна бассейна поднималась абстрактная скульптура-фонтан. Я не поклонник подобного искусства, но эта скульптура была хороша. На игру бликов и теней на ее текучих ассиметричных формах можно было смотреть бесконечно. Бассейн окружали заросли, где переплетались ветви кустов и деревьев, где из высокой травы тянулись к солнцу цветы, привезенные с далеких планет...

Там я провел лучшие дни и ночи своей жизни. Мы с Мелиссой любили друг друга и в полуденном мареве, и в закатных лучах солнца, и в таинственном свете луны...

...Вот мы, как обычно, сидим или лежим, тесно прижавшись друг к другу, смотрим «Новости» или читаем, разговариваем или изредка перебрасываемся отдельными фразами... Я чувствую все оттенки ее настроения, иногда ловлю ее мысли, наслаждаюсь малейшими движениями ее тела. Но вот мы вдруг встречаемся взглядами, или прядь волос Мелиссы случайно касается моей щеки, или просто я откладываю в сторону очередную книгу и провожу рукой по ее груди, животу, бедрам... И вот уже наши сердца бьются в такт, дыхание – в такт, нервные импульсы – в такт... Мы стремительно прорастаем друг в друга нервами, черными нитями, плотью... и нас нельзя разделить! Мы сплетены воедино и в яростной судороге экстаза, и в обессиленной распластанности неги... Я сладостно измучен, я погружаюсь в блаженную истому, уплываю в счастливый легкий сон... Но нежные губы касаются моей щеки, и я возвращаюсь в чудесную явь...

Когда я оставался на острове без Мелиссы, я иногда расслаблялся и просто отдыхал, читал что-нибудь развлекательное или бездумно смотрел какую-нибудь муру по Сети. Но особенно расслабляться позволить себе я не мог, мне приходилось по нескольку часов в день посвящать усиленным тренировкам. Я бегал по дорожкам парка, плавал в бассейне, занимался акробатикой и выполнял комплекс силовых упражнений. И дело было не в том, что я вдруг стал фанатиком спорта. Нет, отлынивать было нельзя, поскольку домоправительница Мелиссы Валентина Петровна кормила меня, что называется, на убой, и стоило бы мне только потерять бдительность, как вся моя спецподготовка пошла бы коту под хвост.

Уговорить ее перейти на облегченный, диетический вариант моего питания оказалось делом чрезвычайно сложным. Валентина Петровна была твердо убеждена, что во всех местах прохождения военной службы народ злобно недокармливают. Ну, некоторый резон в ее убеж-

дении, конечно, был. Кормили нас на Курсах питательно и сбалансировано, ничего не скажешь. Но невкусно.

А главное, помимо общих представлений о достойном питании вверенных ее заботам особ, Валентина Петровна прониклась ко мне совершенно особыми теплыми чувствами, поскольку Мелисса неосмотрительно поделилась со своей домоправительницей историей о том, как я спас ее от расстрела из горнопроходческого излучателя. И свое расположение ко мне Валентина Петровна выражала единственно возможным для нее способом.

Так что первое время каждый мой завтрак, обед и ужин грозил превратиться в некий лукуллов пир. А отказаться от кулинарных шедевров Валентины Петровны у меня не хватало силы воли. Господи, она готовила совершенно божественные котлеты с начинкой из грибов или томатов! И тающие во рту отбивные и бифштексы! И потрясающие телячьи медальоны, куриные рулетки и маринованную баранину! Я не мог удержаться и не попросить добавки борща или фасолевого супа, или супа-пюре с копченостями, или лукового супа с сыром, не имеющего ничего общего с неизвестно почему знаменитым французским луковым супом! А судак в кляре с соусом из маринованных огурчиков и майонеза! А совершенно невероятное соте из кабачков! А жареные баклажаны! А оладьи с яблоками!

Да, оладьи с яблоками... Основная беда заключалась в том, что помимо приготовления супов, мясных и овощных блюд, Валентина Петровна постоянно что-то пекла, – пироги, пирожки, ватрушки, беляши, торты, булочки, плюшки... И еще у нее получались бесподобные манты и пельмени. О, эти пельмени! Пельмени со сметаной и пельмени жареные, пельмени с чесночной пастой и пельмени рыбные под маринадом! А вареники!!! И еще запеканки... И неправдоподобно-воздушные омлеты... И какие-то фантастические десерты!..

В общем, угроза отрастить за неделю-другую не животик, и даже не пузо, а настоящее брюхо, была совершенно реальна. И как же я в таком виде смогу проводить тренировки по ЗАБО – защите без оружия, или бегать кроссы? А главное, как в этом случае я буду выглядеть перед Мелиссой?!!

Именно последнее соображение подсказало мне способ умерить кулинарный энтузиазм Валентины Петровны.

Как-то раз, когда в ожидании Мелиссы и, соответственно, ужина, Валентина Петровна предложила мне «заморить червячка» сантурианскими вилетами, сырниками со сметаной и парой кружек топленого молока, я решил серьезно с ней поговорить.

– Дорогая Валентина Петровна! Как же замечательно вы готовите! Никогда в жизни я ничего подобного не ел! Нигде, ни в одном ресторане!

– Ну, Алекс, я очень рада, что вам нравится. Хотя бы на каникулах нормально поедите. А то скоро обратно, на службу...

– Ах, Валентина Петровна! У вас подлинный талант! Вас в любом ресторане на руках бы носили! Наверное, вы получали приглашения работать где-нибудь в Москве или в Париже?

– Ну, вот еще! Стала я на их предложения соглашаться! А кто же тогда Мелиссочку кормить будет? Да и вас, Александр Владимирович, и господина Майкла? Нет, я никогда Мелиссу не брошу. Она ведь меня спасла от жуткой смерти... или того хуже... Я, как вышла в отставку, приехала сюда и говорю: «Делайте, что хотите, госпожа Адмирал, а я хочу с вами остаться и делать для вас все, что возможно. Дети мои давно выросли, и я могу теперь позаботиться о вас». Мелисса и согласилась. Чужих людей она рядом с собой не терпит, но мы-то с ней – не чужие. Боевые подруги! Вот скоро и мой Степан вернется из экспедиции – он в Дальней Разведке служит – и выйдет в отставку. Пора ему уже. Мелисса согласилась, чтобы и он жить здесь остался. Она хорошо к нему относится. А по хозяйству ему дело найдется. Те же бассейны чистить, да и в садах работы много. И не надо будет каждый раз ребят с биостанции звать.

– Валентина Петровна, а как вас спасла Мелисса? Когда?

– Да еще на Саракосте дело было. Я тогда молодая, неопытная была. Только три месяца, как в десанте служила. Знаете, Алекс, учеба – учебой, а как до дела дойдет... Я попала в команду, летевшую со второй экспедицией на Саракосту. Нам, конечно, все рассказали, что первая экспедиция узнать сумела, да только узнали-то они не слишком много. Те ребята, как увидели ящериц этих, Фао, так сразу и улетели. Мол, работа там – для специалистов. Правы, конечно, были. Но, главное, испугались...

«Да кто бы не испугался, – подумал я, – «ящерицу» эту только хорошей бомбой остановить можно!»

– В общем, – продолжала Валентина Петровна, – экспедиция наша подготовлена была неплохо. И оборудования, и биологов, и геологов хватало. И селферы с нами полетели, шесть человек, Мелисса в том числе. Планета-то была серьезная.

Нас, десантников, взяли, чтобы мы ученых во время работы охраняли. Но господа специалисты сначала охраной несколько пренебрегали, пока в ситуации не разобрались. И нас, охранников своих, первое время со всякими поручениями посылали.

На четвертый день после высадки биологи работали неподалеку от базового лагеря, километрах в пятнадцати. Я с ребятами была прикомандирована к их группе. Часа через три после начала работы биологи обнаружили там что-то важное, и решили отправить образцы на анализы в лабораторию в базовый лагерь. Я вызвалась отвезти анализы, очень уж мне надоело в том лесу торчать, жарко, влажно, пакость всякая мелкая мельтешит, даже в скафандре противно. Сказала, одна поеду, справлюсь, ничего страшного в глайдере с бронезащитой со мной не случится. По отличной дороге – всего-то пятнадцать километров до лагеря – я минут за десять доберусь. Да... Мы тогда еще по ящерициным тропам, как по шоссе, ездили... На глайдере! Вся группа на восьми глайдерах просто так и приехала. Никто и не понимал, как рисковали.

Так вот, взяла я образцы, погрузилась в глайдер, выбралась на «шоссе» и потихоньку полетела. Вдруг, смотрю, из-за поворота на меня что-то несется, весь просвет над «шоссе» закрывает! Развернуться? Свернуть? А куда сворачивать, лес-то прямо к дороге подступает! Тут неожиданно вижу – просека в сторону от «шоссе» уходит. Я – туда. Раздумывать было некогда, я уж разглядела, ЧТО мчится мне навстречу...

Валентина Петровна ненадолго остановилась и вздохнула. Видно, воспоминание то было весьма неприятным. Помолчав, она продолжала:

– Конечно, испугалась я тогда сильно. Думала только о том, как подальше отъехать. Не сообразила, что в просеку ящерица не влезет и гнаться за мной не будет. Да вдруг плюхнулся мой глайдер на землю, но то была не земля, а болото... Воздушная подушка настроена-то у меня была на твердую поверхность! А тут – болото! Глайдер волну поднял, закачался, накренился, носом в какие-то стебли въехал, корма вниз пошла... Плохо помню, да и не поняла я тогда, как это случилось... Наверное, я в панике что-то не то с управлением сделала... В общем, двигатель отрубился, и глайдер начало засасывать. Я не сразу сообразила, что тону в болоте. Когда сообразила, откинула люк, выбралась наверх, а машина уже почти вся в жижу ушла. Я хотела допрыгнуть до берега. Да только то не берег был... Ухнула я в болото, и сразу с головой в глубину ушла... Вот ужас-то был! Коричневая непроглядная муть, где – берег, где – глайдер? Пробовала бултыхаться, плыть, да куда там... Вязко, с каждым движением, чувствую, только вниз ухожу. Коммуникатор мой под скафандром, передатчик в глайдере там же, где глайдер, неизвестно, где... Подвешена я в этой жиже – где поверхность, далеко ли? И где дно? И есть ли оно вообще? Что делать – не знаю... Сколько времени прошло – не знаю... То сердце колотится, и – шум крови в ушах, как грохот камнепада, то – тишина, будто сердце и не бьется вовсе. Самое ужасное – полная темнота, что с закрытыми глазами, что с открытыми... И вдруг я стала какие-то радужные пятна видеть. Пятна вспыхивали и исчезали, а потом появилась какая-то черная паутина. Никогда раньше такого со мной не было... И с головой что-то странное про-

исходить стало. То кажусь я себе маленькой-маленькой, то – огромной, как дом... Сознание то отключается, вроде – засыпаю, то ясно-ясно представляю себе, как медленно, много дней я так умирать буду, ведь в скафандре жизнезапас на две недели активной работы рассчитан. Я плакала и жалела, что с дороги свернула, уж лучше бы – мгновенная смерть, чем так...

Валентина Петровна опять помолчала.

– Да... Пролежала я в том болоте часа четыре, а казалось – вечность. Вдруг, чувствую – какое-то волнение жижи, потом – плюх...плюх... Я даже не испугалась сначала. А потом что-то схватило меня и потащило вверх. Я руками замахала, грязь со шлема стерла, и чуть не умерла со страху! Близко-близко от моего лица жуткая морда ящера с огромными зубами. Он держит меня лапами и разглядывает немигающим глазом. Думаю, все! Пришел мой конец. От этой твари и скафандр не спасет. Не разорвет скафандр – так меня сломают... Но нет. Ящер этот прижал меня передними лапами к груди, вылез из болота и пошагал куда-то. Голова у меня к его груди повернута, не вижу, куда тащит, понимаю только, что несет он меня метрах в пятнадцати над землей, упустит – разобьюсь. Обхватила я изо всех сил один его коготь, а сама и думаю: может, лучше – упасть головой вниз, да и дело с концом. Тащит-то меня, небось, тварь, в логово, на обед детишкам своим!..

Но вскоре выбрался ящер из леса на дорогу, на тропу ящериц Фао, и понесся прыжками, но через несколько минут остановился и опустил меня на землю. А меня ноги не держат. Тут ко мне подсакивают двое ребят наших в скафандрах и затаскивают во флаер. Я оглянулась, а ящер уже в лес ускакал. Ящер-то – Мелисса была!

Я вспомнил, что Мелисса, действительно, упоминала мне как-то, что ей, в общем, понравилось быть ящером на Саракосте...

– Мелисса меня нашла и из болота вытащила. Когда я в базовом лагере не появилась – биологи интересовались, как быстро там сделают анализ образцов, а образцы я так и не доставила – начали меня искать. Подняли флаер, но на дороге было пусто, никаких моих следов. И ящерицу Фао никто не видел, она тогда уже далеко убралась. Передатчик в моем глайдере был выключен, но мой коммуникатор подавал контрольный сигнал, и район поиска быстро определился. Но там было болото, как искать? А сверху на флаере тоже было не опуститься, потому что из тех болот поднимаются плауны, их кроны смыкаются, перепутано все лианами... Выжигать – а вдруг и меня заодно поджарят?.. Хорошо, Мелисса была уже ящером и далеко уйти не успела. Она меня по пси-излучению нашла.

А «просека» та тропой детеныша Фао, ящеренка, была. Временами он по ней к болоту ходил, и что туда ухнуло – вылавливал...

Так что, понимаете, Алекс, как я к Мелиссе отношусь... От чего она меня избавила? От смерти? От безумия? Я ведь, действительно, там, в болоте, начинала сходить с ума. Меня потом психиатры почти месяц на корабле в госпитале держали, пока я опять на поверхность спуститься не смогла. Врачи сказали – обязательно надо, чтобы страх свой преодолеть, опять на Саракосте побывать. Иначе на любой планете, на Земле даже, я спокойно жить не смогу. И когда я спустилась на Саракосту, в лагерь – базовый лагерь уже в ущелье в горах перенесли – меня ждал ящер, Мелисса. Потом я на ее спине до конца той экспедиции чуть не всю планету объехала. Бывало, попадали мы с ней в ситуации... Так мое оружие очень хорошо ее когти и шипы дополняло. Не любило местное зверье почему-то выстрелы из бластера! – И Валентина Петровна тихонько засмеялась, но потом продолжила очень серьезно.

– Так что, Александр Владимирович, я отлично представляю себе, чем грозил Мелиссе выстрел из горнопроходческого излучателя. ПГПИ-57 на расстоянии в сотню метров базальт испаряет, а то – Мелисса. Уничтожить бы ее, конечно, не удалось, но как бы все обернулось? И боль бы была жуткая, как бы это она перенесла? Благодарна я вам, Алекс, за Мелиссу, не знаю, как...

Я почувствовал, что настал момент перейти к актуальному для меня вопросу:

– Валентина Петровна! Я люблю Мелиссу, вы же видите! Люблю ее больше жизни! Не знаю, что бы я для нее сделал! Но что я могу сейчас? Она работает, а я учусь. Я могу только постараться доставить ей немного радости. Дать возможность иногда расслабиться, получить удовольствие... Ну, вы понимаете... Но у меня возникают проблемы. Вы так великолепно готовите! Я не всегда могу удержаться и разумно себя ограничить. Вкусная еда – моя слабость! Тем более что кормят нас на Курсах не ахти как! Только у вас я и могу отвести душу! Но! Но! ...Видите ли, я, конечно, стараюсь поддерживать форму, бегаю, плаваю и тому подобное... Но переедание не способствует... э-э, как бы это сказать... в общем, Мелисса может быть мной недовольна... Помогите мне! Не давайте мне столько есть!!!

– Но... как же? Ведь хорошее питание – залог здоровья!

– Да! Да! Хорошее! Но – не избыточное! Давайте договоримся: один прием пищи – одно блюдо! Не считая сырых овощей и фруктов. И никаких пирогов и тортов! Только по субботам и воскресеньям!

– Но как же так? А закуски, а суп?

– Хорошо. За обедом – суп. Без добавки. Без закусок. Второе – без гарнира, только овощи и зелень. Если я прошу добавки – не давайте. На лезть – не поддавайтесь! Если продолжаю упрашивать – говорите: «Мелисса!»

– Что ж, если Вы так хотите...

– Валентина Петровна! Слезно умоляю и настаиваю!

– Ну, ладно, что с вами делать... Только ради Мелиссы...

– Клянись!

– Клянусь. Счастьем Мелиссы.

Так я и провел годы учебы на Курсах, ни разу не покидая Землю и мало где бывая, кроме Петербурга, базы на Алтае и острова Мелиссы, пребывание на котором связано с самыми дорогими моему сердцу воспоминаниями. Но самые лучшие, поистине волшебные дни мы с Мелиссой провели этой зимой в тайге Приуралья.

Все началось с того, что как-то раз Мелисса призналась мне, что недолюбливает Петербург. Вечером в одну из пятниц мы с ней прогуливались по набережной Невы. Приближался Новый Год, и в городе чувствовалось предпраздничное оживление. Магазины предлагали широкий выбор подарков, на настенных голоэкранах крутились ролики, рекламировавшие экзотические рождественско-новогодние туры, на деревьях перемигивались огоньками мириады разноцветных светлячков, а пальмы украшали гроздь блестящих шаров и россыпи мерцающих звезд.

– Знаешь, Алекс, – сказала Мелисса, – в Новый Год так хочется снега! Боюсь, и в Москве снег в этом году не выпадет до января. Никак не могу забыть, как здесь бывало раньше...

Я, конечно, знал еще из школьного курса, что после войн за передел мира, когда климат, наконец, стабилизировался, на северо-западе Европы очень существенно потеплело, поскольку Гольфстрим стал намного мощнее. Но представить себе, как выглядели западноевропейские города до этих климатических изменений, мне было трудно.

– Понимаешь, я никак не могу привыкнуть к финиковым пальмам на набережной у Зимнего Дворца и к банановой роще на Васильевском острове. А чугунная решетка Летнего Сада, оплетенная лианами! А уж попугаи, сидящие на плечах у Медного Всадника! Несчастливая Северная Пальмира... Конечно, Петербург довольно приятный приморский город, но раньше была в нем какая-то загадочность, которая теперь, увы, исчезла. Я помню зимний Петербург заснеженным, когда все – в инее, и здания, и колонны, и деревья... Город тогда казался призрачным, прозрачно-голубым... Я не говорю, весной и летом, и даже осенью, здесь совсем неплохо, но Новый Год... Давай, куда-нибудь уедем! Туда, где снег! Я, пожалуй, смогу освободиться дней на десять. А ты?

– А что? Думаю, смогу! Мне осталось в этом семестре сдать всего три экзамена. Постараюсь к 31 декабря все сдать.

– Отлично! А я, кажется, даже знаю, куда мы с тобой отправимся!

Досрочная сдача экзаменов у нас на Курсах не практиковалась, считалась, что курсантам дай-то бог усвоить материал к сроку, но я решил попытаться. Конечно, Мелисса могла бы по этому поводу просто позвонить госпоже Смушкевич, и та бы Адмиралу не отказала. Но мне не хотелось лишний раз обращать внимание на мои отношения с высоким руководством, и я стал договариваться с преподавателями сам.

Проще всего оказалось досрочно получить оценку у Марии Сергеевны Гольдштейн, нашего оружейника. В прошлом семестре Мария Сергеевна была не очень довольна моими знаниями в части особенностей конструкции и боевых возможностей старинных моделей стрелкового оружия. На экзамене я легко ответил на вопрос о недостатках пистолета Макарова, а вот вопрос, чем «Глок» лучше «Вектора», вызвал у меня определенные затруднения. И если бы я не ответил, единственный на всем курсе, чем принципиально отличалась первая модель пулемета от всех последующих образцов (а первый пулемет, созданный на Земле, был паровым), то получил бы совсем невысокую оценку. Но сейчас я был у госпожи Гольдштейн на хорошем счету. В этом семестре мы изучали энергетическое оружие, с которым я был отлично знаком и в теории, и на практике. Мария Сергеевна, в прошлом – разработчик бортовых систем вооружения, высоко оценила, как оказалось, мое выступление на семинаре, когда я рассказывал о применении антипротонной пушки во время рейда «Суворова», так что, когда я попросил ее о досрочной сдаче экзамена, она ответила, что уже выставила мне отличную оценку «автоматом».

С преподавателем дисциплины «Методы ведения допроса» Карлом Марковичем Бергом тоже проблем не возникло. При приемке экзамена по разделу «Применение при допросе химических веществ» на каждого курсанта всегда затрачивалась уйма времени, и господин Берг был рад разделаться заранее хотя бы с одним из нас. Эта часть курса требовала запоминания огромного количества фактического материала: надо было знать свойства очень многих химических соединений, особенности метаболизма людей и представителей иных рас, а также способы получения нужных веществ из доступных на той или иной планете реагентов и природных компонентов. Но поскольку с памятью у меня было все в порядке, господин Берг остался мной весьма доволен.

Сложнее оказалось досрочно сдать экзамен по курсу «Вживание в чуждую среду». Профессор Валерий Иванович Руденс, полковник в отставке, старый разведчик, специализировавшийся на работе в земных колониях, славился скверным характером и пристрастием к азартным играм и не любил задерживаться на территории КПК дольше, чем это положено по расписанию. Когда мне удалось, наконец, поймать его после занятий, он по своему обыкновению куда-то очень спешил. На мою просьбу господин Руденс довольно резко ответил, что не намерен тратить свое личное время на зеленых юнцов, у которых только развлечения на уме, и, тем более, не собирается менять из-за них свои планы.

– Прошу меня извинить, Валерий Иванович! Вы совершенно правы, вы торопитесь, а у меня ведь, действительно, нет никаких серьезных причин просить вас уделить мне какое-то время вне расписания. Просто я хотел Новый Год встретить там, где есть снег... Еще раз прошу простить, что задержал вас, господин профессор...

Валерий Иванович повернулся и внимательно на меня посмотрел.

– Что ж, юноша, вы, по крайней мере, искренни... Почти. Признайтесь, здесь замешана женщина?

– Вы правы. Да, я намеревался устроить себе небольшие каникулы и провести их с любимой женщиной. Поэтому и хотел бы досрочно сдать все экзамены.

– Ладно, так и быть. Можете сейчас поехать со мной. Я спешу на встречу со своими старыми друзьями. Если сумеете им понравиться, считайте, экзамен вы сдали. Только имейте в виду, – добавил он ворчливо, – эти старые маразматиками современную молодежь терпеть не могут, не то, что я...

До кафе, где собирались «старые маразматиками», отставные разведчики, мы добрались на глайдере профессора. В отдельном кабинете за большим карточным столом уже сидели пять человек, все – никак не моложе двухсот пятидесяти лет. Они играли в покер, и, судя по количеству фишек, ставки были немаленькие.

Когда появился господин Руденс, они обменялись с ним сдержанными приветствиями, а на меня устремили неодобрительные взгляды.

– Мой студент, не обращайтесь внимания, – небрежно бросил Валерий Иванович.

Я, однако, щелкнул каблуками, четко наклонил голову в поклоне и представился:

– Каперанг Александр Комаров, пятый курс, – и тихонько сел в сторонке.

Я внимательно «прислушивался» к эмоциям играющих, и довольно скоро стал отчетливо представлять, у кого сейчас на руках хорошая карта, а кто только блефует.

Во время одной из сдач, когда на кону были уже приличные деньги, один из игроков начал внезапно беспокоиться, хотя карта у него была весьма перспективная. Я сосредоточился и понял, что ему срочно понадобилось в туалет, а выйти из игры, спасовать, имея такие карты на руках, было очень обидно...

Я приблизился к нему и тихо прошептал на ухо:

– Сэр, не могли бы вы позволить мне играть дальше за вас? Если выиграю – выигрыш ваш, проиграю – проигрыш мой.

Он на секунду задумался, потом встал:

– Господа, наш юный друг просит дать ему возможность набраться у стариков немного опыта. Я уступаю ему свое место, а сам пойду, прогуляюсь, засиделся я что-то, надо ноги размять...

На руках у меня оказалось каре валетов, и тот кон я выиграл без проблем.

Подобный трюк я проделал еще с одним игроком, а потом старички уже сами меня просили:

– Курсант, хотите поиграть за меня?

Проиграл я только один раз, причем сумму очень для меня незначительную. Когда я был вне игры, то приносил игрокам чай, бутерброды, уносил полные пепельницы и помогал подсчитывать количество выигранных и проигранных фишек. Зато в конце вечера я был уже для всех не «курсант» или «э-э... молодой человек», а «Александр» и даже «Сашенька, голубчик».

Поздно ночью, когда игра закончилась, начал моросить дождь, и я провожал игроков до глайдеров, держа над их головами раскрытый зонт. Последний из отбывающих, дородный седой старик с манерами светского льва, сказал на прощанье моему преподавателю:

– А что, Валерий, у тебя бывают неплохие идеи. Можешь иногда приводить с собой своего студента, – и, забравшись в кабину глайдера, царственно мне кивнул.

Когда мы остались одни, господин Руденс покачал головой:

– Признаюсь, не ожидал. Чтобы Удо, этот надутый индюк, называл кого-то «Сашенька, голубчик», да еще в первый же день знакомства... Этому я вас не учил, да и научить бы не смог. Экзамен, молодой человек, вы сдали блестяще. Но как вы это проделали?

– Сэр, особой моей заслуги нет. Я же Потенциал, пси-чувствительность и все такое, ловлю эмоции.

– Ну, вы – не первый Потенциал, которого я знаю, и не первый селфер. Однако же...

– Честно говоря, Валерий Иванович, я и не думал об экзамене. Просто ваши друзья мне понравились, и я искренне хотел быть им полезным, сделать что-то приятное. Такие замечательные люди!

– Вы правы, Александр, это действительно люди очень достойные. Если захотите, можете как-нибудь еще разок пойти со мной на нашу встречу. Знаете, иногда старики пускаются в воспоминания и могут порассказать много интересного!

...В этом, последнем учебном семестре, я четыре раза ездил с профессором в его карточную компанию и получил немало удовольствия от общения с его друзьями, но, к сожалению, «вечер воспоминаний» ни разу так и не случился...

Так что для встречи Нового Года я был совершенно свободен, о чем и сообщил Мелиссе. Она сказала, чтобы я собирался и был готов к лыжным прогулкам, а остальное она берет на себя.

Новогодний подарок для Мелиссы у меня был приготовлен заранее. Собственно, я постоянно находился если не в процессе поиска подарков, то, во всяком случае, в состоянии готовности внезапно обнаружить нечто, что может явиться при случае моим подарком Мелиссе. Проблема ведь была непростой. Что можно подарить тому, кто владеет миром? Я всегда старался найти для Мелиссы что-нибудь особенное, необычное. Пусть пустяк, но пустяк милый.

Однажды я подарил Мелиссе заколку-зажим для волос из вспененной бронзы с очень интересным орнаментом. Как-то раз, когда я ожидал Мелиссу у Исаакиевского Собора, я увидел девушку с красивой брошкой на платье. Оказалось, что эта девушка, Анита, – начинающий ювелир, и свою брошку она сделала сама. Я заказал у нее заколку с тем условием, что рисунок орнамента будет совершенно уникальным, никогда и нигде больше не повторится. Девушка, конечно, не знала, для кого предназначена вещь, но при выполнении моего заказа очень старалась. Мелиссе заколка понравилась, и она порекомендовала Аниту Марату Степанову, известному молодому ювелиру, который в свое время изготовил для Мелиссы то удивительное ожерелье из натуральных сапфиров, которое я видел на ней перед балом-маскарадом на Корнезо. А заколка оказалась не только красивой, но и весьма удобной, и Мелисса постоянно пользуется ею дома.

В другой раз я разыскал в сетевых архивах собрание стихов Анны Ахматовой, поэтессы XX века, и записал их на книжную пластину. Мелисса была очень тронута этим моим подарком. А года два назад в художественном салоне мне попались вырезанные из делорита знаки Зодиака. Я купил знаки Стрельца, Скорпиона и Козерога, – знаки Мелиссы, Майкла и свой, – повесил их на изящную витую золотую цепочку и подарил Мелиссе на тот Новый Год. Этот медальон она теперь практически никогда снимает.

В прошлом году я заранее искал новогодний подарок Мелиссе по каталогам Сети, но ничего особенно интересного там не обнаружил. Тогда я решил просто походить по антикварным магазинам, и, действительно, в одной лавчонке нашел нечто оригинальное. Это была небольшая коробочка, обтянутая черной с металлическим отливом кожей рапопога, змееподобной твари с Вилетты. И эта коробочка оказалась музыкальной шкатулкой! Шкатулке было лет сто, а то и все сто пятьдесят. Когда открывалась крышка, звучали классические этюды Борова «Двенадцать месяцев», и в голографических декорациях танцевала маленькая балерина, чем-то неуловимо похожая на Мелиссу в образе Нади. При каждом открытии крышки балерина танцевала один из двенадцати танцев, и предсказать, какой танец она будет сейчас танцевать, было совершенно невозможно. Я решил добавить к программе случайной выборки программу управления выбором танца, и встроил в механизм крошечный дополнительный блок, а управление выбором вывел на крышку шкатулки. Получилось очень удачно: крышку украшал пейзаж со старинной башней с часами, выполненный в технике инкрустации металлом, и теперь одна стрелка часов была по-прежнему неподвижно закреплена в положении «12», а другая свободно вращалась и устанавливалась на час, соответствующий порядковому номеру месяца. А чтобы опять работала программа случайной выборки, надо было открыть крышку, не меняя перед этим положение стрелки.

Я установил подвижную стрелку на «12». Когда Мелисса шкатулку откроет, зазвучит этюд «Декабрь», и балерина в белой пачке будет танцевать на поляне в зимнем лесу...

Утром 31 декабря Мелисса посадила флаер неподалеку от входа на территорию КПК и ждала меня, не покидая кабины. Поскольку флаер внешне был самый обычный, а из вещей у меня не было ничего, кроме стандартного армейского кофра, мое отбытие никакого интереса не вызвало.

Мы поднялись в стратосферу и взяли курс на восток. Через полчаса под нами уже проплывала бескрайняя восточноевропейская тайга с редкими оазисами городов. Когда вдаль показались Уральские горы, Мелисса повела флаер на посадку.

Мы снизились над большой заснеженной поляной в лесу, где под огромными елями стоял одноэтажный деревянный домик, и Мелисса завела флаер в ангар.

Домик был не так уж и мал. В нем оказалось, кроме прихожей-холла и кухни, пять просторных спален, три ванные комнаты и огромная застекленная веранда с камином у дальней стены. С одного боку к дому примыкал ангар, а с другого – пристройка, где хранились лыжи, дрова для камина и масса разнообразных необходимых в автономном хозяйстве вещей.

Я спросил:

– Лисса, а под этим домом, что, тоже находится док с крейсером?

Мелисса рассмеялась:

– Шутишь, где ты здесь видишь водоем с достаточным для крейсера запасом воды? Неподалеку течет небольшая речка, ее еле-еле хватает на десантный бот.

Мелисса поручила мне спуститься в подвал и активировать жизнеобеспечение жилого комплекса. Подвал оказался двухэтажным и весьма обширным. Там располагались несколько цистерн с водой и автономный энергоблок. Все системы дома находились в идеальном состоянии, и уже через пять минут согрелись полы, температура в жилых помещениях поднялась до 18 градусов по Цельсию, вентиляционная система очистила дом от пыли, которой и так-то практически не было, в водопроводных трубах появилась горячая вода, заработали кухонные блоки и все остальные домашние устройства, требующие подвода энергии.

Мелисса первым делом отправилась на кухню, а я перенес багаж из флаера в дом, потом растопил камин и натаскал на веранду приличный запас дров. В хозяйственной пристройке я обнаружил большую плоскую лопату, и сообразил, что с ее помощью можно расчистить снег перед крыльцом.

Но Мелисса сказала, что дела – потом, а сначала надо слегка перекусить. Валентина Петровна наготовила столько припасов, что мы могли бы принять десяток гостей и без проблем кормить их целый месяц. Причем все блюда были практически уже готовы к употреблению, требовалось только что-то подогреть или, в крайнем случае, поджарить.

– До вечера еще далеко, – сказала Мелисса, ставя на стол тушеные в сметане грибы с луком и картошкой, – а с этим блюдом ты как раз только к вечеру и проголодаешься.

Как всегда, еда была очень вкусной, и я, возможно, съел чуточку больше необходимого. После еды меня почему-то потянуло в сон, наверное, от свежего воздуха, но Мелисса захотела нарядить елку.

– Хочу, что бы был настоящий Новый Год! – сказала она.

Конечно, ради Мелиссы я был готов на все, но хорошо бы, чтобы это «все» не включало в себя отказ от послеобеденного сна...

Однако, желание женщины – закон, и я себя превозмог. Да, вся наша жизнь состоит из череды маленьких подвигов!

Елка, метра четыре высотой, росла сбоку от крыльца, прямо перед стеклянной стеной веранды, и я отправился чистить снег.

Я вышел на крыльцо и проникся, наконец, какая же вокруг была красота и тишина...

Чистка снега оказалась занятием нелегким, и я ограничился небольшой площадкой перед крыльцом и дорожкой вокруг елки.

Мелисса вынесла на улицу контейнер с елочными игрушками. На макушку елки она водрузила шпиль с огоньками внутри, от которого шли гирлянды разноцветных лампочек. Понятно, что ей с ее антиграфом досталось устраивать все на елке, а я только подавал ей игрушки и снизу руководил процессом. Кроме лампочек Мелисса развесила десятка два больших шаров и мишуру.

– Больше не надо, а то потом долго будет убирать...

С ее логикой я был полностью согласен. Но я решил не ограничиваться елкой на улице и устроить Мелиссе маленький сюрприз. Я дождался, когда она отправилась в одну из комнат разбирать свои вещи, и по глубокому снегу пробрался к ближайшей ели. Топориком, найденным там же, где хранилась лопата, я срубил несколько пышных веток и поставил их в большую напольную металлическую вазу, которую заметил на веранде. На ветки я пристроил одну из оставшихся гирлянд и повесил несколько игрушек. Получилось здорово. И в доме сразу новогоднему запахло хвоей.

На веранду заглянула Мелисса:

– Что ты здесь делаешь? Ах, какая прелесть! Какой же ты молодец! Как все чудесно!

Действительно, за окном в сгустившихся сумерках загорались и гасли разноцветные огоньки на елке, крупные хлопья снега медленно и как-то торжественно опускались с темнеющих небес, в камине горел огонь, и огненные блики плясали на елочных игрушках, таинственно мерцали среди хвои маленькие лампочки, и все это создавало ощущение какого-то волшебства, казалось картинкой из доброй детской сказки...

Но до прихода Нового Года было еще далеко. Я удобно устроился в уютном кресле и включил настенный монитор. По одним каналам шли цирковые представления, а по другим крутили очередной римейк истории о человеке, который перед своей свадьбой устроил мальчишник, после чего приятели по ошибке отправили его на рейсовом корабле в отдаленную звездную систему, где он в новогоднюю ночь и нашел свою истинную любовь. Этот фильм я видел уже раза три, и знал практически наизусть. Но актеры играли неплохо, и музыка была приятная. Под эту музыку я и задремал.

Проснулся я как раз в тот момент, когда все недоразумения в фильме уже разрешились, и герой вернулся на Землю с новой, теперь уже окончательной, невестой. Собственно, разбудила меня Мелисса, которая решила передвинуть длинный низкий столик поближе к камину. Увидев, что я открыл глаза, она сказала:

– Уже одиннадцатый час, можно накрывать праздничный стол. Хорошо, что ты немного поспал. Если хочешь взбодриться, еще достаточно времени, чтобы принять душ.

В этот момент заиграла бравурная мелодия хэппи-энда, и Мелисса взглянула на экран.

– А, ты смотрел триста шестьдесят восьмой римейк новогодней истории? А знаешь, я ведь отлично помню самый первый вариант этого фильма! Во времена моей молодости его лет тридцать, а то и больше, крутили 31 декабря и 1 января по всем каналам. И не поверишь, тот фильм был так хорош, что, даже зная каждую реплику, каждый кадр, все снова и снова с удовольствием его смотрели. А сейчас приходится делать новую версию каждые лет пять, если не чаще...

На экране замельтешили какие-то клоуны, и я отправился в душ.

После душа я облачился в черные бархатные брюки и черный же сарк, распахнутый на груди, как любила Мелисса.

Я заглянул на кухню, но Мелисса что-то колдовала над столом, уставленным контейнерами и салатницами.

– Чем я могу помочь?

– Накрой стол, посуда там, в буфете на веранде, – ответила она, не поворачивая головы в мою сторону.

Через несколько минут, когда я еще расставлял бокалы, с трудом припоминая, справа или слева от больших положено ставить бокалы поменьше, Мелисса крикнула мне из кухни:

– Я иду переодеваться! Можешь забирать все закуски из кухни и ставить на стол!

Я перенес все блюда и салатники, поставил на специальный поднос вина и даже достал из холодильника бутылку шампанского, а Мелисса все не появлялась. Я подумал, и вернул шампанское в холодильник, потом сел в кресло и начал искать среди передач что-нибудь безобидное. Наконец, я обнаружил программу, где под звуки «Вечернего ноктюрна» Брюссера на экране неторопливо проплывали арктические пейзажи.

Без 15 минут двенадцать на веранде появилась Мелисса. Боже, как она была хороша! Она была в своем обычном облике, но почему-то казалась совсем молодой. Золотые волосы струились по ее плечам и легкой волной падали на спину. Одета она была во что-то длинное и облегающее, пушисто-золотистое, и в то же время почти прозрачное...

Меня неудержимо повлекло к ней... Я обнял ее, прижался губами к ее виску...

– Как ты прекрасна...

Я вдохнул ее запах, любимый мой запах свежести с тонким оттенком ванили, который не мог заглушить даже разлитый в воздухе терпкий аромат хвои... Руки мои невольно заскользили вдоль ее тела, голова закружилась...

Но Мелисса легонько отстранилась и только поцеловала меня в уголок губ.

– Нет, Алекс, нет, давай сначала встретим Новый Год... Лучше сядем за стол! Разве ты не проголодался?

Конечно, проголодался, во всех смыслах...

Мелисса, видно, тоже была не очень уверена в себе и опасалась ненароком пропустить момент наступления Нового Года. Поэтому мы уселись не на диван, как обычно, рядом друг с другом, а в кресла по разные стороны стола. Тут я вспомнил, что шампанское осталось в холодильнике, принес бутылку и поставил на стол.

– А что ж ты ее не открываешь? Пора уже проводить Старый Год!

Я открыл шампанское и разлил по бокалам. Мы чокнулись со звоном, и выпили. Это оказалось великолепное сладкое красное шампанское, возможно, лучшее из всех, что я когда-либо пробовал...

Тут, наконец, на мониторе мелькнула короткая заставка, и вот уже на фоне здания Всемирного Совета, под курантами, отсчитывающими последние минуты уходящего года, возник Президент и начал свою поздравительную речь, обращенную ко всем землянам, где бы они сейчас ни находились.

В позапрошлом году впервые в истории Земли Президентом стал тэр. Всего семьсот лет прошло с того момента, как людям и селферам удалось создать генетическое чудо – разумного тигра, обладающего дополнительной человеческой гортанью и третьей парой конечностей, человеческими руками. А сегодня тэров было уже почти восемьсот тысяч, и они являлись полноценной частью земного сообщества.

Сэм Ричардсон, постоянный глава Администрации Президента, так проколовшийся на прошлых выборах с Гарри, на это раз сделал все правильно, и народ почти единогласно и чуть ли не с восторгом избрал Ришарда, который до того представлял интересы тэров во Всемирном Совете.

Я прекрасно понимал этот политический ход селферов. Ввиду возможности внешней агрессии земляне, люди и тэры, должны были быть как никогда едины, и появление Президента-тэра, несомненно, укрепляло это единство. Тем более что супругой Ришарда являлась Мила Бойко, выдающаяся спортсменка, Олимпийская чемпионка по прыжкам в воду с трамплина, и просто очаровательная женщина. Президентская чета воспитывала теперь четверых

детей, двое из которых – мальчик и девочка – были людьми, а двое других – тэрами, тоже мальчиком и девочкой. Ришард и его жена являлись генетическими родителями своих детей, естественно, она – человеческой пары, а он – пары тэрчиков. Недостающие половины геномов были взяты из банков Комитета по Генетике и не принадлежали никому из ныне живущих существ. Рождение этих детей из маточных боксов, обставленное как грандиозное шоу, было показано по Сети несчетное число раз.

Но надо сказать, что избрание Ришарда Президентом явилось не только удачным политическим ходом. Селферы Ришардом были весьма довольны, и даже Катерина, дочь Мелиссы и главный финансист Земли, отлично с ним ладила. Мелисса о Ришарде отзывалась как о чрезвычайно разумном и высокообразованном человеке, пардон, тэре. Кстати, тэров теперь часто называли «человек», и это было вполне закономерным. Ведь отличия между тэрами и людьми теперь остались чисто внешние. В конце концов, тех же селферов всегда считали и называли людьми, хотя они, надо признать, отстоят от рода человеческого гораздо дальше, чем тэры... Да и что это такое: «человек»? Кого можно считать образцом «истинного» человека, со всеми-то нашими мутациями?

Ришард заканчивал вторую в своей жизни новогоднюю речь. Выглядел он очень солидно и говорил превосходно. По всей видимости, ему предстояло выступать под Новый Год еще шесть раз, поскольку его избрание на второй срок представлялось совершенно очевидным. Им довольны были не только селферы, подлинные руководители Земли. Ришард был невероятно популярен и в народе, что совершенно естественно, особенно после смазливового болвана Гарри.

А уж тэры Ришарда просто боготворили. Они и раньше весьма успешно работали во всех отраслях хозяйства, составляли заметную когорту специалистов в военной промышленности. А с тех пор, как Ришард был избран Президентом, тэры стали самой, пожалуй, активной частью земного сообщества. Избрание тэра Президентом совпало – похоже, совсем не случайно – с появлением препаратов, позволяющих тэрам безболезненно совершать космические путешествия, и тэрская молодежь хлынула в Десантные Войска и в Академию Космофлота. Мелисса рассказывала мне, что Майкл уже сформировал и смешанные бригады десантников, и отдельные, чисто тэрские, отряды бойцов. Пока трудно было еще сказать, какие соединения окажутся эффективнее в деле, но это был вопрос, скорее, тактики их использования.

К слову, Шерр, проявивший себя и как великолепный боец в операции на Корнезо, и как доброволец в экспериментах, открывших тэрам дорогу в космос, был теперь знаменит не меньше Ришарда. Хотя, конечно, широкой публике о его боевых подвигах известно ничего не было...

Я налил по второму бокалу шампанского, и мы стали ждать наступления Нового Года.

Президент закончил свое поздравление, и через секунду раздался бой курантов. С последним ударом часов мы с Мелиссой осушили бокалы и под гимн «Во имя Земли!» дружно пожелали, чтобы в наступившем году все было хорошо. Мы знали, что если не случится никаких катаклизмов и катастроф, мы сумеем быть счастливыми.

Теперь можно было отдать должное и столу. Я еще раньше обратил внимание на большую вазу с каким-то неизвестным мне салатом темно-красного цвета.

– Лисса, а это что такое?

– Это – винегрет, попробуй, тебе должно понравиться. Это я научила Валентину Петровну его делать. Знаешь, нынешние кулинары все соревнуются в каких-то изысках, а простыми рецептами пренебрегают. Во времена моей молодости винегрет считался едой бедного народа и студентов, потому что был блюдом очень дешевым. Но его приготовление требовало много времени и труда. Все эти овощи надо было предварительно сварить, потом очистить, потом нарезать вручную, – ведь кухонное оборудование тогда практически отсутствовало... Я очень любила винегрет, но времени на его изготовление у меня всегда не хватало. И только раз в году, под Новый Год, я могла позволить себе потратить время на его приготовление. Поэтому

винегрет – мое любимое новогоднее блюдо. Знаешь, в то время я часто встречала Новый Год одна, в кресле перед монитором, с шампанским и винегретом...

– Одна? Не может быть! Как же так?

– Да так уж получалось. Так складывались обстоятельства. И не думай, что я при этом печалилась! Но ты попробуй винегрет! Видишь ли, нужно знать кое-какие тонкости, чтобы он получился действительно вкусным!

Я попробовал. Меня трудно было чем-то удивить, но у этого салата вкус оказался довольно необычный. Мне понравилось. Через какое-то время Мелисса оторвала меня от процесса вдумчивой дегустации:

– Ладно, Алекс, не налегай так на винегрет. Смотри, сколько всего Валентина Петровна нам приготовила. Вот, попробуй заливной язык. А это – телятина в желе...

В глубоком хрустальном блюде застыли в прозрачной желтоватой субстанции маленькие кусочки мяса, перемешанные с мелко нарубленной зеленью. О, это было бесподобно! Но сосредотачиваться на чем-то одном было бы неправильно. Стол весь был заставлен посудой со знакомыми и незнакомыми мне яствами, глаза просто разбегались, я не знал, что пробовать в первую очередь...

Тут зазвонил коммуникатор Мелиссы.

– Черт, я же сказала дежурному, чтобы он пропускал звонки только нулевого приоритета! Что могло случиться? Не война же началась!

Но это был Майкл. Несомненно, его звонок имел нулевой приоритет, дежурный оценил это верно.

Мелисса чрезвычайно обрадовалась, услышав голос Майкла. Связь была отличная, и я тоже слышал, что говорил Майкл. Он поздравил Мелиссу и спросил:

– С кем ты встречаешь Новый Год? Надеюсь, с Алексом? Передавай ему мои поздравления! А у нас здесь – слышишь? – собрался большой коллектив. Поговорить нормально невозможно, позвоню тебе завтра вечером...

Мелисса улыбалась, но улыбка ее была грустной. За четыре с половиной года Майкл прилетал на Землю только один раз, и то – совсем ненадолго. Я с ним тогда не виделся. На уик-энд я специально остался на территории КПК и поставил пси-блок. Я не хотел мешать Мелиссе с Майклом, у них было так мало времени, чтобы побыть вместе... Майкл звал меня приехать к ним с Мелиссой, но я отказался, сославшись на большую загруженность...

Я знал, что Мелисса скучает по Майклу, ведь Альба находилась очень далеко от Земли, и без аппаратуры пси-связь даже для них была практически невозможна. В лучшем случае, они могли послать «вызов» типа «SOS, немедленно свяжись со мной», и все. А разговоры по аппаратной пси-связи – совсем не то, что непосредственный контакт...

Я сочувствовал Мелиссе, и хотел отвлечь ее чем-то приятным. Ну, конечно! Пора было дарить подарки!

Я вскочил из-за стола и принес из комнаты красиво упакованную шкатулку.

– Лисса, Дед Мороз просил тебе кое-что передать! Посмотри, что там?

Мелисса развернула обертку.

– Какая прелесть! Этой шкатулке лет сто пятьдесят, не меньше! Теперь такие не делают! А что в ней?

– Открой, не бойся, чертик оттуда не выскочит!

Мелисса открыла крышку. Зазвенели серебряные колокольчики, в зимнем лесу закружилась метель, и фигурка в белом наряде начала свой воздушный танец...

Мелисса подняла на меня сияющие глаза:

– Боже, какое чудо! Представь, у меня никогда в жизни не было музыкальной шкатулки! Как ты придумал такое? Ну, спасибо!

Удивительно, но Мелисса радовалась, как ребенок. Я показал ей, как выбирать танцы, и мы посмотрели все двенадцать. Мелисса отложила шкатулку с легким вздохом.

– Все-таки, какие вы с Майклом разные! Он обычно дарит что-нибудь полезное, а ты... Каждый раз ты придумываешь нечто совершенно неожиданное и всегда – очень милое.

Она потянулась ко мне губами, но резко остановилась:

– Ой, у меня же тоже есть для тебя подарок!

Она достала из какого-то незаметного кармашка на платье маленькую пластинку.

– Я записала для тебя мелодии Земли, самые разные, разных времен и народов, и очень известные, и давно забытые. Скачай это себе в процессор. Когда-нибудь, когда ты будешь далеко от Земли, эта музыка, я знаю, тебе поможет. Ты будешь слушать, и вспоминать Землю, меня, этот вечер...

Потом мы быстро допили шампанское, торопливо убрали всю еду в холодильники и отправились в одну из комнат, где Мелисса заранее приготовила нам постель. Она мгновенно стянула с себя платье и юркнула под одеяло. А я подошел к окну и широко его распахнул. В комнату потек морозный воздух, пахнувший снегом и елями. Я стоял и дышал полной грудью, пока основательно не замерз, и тогда я закрыл окно и нырнул в нагретую полость, где ждала меня Мелисса. Моя сладкая, моя горячая Мелисса...

После новогодней ночи проснулись мы с Мелиссой поздно. День был в разгаре. За ночь резко похолодало, и все вокруг было покрыто сверкающим инеем. Фантастический белоснежный лес застыл под ярко-голубым небом, и бледные лучи зимнего солнца преломлялись в миллионах ледяных кристалликов, то рассеиваясь золотистой дымкой, то вспыхивая на мгновение разноцветными бликами...

– На лыжи, Алекс, на лыжи! Пойдем в лес! Какая красота!

Мелиссе не надо было меня уговаривать, мне и самому хотелось немедленно оказаться там, среди сугробов и елей.

Мы поспешно позавтракали первым, что подвернулось под руку, – помнится, это были криссары, бутерброды с красной икрой и севрюгой и булочки с маком, политые шоколадной глазурью, – выпили кофе, облачились в лыжные костюмы и выскочили на крыльцо.

Пушистый снег искрился и при малейшем дуновении ветра взлетал вверх облачками алмазной пыли. Мороз ощутимо пощипывал лицо и вдыхаемый воздух обжигал легкие холодом. Я натянул на лицо пленочную маску и слегка затемнил ее в верхней части. В дыхательном хоботе маски я установил средний уровень подогрева, чтобы все-таки чувствовать, что вокруг – зима. Мелисса тоже надела маску.

– Мне лень ради пары часов перестраивать метаболизм, – будто извиняясь, заметила мне она. – Надеюсь, в маске я не слишком уродлива?

В ответ я молча привлек Мелиссу к себе, опустил наши маски и нежно ее поцеловал...

Мы выбрали охотничьи лыжи, широкие и короткие, иначе по снегу продвигаться было бы совсем невозможно. Правда, когда мы углубились немного в лес, идти стало легче, снега там было поменьше, а главное, он был гораздо плотнее, чем на поляне. Лыжи наши были подбиты мехом норки и прекрасно скользили без малейшей отдачи.

Мне вчера показалось, что в лесу растут только ели, но это было не так. Лес был смешанным, и даже не слишком густым. Но местами деревья стояли так близко, что невольно мы задевали стволы или ветки, и тогда на нас сверху обрушивались целые сугробы... Вскоре стали чаще попадаться сосны, обозначился отчетливый подъем, и мы вышли в сосновый бор на высоком берегу скованной льдом речушки. Мелисса была права, этой воды с трудом должно было хватить на малый десантный бат...

Мы стояли на обрыве и любовались открывшейся нам картиной. Впереди до горизонта, а, может, до самого Ледовитого океана, простирались леса, а справа неровной синей лентой протянулся Уральский хребет... Тишина и покой...

И вдруг с чистого синего неба посыпался мелкий снежок! Но это не было чудом. Явление было, конечно, нечастое в этих краях, но вполне объяснимое. В воздухе над тайгой витало немало мельчайших пылинок. Пока мы гуляли по лесу, температура упала на несколько градусов, и влага, не успевшая еще достичь земли и осесть на всех поверхностях кристаллами инея, прямо в воздухе срочно превращалась в снежинки.

Зрелище было красивым. Чистое небо и падающий снег, поблескивающий в лучах заходящего солнца...

Мы вернулись домой уже в сумерках, довольные и немного уставшие, по крайней мере, я. У нас, несмотря на маски, горели щеки, у Мелиссы ярко блестели глаза. Мы изрядно проголодались, и Мелисса отправилась сразу на кухню. Пока я чистил лыжи и приводил в порядок лыжную экипировку, она организовала обед.

На первое Мелисса разогрела рассольник, а на второе успела поджарить картошку, к которой добавила ломти холодного мяса, соленые огурцы, маринованные помидоры и квашеную капусту с клюквой. Но главное, она сварила глинтвейн!

После прогулки на морозе, обеда и глинтвейна нас так разморило, что мы едва доплелись до дивана на веранде, не раздеваясь, «прилегли на минутку», укрывшись большим пледом, и сладко проспали до позднего вечера...

Ах, какой у нас получился роскошный отдых! Лыжные прогулки, вкусная еда, глубокий здоровый сон! Ну, и, конечно, любовь...

Но прожить в лесу все запланированные десять дней нам, к сожалению, не удалось.

На седьмой день к Мелиссе на коммуникатор прорвался Георг Розетти, теперь уже подполковник, которого она не так давно забрала к себе из Департамента «К». Прежний помощник Мелиссы в Главном Управлении, полковник Клара Перес, временно покинула службу в связи с рождением ребенка, и Мелисса решила, что Георг ей подходит больше других кандидатур.

Я очень хорошо относился к Георгу, нас связывали дружеские отношения, если так можно сказать о людях, лично не встречающихся годами. Но когда в тот день он позвонил Мелиссе, мне очень захотелось его придушить. Однако дело оказалось достаточно серьезным.

Проблема возникла на орбитальной станции «Титан-2», представлявшей собой металлургический комбинат, который поставлял металл и металлоизделия на верфи Космофлота. МК-Т2 работал, в основном, на вторичном сырье, утилизируя списанные космические суда, а иногда перерабатывая и вещество металлосодержащих метеоритов после того, как ученые завершали исследования этих космических странников.

Никаких претензий к качеству продукции МК-Т2 до сих пор никогда ни у кого не возникало. Но, как оказалось, прибывшие в декабре на «Титан-2» представители «Верфи-9» отказались принимать выполненный для них заказ. Они мотивировали свой отказ тем, что все технические характеристики металлоизделий имели крайние, предельно допустимые значения. Руководство комбината не было согласно с такой мотивировкой отказа приемки готовой продукции и формально было право. Тогда кораблестроители потребовали провести не выборочные анализы и испытания отдельных изделий из каждой партии, а полные приемо-сдаточные испытания ВСЕХ поставляемых изделий, на что, в принципе, тоже имели полное право. Но это требовало значительного времени и срывало сроки поставок продукции по другим заказам МК-Т2. И, конечно же, срывались сроки схода со стапелей «Верфи-9» космических кораблей, предназначенных для экспедиционного флота Майкла...

Представитель Генерального Заказчика, Космофлота, постоянно присутствующий на МК-Т2 генерал Осипян, не сумел найти в данной ситуации приемлемого решения и обратился в Управление Технического Обеспечения и Вооружений Космофлота, но там также никто не рискнул взять на себя ответственность за принятие того или иного решения. Следующей инстанцией было ГУ, и, в итоге, Мелисса. Я прекрасно понимал, что именно подобными проблемами, помимо вопросов стратегического значения, Мелисса и занимается последние годы.

Мелисса пообещала Георгу, что уже завтра будет в Москве и сразу же отправиться на МК-Т2. А Георг должен был убедиться в готовности к рейсу ее яхты.

– Понимаешь, – отключив коммуникатор, задумчиво сказала мне Мелисса, – проблема не в сроках готовности флота. Никаких жестких сроков отправки экспедиции нет и быть не может. Конечно, медлить нежелательно, однако гораздо важнее безупречное техническое состояние всех без исключения экспедиционных кораблей. Ты не хуже меня это понимаешь. Меня беспокоит другое: почему качество изделий МК-Т2 вдруг так резко упало? И почему все это время все занимались исключительно организационно-юридическими вопросами, а не научно-технической стороной дела? Может, проблема в технологии, а, может, в людях? Я должна разобраться сама. У нынешних людей, даже уровня крупных руководителей, существуют определенные стереотипы мышления, которые могут помешать увидеть суть проблемы и найти правильное ее решение. Помнишь, я тебе рассказывала историю, случившуюся в Институте БиоКомпьютеров?

Да, ту историю я прекрасно помнил.

Года четыре назад в ИБК таинственным образом пропали все образцы нового, только что сконструированного, штамма бактерий. Эти бактерии создавались для компьютерных ячеек, в которых должна была осуществляться некая математическая операция, являющаяся ключевой в алгоритмах программного обеспечения системы управления технологическими установками, покрывающими наши корабли защитными ро-структурами. В принципе, геноинженерные технологии хорошо отработаны, но создание устойчивого штамма бактерий с жестко заданными свойствами является работой весьма трудоемкой.

Этот же заказ был, понятно, чрезвычайно важным и срочным, поскольку от его выполнения зависела, в итоге, безопасность полетов всех земных кораблей.

Но проблема заключалась не только в том, что работу приходилось начинать с самого начала, но и в том, КУДА же делся уже готовый штамм.

Василь Штосс, начальник лаборатории, в тот несчастный день готовился к проведению окончательных испытаний нового штамма перед отправкой бактерий в промышленное производство. Он достал из гермошкафа и поставил на свой рабочий стол чашки Петри со всеми шестью образцами штамма, чтобы выбрать образец, имеющий наибольшую живую массу. В этот момент его вызвали к начальнику отдела на «маленькое совещанье», которое продлилось, как водится, часа три.

Вернувшись на рабочее место, господин Шосс образцов ни на своем столе, ни где бы то ни было еще, не обнаружил.

Скандал разразился, естественно, страшный. Разработки института никакой опасности для здоровья людей не представляли, поэтому повышенных мер безопасности не предпринималось, однако порядки в институте были строгие, и проникновение в лаборатории посторонних людей абсолютно исключалось.

На первом этапе расследование инцидента вело руководство института, надеясь обнаружить исчезнувшие образцы в целостности и сохранности и при этом «не вынести сор из избы». Были опрошены все без исключения работники института, как специалисты, так и вспомогательный персонал, состоящий из универсалов. Все сотрудники отвечали абсолютно искренне, что никто пропавших чашек Петри не видел, и, соответственно, не брал.

Искренность ответов проверялась с помощью соответствующей аппаратуры, подключенной к встроенным процессорам опрашиваемых, так что ни малейших сомнений в правдивости ответов быть не могло. Следствие зашло в тупик.

Обескураженное руководство ИБК было вынуждено сообщить о происшествии Генеральному Заказчику. И только когда расследованием занялся Департамент «КР» Космофлота, удалось установить, что и почему произошло.

Работники контрразведки были хорошими психологами, поэтому не стали спрашивать у сотрудников ИБК «не видели ли вы и не брали ли чашки Петри с новым штаммом бактерий?», а просто показывали подключенным к аппаратуре людям очень похожие на пропавшие у господина Штосса стеклянные емкости с колониями микроорганизмов, развившихся на питательных средах.

Показываемые предметы опознал один из универсалов, Йоханес Йорк, уборщик, принятый на работу в ИБК как раз накануне происшествия.

Постоянная работа в ИБК считалась у универсалов очень престижной, и на вакансию, открывшуюся в связи с уходом на заслуженный отдых уборщика-ветерана, претендентов было немало.

Из всех кандидатов был выбран Йорк, поскольку в его личном деле особо отмечались аккуратность, добросовестность и повышенная ответственность при выполнении порученных ему работ. Менеджер по персоналу, инструктируя нового работника, особо подчеркивал необходимость наведения и поддержания должного порядка, в первую очередь, в лабораторных помещениях закрепленной за новым сотрудником убираемой территории. Менеджер сетовал на то, что научные сотрудники «злостно пренебрегают правилами внутреннего распорядка, постоянно демонстрируют безответственность и расхлябанность, не способны поддерживать элементарную чистоту в занимаемых ими помещениях, целыми днями пьют кофе и едят прямо на своих рабочих местах, посуду не моют, за собой не убирают, мусор всякий накапливают...»

Что было дальше, понятно.

Йорк в первый же день рьяно взялся за уборку помещений на вверенном ему этаже. Он мыл полы, вытирал пыль, освобождал мусорные корзины, содержавшие, и правда, бог весть что, добросовестно перемыл десятка три кофейных чашек... Когда он добрался до лаборатории Василя Штосса, находившегося в то время у руководства, то обнаружил именно то, о чем и рассказывал ему накануне менеджер: на рабочем столе в простых стеклянных то ли тарелках, то ли блюдах, находились испорченные остатки еды, уже покрытые зеленой слизью. Странные тарелки были плотно закрыты крышками, наверное, чтобы их содержимое не портило воздух в помещении. Посуда была явно одноразовая, поэтому мыть ее, как он мыл кофейные чашки, не было никакого смысла. Так что Йорк с чистой совестью все емкости с их неприятным содержимым просто бросил в мешок с мусором. Через час он покончил с уборкой на этаже и мешок с мусором немедленно отправил в утилизатор...

При первом опросе Йорк честно припомнил, какие у кого кофейные чашки он мыл – и те все были на месте, однако никаких чашек, в том числе, «чашек Петри», он не брал. Он хотел было добавить, что и никакого господина Петри он не знает, но постеснялся говорить о том, о чем его не спрашивали. Естественно, он не стал рассказывать руководству обо всем выброшенном им мусоре, в том числе, и о тарелках с испорченными остатками еды, ведь это не имело никакого отношения к пропавшим чашкам... А никому из руководства, специалистам-биологам, просто в голову не пришло, что кто-то может не знать, что такое – «чашки Петри», и что в них может находиться...

...В общем, необыкновенные зимние каникулы закончились у нас с Мелиссой раньше времени. На следующий день после звонка Георга мы сняли игрушки с елки, собрали вещи, убрали в доме и законсервировали систему жизнеобеспечения. Оставалось довольно много еды, заготовленной Валентиной Петровной, и Мелисса по-честному ее разделила, половину взяв себе, в короткий полет до Титана, а другую половину отдав мне, чтобы я, вернувшись на Курсы, хотя бы несколько дней питался не только с пользой, но и с удовольствием.

Когда мы прилетели в Москву, Мелисса высадила меня в Западном порту, а сама отправилась в Управление. Я взял общественный одноместный флаер и вернулся в Петербург.

Последний учебный семестр пролетел на удивление быстро и не был отмечен никакими заметными событиями.

Потом я сдавал выпускные экзамены, без особого напряжения получая отличные оценки, после чего отправился на последние военно-спортивные сборы на Алтай.

Вот об этом-то, о сборах, мне вовсе вспоминать и не хотелось. Умом я понимал, что за пять лет наши инструктора проделали колоссальную работу, чтобы максимально развить физические возможности, генетически заложенные в наших организмах. Но временами мне казалось, что они требуют от наших тел и вовсе уж невозможного... Единственное, что меня во время сборов примиряло с жизнью, так это то, что мне, все-таки, предельные и даже запредельные нагрузки давались легче, чем остальным курсантам. Это и понятно: я ведь был Потенциалом, мой мозг имел принципиально иное качество, чем у обычных людей. А Мелисса любила повторять, что главное в человеке – мозг.

Зато теперь я имел великолепное натренированное тело, каким обладал мало кто из людей, и которым я мог по праву гордиться. Кроме того, я видел, что мое тело очень нравится Мелиссе, и уже одно это оправдывало все мои многолетние муки.

Таким образом, теперь, к моменту окончания курсов я находился в замечательной физической форме. А о том, какой ценой мне это далось, хотелось как можно скорее забыть...

Утром я проснулся в отличном настроении и после завтрака легко написал новую версию своей биографии. Пусть психологи поработают!

Я сдал автобиографию в учебную часть, немного прогулялся, завершил сборы к полету на Фризу и пораньше лег спать.

Проснуться мне удалось вовремя, еще не было и семи. Я быстро перекусил в столовой чашкой кофе с бутербродами, взял один из дежурных флаеров и уже в 8.45 приземлился на стоянке около главного здания подмосковного военного космопорта «Большой Узел», который обслуживал практически все рейсы Главного Управления Космофлота.

На проходной главного здания космопорта я предъявил свое удостоверение. Дежурный вставил его в комп и сообщил, что меня ожидает кар под номером 458-б, который доставит меня на взлетно-посадочный стол крейсера «Максим Глинка».

Поскольку маршрут кара был уже запрограммирован, я мог в течение поездки по старто-посадочному полю свободно любоваться стоящими на площадках кораблями различных типов и классов. Их силуэты выглядели для меня непривычно. Это и не удивительно, – за те годы, что я провел на КПК, большинство кораблей было модернизировано, оснащено новыми системами вооружения и получило новые конструктивные элементы защиты. Кроме того, я увидел несколько совершенно новых моделей. А главное, все без исключения корабли имели тот самый глубокий зеркально-черный цвет, мерцающий и бликующий, цвет ро-покрытия, который я впервые увидел на «Суворове», когда стали возвращаться «живые зонды», и селферы предстали перед моим взором в своем «натуральном» облики: суперразвитый мозг, покрытый защитной ро-оболочкой.

Моя поездка по космопорту была, к сожалению, недолгой. И вот я уже поднялся по пандусу крейсера.

Мелисса о чем-то беседовала с вахтенным офицером. Увидев меня, она махнула мне рукой:

– Алекс, можешь подняться в свою каюту, восьмой уровень, номер А-14. Я скоро к тебе зайду.

Боже, как я, оказывается, соскучился по этой, такой родной, атмосфере военного корабля! По его помещениям, чуждым показной роскоши, но так удобно и рационально спланированным! По свежему, пахнущему озоном, воздуху! По негромким успокаивающим звукам предстартовой подготовки!.. Как давно я не видел густой россыпи звезд в неизмеримых глубинах космоса, не чувствовал дрожи корабля при переходе на сверхсветовую скорость!..

Я поднялся на лифте на восьмой уровень, нашел свою каюту, разобрал вещи, которые могли понадобиться мне в полете. Как обычно, я летел налегке, и весь мог багаж, кроме пака с зимней форменной курткой из меха снежного волка Альбины, помещался у меня в обычном армейском кофре.

Я снял форму, разместил ее в боксе для квазиживых структур и облачился в костюм полуспортивного типа. Поскольку в этом полете я был пассажиром, я решил, что не стоит смущать офицеров корабля своим званием и регалиями на моей космофлотовской форме. В конце концов, в путешествии инкогнито есть свои плюсы.

Вскоре раздался стук в дверь, и в каюту вошла Мелисса.

Наконец-то после долгой разлуки я смог ее обнять и поцеловать!

Мы с Мелиссой были единственными пассажирами крейсера и заняли две каюты на палубе, где не жил никто из команды, – мы так соскучились друг по другу, что нам никого сейчас не хотелось видеть.

В ожидании старта крейсера мы устроились в каюте Мелиссы. Вот сирена завывала непрерывно, – и смолкла. Корабль ушел с орбиты. Начался разгон на малых двигателях. Минут через двадцать опять включилась корабельная сирена, что означало, что мы удалились от Солнца на достаточное расстояние, и сейчас будут включены большие двигатели, а потом крейсер перейдет на сверхсвет.

Наш полет начался.

Конечно, Мелисса не могла позволить себе весь перелет на Фризу вести себя, как обычный пассажир, забыв обо всех проблемах человечества. Из трех недель полета она посвятила мне полностью только первые пять дней. А потом она вернулась к своей обычной работе, благо пси-связь с Землей почти все время была прекрасная, и лишь последнюю неделю, когда мы уже приближались к Венцене, солнцу Фризы, связь стала ненадежной.

Дело в том, что Венцена уже сто двадцать тысяч лет находится в туманности «Две Медузы», газопылевом облаке, звездном «родильном доме». К счастью, траектория Венцены проходит довольно далеко от центральных областей «родильного дома», и звезде ничего не угрожает. Но движется она в среде, которая имеет довольно высокую по космическим меркам, причем неравномерную, плотность как обычной, так и темной материи. Кораблям в таких областях пространства приходится существенно снижать свою скорость, а любое излучение, в том числе, пси-волны, в такой среде сильно рассеивается и поглощается. Поэтому по мере вхождения «Максима Глинки» в газопылевое облако сеансы связи с Землей стали гораздо более редкими, поскольку сигнал с Земли приходил на антенны крейсера все более слабым и искаженным, и надо было подолгу ловить момент, когда условия приема хоть немного улучшались. Кроме того, каждый последующий сеанс для увеличения мощности передаваемого нами пси-сигнала требовал все больше и больше корабельной энергии.

Я тоже в этом полете не слишком долго расслаблялся в счастливом блаженстве ничегонеделания. Предаваться бездумному отдыху было не в моем характере. В те часы, когда Мелисса пропадала в рубке или занималась делами, я просматривал имеющуюся в корабельной библиотеке информацию о Фризе, хотя, в принципе, Фризу я довольно подробно изучал в прошлом году в рамках курса «Инопланетные цивилизации».

Но с каждым днем меня, как и Мелиссу, все больше тревожило отсутствие вестей от эскадры Майкла. Никаких передач, – кроме той, единственной, обрывочной, позволившей предположить, что эскадра идет к Фризе, – ни Земля, ни наш крейсер, больше поймать не смогли. Мелисса, по крайней мере, отвлекалась на решение массы других проблем, а я, не имевший, по большому счету, никаких серьезных занятий, настойчиво пытался понять, почему Майкл изменил программу учений. Что нашей эскадре могло понадобиться на Фризе? И почему она идет к Фризе прямо сквозь газопылевое облако, а не огибает его по периферии? А главное, почему от Майкла нет никаких новых сообщений, пусть бы и самого плохого качества?

Я вновь и вновь пытался вообразить себе причины, по которым наши корабли так внезапно отправилась на Фризу, и не мог придумать ничего более-менее разумного.

Фриза, четвертая планета звезды Венцены, была планетой холодной, три четверти ее поверхности покрывал никогда не тающий лед, и только в экваториальных областях имелась полоса незамерзающих океанических вод, а на суше наступало короткое бесснежное лето.

Но Фриза знавала и лучшие времена. Система Венцены во многом была похожа на Солнечную, и до того, как система попала в туманность, на двух ее планетах, на четвертой – Фризе, и пятой – Музаре, возникла и развилась жизнь. На Фризе даже успели появиться и создать общепланетную цивилизацию киззы, человекоподобные живородящие существа. Киззы даже успели выйти в ближний космос и начать осваивать свою систему.

Но тут Венцена влетела в газопылевое облако «родильного дома», и на Фризе и Музаре начались Великие Оледенения. Музара, находящаяся дальше от своего солнца, чем Фриза, быстро превратилась в ледяной шар, и развитые формы жизни Музары погибли...

Фризе повезло больше, чем Музаре, Великое Оледенение наступало не столь стремительно, и цивилизация какое-то время пыталась сопротивляться глобальному похолоданию. Киззы распыляли в атмосфере различные вещества, создающие парниковый эффект, строили огромные испарители океанских вод, увеличивая количество водяного пара в атмосфере... Киззы даже начали осуществлять грандиозный проект изменения орбиты Фризы, чтобы переместить ее ближе к своему солнцу... Но, увы! По мере увеличения плотности газопылевого облака, в котором двигалась система Венцены, до планеты доходило все меньше и меньше солнечной энергии, и цивилизация киззов рухнула, не успев этот проект довести до конца. Им удалось лишь немного изменить форму эллиптической орбиты Фризы, сделав ее более вытянутой.

Собственно, причиной гибели цивилизации стало не только само по себе глобальное похолодание. Закат цивилизации ускорили попытки киззов это самое похолодание остановить. Им удалось на некоторое время приостановить понижение среднегодовых температур, создав в атмосфере парниковый эффект, но стабилизировать годовые колебания температур они не смогли, и начались непредсказуемые климатические изменения, затронувшие всю планету: таяли ледники, изменялись пути океанических течений, свирепствовали ураганы, наводнения сменяли засухи, огромные площади плодородных земель и лесов превращались в болота или пустыни, разрушалась инфраструктура цивилизации – транспортные пути и энергетические системы, выходили из строя промышленные объекты, гибли целые города. Голод и стихии уносили миллионы жизней. И это длилось не годы, а столетия. А потом пришел холод.

И хотя судьба цивилизации киззов была поистине трагична, киззы с лица планеты не исчезли. Конечно, численность расы, насчитывавшей в период своего расцвета девять миллиардов киззов, сейчас составляла едва тридцать миллионов. Но к чести киззов, они сумели не одичать окончательно, не впасть в варварство, не утратить достижения своей цивилизации полностью. Более того, они сумели даже начать новый виток своего развития, создав новую культуру и новый тип общества, стабильного и процветающего, – насколько это вообще возможно на планете, где три четверти года на всей поверхности суши царит суровая зима.

Зимой киззы уходили в огромные пещеры, частично – естественного происхождения, а по большей части – искусственные. Короткое лето они использовали для возобновления запасов продовольствия, выращивая идущие в пищу растения, охотясь на проснувшихся от спячки животных и добывая морских обитателей, в изобилии населяющих холодные океаны. А долгие зимы киззы использовали для производства необходимых им предметов быта и орудий труда, обучения подрастающего поколения и, конечно, для отдыха и развлечений.

В доледниковый период киззы общим своим обликом были очень похожи на современных людей, разве что имели лиловатый оттенок кожи, другой разрез глаз и иные формы носа и губ. Теперь же, в результате мутаций и жестокого естественного отбора, они стали плотнее,

коренастее и у них появился густой волосистой покров, – даже на лицах мужчин и женщин киззов стали расти довольно длинные волосы.

В общем, современные киззы представляются человеческому взгляду существами довольно-таки уродливыми. Но при общении с ними, веселыми, доброжелательными и обладающими острым умом, люди быстро привыкают к их необычному для высокоинтеллектуальных гуманоидов облику.

Мы открыли для себя Фризу всего сорок пять земных лет назад, когда искали место для научной базы, – астрофизиков очень интересовали процессы, протекающие в звездном «родильном доме». Появление людей на Фризе шока у киззов не вызвало, поскольку, несмотря на очень сложные периоды в их цивилизации, киззы сумели не только не истребить себя в войнах за пищу и места обитания, – а ведь довольно длительное время убежищ от лютой зимы на планете было совсем немного! – но и сохранить часть культурного наследия своих предков, в том числе, и космогонические теории. Так что появление землян только подтвердило правильность идей их ученых о множественности миров и возможности обитания в космосе других разумных рас.

Более того, киззы встретили людей с энтузиазмом, справедливо ожидая от расы, способной на межзвездные перелеты, определенной помощи своей цивилизации, переживающей период вынужденного упадка.

Сейчас на Фризе имеется наше посольство, работают земные ученые различных специальностей, а на Рузоне, спутнике Музары, построена и уже тридцать лет функционирует база Космофлота. Специальный комитет, состоящий из ученых Фризы, Земли и сотрудников Департамента «Ф» Космофлота, занимается проблемой изменения климата планеты и всех возможных последствий потепления.

Кроме того, на Фризе, несмотря на ее суровый климат, есть очень популярный у земных туристов курорт. Понятно, что зимой на Фризе даже самым отчаянным туристам делать нечего. Но один раз в год – местный, равный примерно двум земным – любители зимних видов спорта слетаются поучаствовать в грандиозном спортивном празднике киззов «Эзар-Малаз» – «Прощай, зима!».

Да, как это ни удивительно, киззы, несмотря ни на что, сохранили любовь к спорту. Естественно, летом им не до спортивных состязаний, все население планеты заготавливает на зиму запасы съестного. А вот зимние виды спорта, лыжные и саночные соревнования, у киззов носят массовый характер, – ведь большая часть их жизни проходит в снегах...

Люди принесли на Фризу много новых видов спорта. И теперь в соревнованиях на досках, во фристайле, в скоростном спуске, прыжках с трамплина и многих других видах киззы выступают весьма достойно, конкурируя даже с лучшими спортсменами Земли и в соревнованиях на Фризе, и в земных чемпионатах, и на межпланетных Зимних Олимпийских играх.

Мы познакомили киззов с коньками, и в последние годы команды киззов принимают участие в земных хоккейных турнирах, занимая иногда даже призовые места. Но в скоростном беге на коньках и в фигурном катании киззы соревноваться с людьми не в состоянии. Для этих видов спорта слишком уж велики у людей чисто анатомические преимущества.

Зато открытый чемпионат Земли по трехмерным шахматам уже шесть лет подряд выигрывает кизз, Се Ризаль! Это и понятно, в обществе киззов долгие зимы естественным образом привели к расцвету разнообразных настольных игр. У киззов имеются подобию нарда, карт, домино и шахмат, а также целый ряд игр, не имеющих аналогов у земных народов. Но без компьютеров киззы не могли, естественно, изобрести трехмерные игры. И когда киззы познакомились с земными играми, особенно с трехмерными шахматами, три-Ш, они пришли в полный восторг, и на Фризе началась настоящая «три-Ш-эпидемия».

А на Земле, в свою очередь, в моду вошли киззкие варианты карточных игр, «сузали». Особенной популярностью пользуется игра под названием «занг-зу». Эта игра, имеющая

несколько вариантов правил, напоминает земной преферанс, хотя и намного его сложнее. Общая особенность всех вариантов занг-зу состоит в том, что любой игрок один раз за кон, взяв «взятку», имеет право сказать «занг», и тогда игроки меняются картами, передавая их соседям слева, по часовой стрелке. Если же говориться «зу», то обмен картами происходит против часовой стрелки.

Так что теперь в перечень соревнований праздника «Эзар-Малаз» входят турниры по самым популярным не только местным, но и человеческим настольным играм. И участвовать в этих турнирах на Фризу прилетает немало землян.

Так уж получилось, что «Максим Глинка» должен был прибыть в систему Венцены как раз в разгар праздника «Эзар-Малаз», традиционно длящегося тридцать шесть дней, целый местный месяц, называющейся «аггоз». В этом месяце морозы обычно становятся мягче, снегопады редки, и почти все дни – солнечные. Одним словом, приближается короткая бурная весна.

Праздники «Эзар-Малаз» проходят по всей Фризе, везде, где живут киззы, но местом главных, всепланетных и даже теперь уже межпланетных соревнований последние десятилетия стал Новозан, вернее, долина Занту вблизи Новозана.

Новозан – один из трех городов, построенных нами на поверхности планеты, по одному на каждом из обитаемых материков Фризы. Новозан возведен вблизи Зана, древнего пещерного города киззов, расположенного в горе Заннар, последней вершине горного хребта, спускающегося к незамерзающему заливу океана. Место это было очень удобным, лежащим почти на экваторе, практически на берегу океана, на пересечении сухопутных и морских путей. Вдобавок рядом имелась обширная долина, где теперь находится самый большой на Фризе космопорт.

Когда «Максим Глинка» вошел в систему Венцены, я не удержался от соблазна и вместе с Мелиссой отправился в центр управления крейсера. Все-таки, я столько лет пролетал на кораблях в качестве капитана! Все пять лет, пока я учился на Курсах Повышения Квалификации, меня постоянно преследовали сны, в которых я по-прежнему сидел за капитанским пультом и вел корабль по космическим трассам...

Понятно, что находиться в центре управления «Максима Глинки» я мог исключительно в роли наблюдателя. Но даже просто окунуться в привычную для меня атмосферу было для меня счастьем.

Когда мы с Мелиссой появились в центре управления, капитан, Анастасия Зорина, вела переговоры с базой на Рузоне.

Анастасия, прервав разговор, повернулась в нашу сторону:

– Адмирал, никаких новостей нет. Наша эскадра по-прежнему не дает о себе знать.

Мелисса кивнула.

– Хо-рош-шо. Капитан, сообщите на базу, что мы к ним заходить не будем. Мы сразу пойдем к Фризе. Космопорт Новозана корабль класса «Максим Глинка» принять может, так что нам нет никакого смысла оставаться на орбите. Свяжитесь с космопортом, сообщите, что мы идем. Наше подлетное время?

– Не больше двадцати минут. Но если им надо, мы можем немного повисеть на орбите. Думаю, порт сейчас забит, все слетелись на праздник. Может, им придется освобождать для нас место.

– Добро. Действуйте, капитан. Мы с каперангом Комаровым не будем вам мешать. Просто побудем здесь. ...Понимаете, у каперанга – как бы это сказать... ностальгическое настроение. Он впервые за несколько лет оказался на военном корабле. И вообще в космосе.

– Да, капитан, – подтвердил я, – весь полет я мечтал опять оказаться в центре управления военного корабля, и вот теперь, уж извините меня, не удержался.

Анастасия посмотрела на меня с сочувствием:

– Каперанг, вы могли бы придти сюда в любое время... Может, хотите сесть за пульт? Я уступлю вам свое место, я так вас понимаю!

– Нет, нет, благодарю вас... Достаточно того, что я просто побуду рядом. Кстати, вот тот детектор масс, – я указал на дисплей в стороне, – он что, выработал свой ресурс?

– Практически... – Зорина выглядела немного растерянно. – При следующем профилактическом ремонте он подлежит замене. Но как вы это определили?

Мелисса усмехнулась:

– Объяснить, как именно Алекс это определил, он не сможет. Но его ощущениям надо доверять. Алекс, что, этот детектор неисправен?

– Нет, пока он работает в штатном режиме. Но мне кажется, что в нескольких ячейках вычислителя штаммы бактерий близки к вырождению. Какое-то время они еще протянут, но потом в алгоритме начнутся сбои, даже несмотря на трехкратное дублирование цепей. Остальные датчики масс в порядке, но этот детектор будет давать информацию, выходящую за пределы допустимого разброса данных, и у ситуационного анализатора могут...

– Да, да, понятно, – закивала головой Зорина, – я буду иметь это в виду. Спасибо за предупреждение.

– Да, Алекс, надо было попросить тебя походить по кораблю, – задумчиво проговорила Мелисса, – я как-то это упустила...

– Вообще-то я уже походил. Понимаете, – я немного смущенно пояснил Зориной, – я привык лично убеждаться, что корабль, на котором мне довелось оказаться в космическом пространстве, находится в полной исправности. Извините, что я вас об этом вовремя не проинформировал...

– Ну, и каковы результаты твоих... прогулок? – заинтересованно спросила Мелисса. – Каково техническое состояние одного из лучших крейсеров Космофлота?

– Докладываю, мэ. Техническое состояние крейсера «Максим Глинка» – отличное. В системе управления дефектов не выявлено. Весь оружейный комплекс находится в идеальном состоянии. Обнаружена и устранена небольшая разъюстировка типа «С» силовых полей ВР-двигателя № 3. В складском помещении М4-18 обнаружено и устранено повышение влажности воздуха на шесть процентов, связанное со случайным повреждением датчика влажности при погрузо-разгрузочных работах. Наладочные работы проведены силами соответствующих служб, что отражено соответствующими записями в журналах учета ремонтно-наладочных работ в соответствии с действующими инструкциями.

– Спасибо, Алекс. Эх, какого техника лишился в твоём лице Космофлот!.. А вас, капитан Зорина, благодарю за службу. Прекрасное состояние корабля – заслуга, в первую очередь, капитана.

– Мэм, – я обратился к Мелиссе по-прежнему почти официально, – есть кое-что еще. Это, конечно, не техническая неисправность, но... Просто когда я плавал в бассейне, меня что-то насторожило, и по моей просьбе был проведен внеплановый анализ состава воды в корабельных резервуарах. Как показали анализы, все показатели в норме... Однако процент растворимых солей тяжелых металлов – почти на пределе допустимого. Изотопный состав всех примесей смещен в сторону тяжелых изотопов, хотя также в рамках допустимого. Процент содержания белковых соединений – тоже соответствует верхней границе нормы. Каждый фактор в отдельности ни малейшей опасности не представляет, и все системы фильтрации работают в штатном режиме. Но вот все вместе... Я не слишком силен в химии, и не могу точно сказать, что мне в этом не нравится... Но я бы такую воду сменил при первой же возможности, просто так, на всякий случай.

Мелисса задумалась.

– Знаешь, я тоже не могу сообразить, какую опасность может представлять подобная вода. Но я доверяю твоей интуиции. И случай сменить воду у нас как раз представляется совершенно замечательный. Как ни странно, на Фризе есть несколько высокогорных озер с очень чистой водой, которые замерзают только в самой середине зимы. Эти озера образовались в кальдерах цепочки потухших вулканов и постоянно подпитываются из термальных источников. Наши корабли брали воду из этих озер уже не раз. Экологическая обстановка на Фризе идеальная, и некоторое количество спускаемой нами на ледники отработанной воды никакого ощутимого вреда природе нанести не может. Так что, Зорина, подготовьтесь к процедуре смены водного запаса. Проконсультируйтесь у специалистов на базе, из какого озера брать воду вам лучше всего.

Капитан вернулась к переговорам с базой на Рузоне и с космодромом Новозана, а я воспользовался возможностью полюбоваться на обзорных экранах космическим пейзажем с приближающейся Фризой.

Из космоса Фриза выглядела белым шаром с темно-синими пятнами незамерзающих океанических вод вдоль экватора. В ожидании «добро» на посадку мы обогнули планету и прошли вблизи большого пассажирского транспорта, зависшего на высокой орбите над Новозанским космодромом. Это был «Байкал», на котором туристы и спортсмены прилетели на праздник «Эзар-Малаз».

«Байкал» был кораблем того же типа, что и лайнеры, возившие туристов на Райское Местечко, но классом ниже. Это был обычный пассажирский транспорт, не отличавшийся особой роскошью, и корпус стюартов был на нем существенно меньше, не больше полутора тысяч человек, так что перевозить «Байкал» мог пятнадцать-семнадцать тысяч туристов. Билеты поэтому стоили недорого, и практически каждый желающий мог без особых проблем слетать на Фризу, на «Эзар-Малаз».

Посадка в порту Новозана прошла без каких-либо неожиданностей. Для нашего крейсера, естественно, предназначался отдельный сектор. Но меня удивило, что из оставшихся трех секторов стартопосадочного поля два были буквально забиты шаттлами «Байкала», военными и гражданскими катерами и яхтами, в то время как третий был совершенно пуст. При ближайшем рассмотрении, когда мы уже покинули крейсер, я увидел, что в свободном секторе проводятся какие-то работы: по всему полю змеились кабели, а кое-где были даже приподняты и сдвинуты со своих мест плиты взлетно-посадочных столов.

Встречал нас Томаш Иванович Гроссман, начальник Новозанского космопорта. Я знал, что он начинал свою службу диспетчером в подмосковном военном космопорте «Большой Узел», и еще с тех пор был лично знаком с Мелиссой. Потом у Гроссмана обнаружились незаурядные таланты организатора и хозяйственника, и он весьма преуспел на военной службе в качестве администратора. Выйдя в отставку в чине полковника, он остался работать в Космофлоте как вольнонаемный специалист, и вот уже почти десять лет работал здесь, на Фризе.

Мелисса очень сердечно, совсем неофициально, поздоровалась с Гроссманом, и те несколько минут, что мы ехали на глайдере к служебному зданию космопорта, Мелисса расспрашивала его о детях и многочисленных внуках.

Но стоило нам войти в просторный вестибюль, как они были вынуждены сменить тему разговора, поскольку дорогу нам преградила довольно длинная цепочка гравиплатформ. Цепочкой управляли два сотрудника в синих комбинезонах с яркой эмблемой Новозанского космопорта, и еще четверо в таких же комбинезонах, но желтых, шли по бокам, внимательно наблюдая за тем, чтобы гравиплатформы двигались плавно. На платформах в растяжках были закреплены контейнеры, маркированные тремя оранжевыми кругами, что означало, что в них находится аппаратура с квазиразумными биоячейками.

– Томаш Иванович, – обратилась Мелисса к Гроссману, – что у вас здесь такое происходит? На Фризе праздник, полно туристов, а в порту ведутся ремонтные работы? Вы что, не

успели подготовиться к наплыву гостей, и теперь спешно наверстываете упущенное? Что за аврал?

Я огляделся по сторонам, и понял, что Мелисса насчет аврала права. По всему вестибюлю и в отходящих от него коридорах с деловым видом сновали работники служб космопорта, что-то тащили, что-то на ходу активно обсуждали, о чем-то спорили. И больше всего было людей в желтых комбинезонах, работников технической службы космопорта.

– Нет, что вы, Адмирал, как так – не успели вовремя с ремонтом? Обижаете, у нас – образцово-показательное транспортное предприятие! Мы держим первенство среди всех гражданских космопортов за пределами Солнечной Системы! Пять лет уже никому переходящее знамя Космофлота не отдаем! А сейчас – так это мы запустили модернизацию систем управления космопорта! «Байкал» как раз доставил нам полный комплект новейшей аппаратуры! И мы сразу же начали. Вы видели, в западном секторе работы уже заканчиваются! Мы работаем круглосуточно, в три смены!

– Господи, Томаш Иванович! К чему такая спешка? Разве нельзя было дождаться окончания праздника, когда все туристы разъедутся? И в спокойной обстановке...

– Ну, – Гроссман замялся и почесал затылок, – вы понимаете... В празднике-то все и дело... Люди ведь тоже люди... И военные, и вольнонаемные специалисты, эти особенно... Надо же и их понимать... Как же не пойти навстречу... Следующего праздника еще сколько ждать, а тут такой случай... Да и всем хочется скорее опробовать последние достижения в плане техники. Нашему-то оборудованию уж сорок лет почти, хотя все еще работает без сбоев... – Начальник космопорта, глядя себе под ноги, продолжал мямлить что-то невразумительное.

Мне вся эта ситуация со стремительно проводящейся модернизацией оборудования отличного бесперебойно работающего космопорта показалась совершенно бредовой. Я не сомневался, что и Мелиссе происходящее в порту также представляется полным абсурдом, а у нее даже малейшее нарушение логики в рассуждениях – и тем более в действиях – всегда вызывало резко негативную реакцию. Мне уже несколько раз приходилось видеть ее в состоянии ярости, но каждый раз это проявлялось совершенно по-разному. Поэтому я с большим интересом наблюдал за Мелиссой и пытался угадать, какую форму примет ее изумление действиями местного руководства сегодня.

Однако в глазах у Мелиссы мелькнул огонек понимания, и она усмехнулась.

– Так-так-так, ясно-ясно. Народ зарабатывает сверхурочные, помноженные на тройной коэффициент праздничных дней... И премиальные!

– Мэм, не судите строго! Деньги – конечно! Но не в деньгах – главное! Отгулы! Люди зарабатывают отгулы! Послезавтра – Большие Гонки! Все хотят смотреть, и не по видео! Да и потом, дальше – две недели – финалы, финалы! Никто пропустить не хочет! Оставаться на дежурстве – жребий тянули, расстройств сколько. У нас здесь развлечений мало, поймите! Поневоле все болельщиками становятся! Яростными! И тотализатор, конечно...

– Ладно, ладно, не волнуйтесь так, Томаш Иванович. Я же понимаю, что Фриза – далеко не курорт, зима – почти двадцать земных месяцев... То, что вы заботитесь о людях – это хорошо. И деньги людям за работу заплатим, Космофлот не обеднеет. И отгулы – отлично, народу нужны и праздники, и отдых. Но вот только не надо было сейчас эту модернизацию начинать, не время. Могли бы как-то иначе организовать и с отгулами, и с деньгами... Обратились бы в Управление, вышли бы ко мне напрямую, в конце-концов...

– Да праздник-то – сейчас! И еще два года ничего здесь больше интересного не будет!

– Я понимаю, хороша ложка к обеду... Но можно было бы в счет будущих работ. Не нравится мне эта срочная модернизация. Ох, не нравится... Но, что теперь поделаешь... А что, систему прикрытия тоже модернизируете?

– Конечно! В первую очередь! По всему периметру работы уже заканчиваются. Две точки готовы и сданы в эксплуатацию, остальные – после окончания праздника. Ведь две недели здесь никого, кроме дежурных смен, не будет, поскольку никаких взлетов-посадок не ожидается. Весь народ, и туристы, и местные, и почти весь личный состав Рузонской базы в долине будут. Пока все не закончится, никто отсюда не улетит, а кто хочет только самое интересное увидеть, прилетят не позже, чем завтра. Правда, места для посадки почти не осталось, мы не ожидали, что Ваш «Глинка» к нам сядет...

– Ну, насчет места не волнуйтесь. Сейчас члены команды «сойдут на берег», и «Глинка» вас покинет. Капитан хочет воспользоваться случаем, чтобы сменить корабельный запас воды. На всю процедуру, если не спешить, уйдет, я думаю, почти неделя. И если потом у вас места для посадки не будет, «Глинка» поднимется на орбиту, нет проблем.

– Ну, спасибо, мэ, а то я уж и не знал, как выйти из положения. С Рузонской-то базы еще не все желающие прилетели, не хотелось бы их сажать в порту Новокозза, оттуда до нас на флаере больше получаса лету, ребята и так вырываются в последний момент, на базе смены тоже разыгрывали, я знаю. Кому не повезло, будут смотреть Большую Гонку по видео, а это, знаете ли, совсем не то...

У меня возникло впечатление, что весь народ на Фризе просто помешался на почве спорта. Конечно, бесконечная зима, однообразие развлечений, довольно ограниченный круг общения... Но, все-таки, это было как-то слишком. А как же люди живут на военных базах, в длительных рейсах? А здесь же все же целая планета! Киззы, наконец! Права Мелисса, постоянно сетуя, что нынешнее человечество чересчур избаловано, слишком привыкло к роскоши, к изобилию во всех смыслах. И только в Космофлоте люди пока еще способны с честью переносить суровые условия и тяготы жизни, да и то – весьма относительные. А уж если рядом работает гражданская публика, как здесь, на Фризе, то и военный народ тоже дает слабину...

Мысли эти я додумывал уже в глайдере, на котором мы с Мелиссой направились в Новозан. Из космопорта можно было попасть в город по тоннелю, пробитому под холмами, отделяющими долину, в которой располагался космопорт, от долины, в которой был построен Новозан, но Мелисса выбрала верхнюю дорогу.

– Не поверишь, – сказала она, – я была на Фризе только раз, когда ее открыли, а потом все некогда было. Хочу посмотреть, как она изменилась.

Мне, естественно, тоже было очень любопытно. Мне ведь побывать здесь еще не довелось. Когда я вел свой транспорт на Фризу, нам по пути пришлось завернуть на Альбину-3...

Минут через десять мы уже покинули территорию космопорта, похожую как две капли воды на все остальные земные космопорты, где бы они ни располагались, и оказались среди белых холмов. Правда, некоторые холмы имели довольно крутые склоны. И это понятно, холмы эти являлись вершинами горного хребта Хазарт, который здесь спускался к океану, а космопорт, Новозан и долина, по которой мы ехали, находились на высоте более тысячи метров над уровнем океана.

Пейзаж действительно напоминал земной – где-нибудь в зимних Альпах. Солнце светило ярко, небо было темно-голубым, снег – ослепительным. Но вот огромные хвойные деревья, лозали, совсем не были похожи на земные ели. Они выглядели как черные колонны, стоящие на склонах на большом расстоянии друг от друга. Ветви могучих великанов плотно, как спицы сложенных зонтиков, прижимались к толстым стволам, и снег на них практически не удерживался. Но я знал, что когда закончится зима, ветви поднимутся вверх, и огромные зонтики лозалей раскроются, чтобы ловить как можно больше солнечных лучей.

И нигде не было видно никаких следов разумной деятельности – кроме дороги, над которой скользил наш глайдер. Полотно дороги, уложенное на частые мощные опоры, почти доверху засыпанные снегом, змеилось между холмами на максимально возможном от них удалении. «Что б не попасть под сход лавин», – понял я. И действительно, вскоре раздался низкий

рокот, и слева, километрах в трех, на склоне взвился снежный бурун... Эхо обвала сопровождало нас, пока мы не заехали в короткий тоннель, въезд в который защищал массивный длинный козырек. Такой же козырек нависал над дорогой и с другой стороны холма.

Дорога сделала поворот, – и нам открылся невероятный вид. Не зря в туристских проспектах Новозан называют Зимней Сказкой!

В круглой заснеженной котловине стоял сверкающий белый замок! Настоящий замок из волшебной сказки, с многочисленными башнями, башенками, шпилями, окруженный высокой извилистой зубчатой стеной, с огромными резными воротами, к которым вел подвесной мост... Издали замок казался совсем игрушечным, и только подъезжая к нему, я понял, что обманулся в масштабе.

Это был не замок, – это был город, казавшийся замком.

Мы въехали в город через проем, открытый в одной из створок огромных ворот, в которые мог бы легко пройти малый космический катер – если бы кому-то в голову пришла мысль втащить его в город. Городские стены представляли собой двадцатизэтажные здания, а башни возвышались над стенами еще метров на сто, не меньше. Город-замок казался просторным и, в то же время, уютным. Башни и все здания на разной высоте соединялись между собой многочисленными арками, крытыми переходами, галереями и лестницами. Всюду на глаза попадались то резные балюстрады и карнизы, то витые колонны, то балкончики в каменном кружеве... На улицах стояли причудливые, под старину, фонари. Огромные окна и витрины нижних этажей казались подернуты инеем и искрились морозными узорами. В нишах домов прятались фантастические ледяные фигуры, на уступах стен застыли ледяные фонтаны. Вдоль стен домов шли приподнятые над широкими улицами тротуары под прозрачными навесами, прозрачные купола накрывали перекрестки и площади, и под навесами и куполами, в контрасте с заснеженной улицей, буйствовала зелень тропическая растительность.

Мелисса медленно кружила по городу, который был на удивление пуст. Казалось, наш глайдер был единственным в городе, да и прохожих на тротуарах было почти не видно.

Тем временем на город опустились сумерки, и начали зажигаться огни. Со спицей посыпались мерцающие звезды, вспыхнули всеми цветами радуги вывески, затеплились оранжевым светом «старинные» фонари, повисли в воздухе голографические рекламы, весело замигали разноцветные лампочки в витринах и на деревьях под куполами, яркие блики заплясали на ледяных скульптурах, мягко засветились стены домов... А когда с неба полетели крупные хлопья снега, все вокруг стало таким нереально-волшебным, таким невыразимо-прекрасным, что у меня перехватило дыхание...

Наконец, Мелисса, до этого молча управлявшая глайдером, тихонько вздохнула:

– Надо все-таки ехать в посольство, к Тиму. Но сначала придется нанести визит вежливости нашему послу...

Тим – полное имя его было Тимофей – был селфером, курировавшим дела на Фризе. Он был сейчас на планете единственным селфером, – поскольку обстановка на Фризе была спокойной.

Посольство Земли занимало изумительной красоты белоснежное здание, полукругом охватывающее площадь в самом центре города. Здание было не очень высоким, но несколько башенок со шпилями придавали ему легкость и какую-то воздушность... Это был замок в замке, чудо слияния традиций старинной архитектуры с возможностями самых современных технологий.

В просторном паркинге, расположенном в цоколе здания, нас встречала небольшая делегация работников посольства. После официальных приветствий мы на лифте поднялись в офис посла.

Послом на Фризе уже несколько лет работала Мария Семеновна Игошина, один из старейших членов дипломатического корпуса Земли.

Мария Семеновна, невысокая чуть полноватая женщина, встречала нас прямо у дверей, и сразу же объявила своим подчиненным, что они могут быть свободны. Как только за ними закрылась дверь, Мария Семеновна с Мелиссой обнялись, и сразу последовали радостные возгласы:

– Как давно мы не встречались!

– Рада вас видеть в добром здравии!

– Наконец-то вы и до нас добрались!

И так далее в том же духе.

Наконец, Мелисса представила послу меня:

– Александр Владимирович Комаров, мой Потенциал, капитан первого ранга, сотрудник Абашидзе.

Мы расположились в одной из комнат офиса, похожей на зимний сад, – столько здесь было тропических растений. Но уютные кресла и диваны, столики и бар указывали на то, что это не оранжерея, а просто комната отдыха.

Мелисса помогла Марии Семеновне достать напитки и легкую закуску.

Мы выпили по бокалу шампанского за встречу. Я сразу опять наполнил бокалы, и тут Мария Семеновна очень оживилась:

– Ах, давайте выпьем за спортивные победы! Мелисса, вы так удачно прилетели! Прямо к самым финалам!

И я понял, что массовое помещительство на почве спорта не обошло стороной и нашего посла.

– Вы не представляете себе, какое зрелище нас ожидает! Послезавтра – Большая Гонка! – продолжала с воодушевлением Мария Семеновна. – В этот раз прилетели лучшие наши гонщики: Гончаров, Бауэр, Мендоза, Иванов, сам Вальтер Берг! А женщины! Ганна Морис, Юлия Шаталова, Саша Завьялова! И Таня Майер! И даже Соня Лундгрэн! Среди местных тоже есть отличные лыжники, один Маза Козасан чего стоит! У местных – феноменальная выносливость, зато у наших – техника, техника, и еще раз техника! Так что предугадать, кто выиграет гонки, практически невозможно. В тотализаторе – такие ставки! Но я надеюсь на наших. Кстати, вы тоже можете поставить, хоть прямо сейчас! Я вам сейчас покажу списки участников, и выберите, ставьте!

Я был изрядно удивлен неожиданным всплеском эмоций мадам Игошиной, несколько не вязавшимся с ее профессией дипломата, и не знал, как реагировать на ее энтузиазм, поскольку сам никогда ярым болельщиком не являлся. Но Мелисса очень естественно ответила в тон Марии Семеновне:

– Да, конечно! Мы обязательно будем смотреть гонку! И в тотализаторе обязательно поучаствуем, но... Понимаете, я не слишком внимательно слежу за спортивными соревнованиями... И боюсь, я не очень хорошо представляю себе шансы участников на победу...

Тут мадам Игошина, наконец, сообразила, что Адмирал прилетела на Фризу вовсе не на праздник «Эзар-Малаз»:

– Да, конечно, я понимаю... У вас, Мелисса, столько забот! Но, все-таки, и вам иногда отдыхать надо, а тут такой случай! Я уверена, зрелище будет захватывающим, вы не пожалеете! Большая Гонка...

Через несколько минут Мелиссе все-таки как-то удалось отвлечь Марию Семеновну от спортивной темы и перевести беседу в деловое русло, на обсуждение местных проблем, которые всегда неизбежно присутствуют даже в самых благополучных колониях. Я же терпеть не мог разговоров о снабжении, поставщиках, кадрах и тому подобном, – в бытность свою капитаном космических кораблей я успел позаниматься аналогичными вопросами более чем достаточно. Конечно, я скучал по кораблям, последние годы мне очень не хватало звездных просторов, но административные обязанности... Я всегда исполнял их добросовестно и, как говорят,

весьма успешно, однако – безо всякого удовольствия... Так что я испытал вполне понятное облегчение, когда в комнату вошел высокий черноволосый молодой человек.

– Тим! – обрадовано воскликнула Мелисса, – куда это ты запропастился? Мы тут с Марией Семеновной без тебя уже все ваши проблемы обсудили.

– А, – махнул он рукой, – да полковник Рихтер, начальник Рузонской базы, сообщил, что вроде бы их антенны приняли какой-то сигнал. Но, похоже, это просто обычный шум. Здесь, в облаке, пси-шумы совершенно уникальные. Иногда таких глюков наслушаешься... Наши связисты из этих шумов целую коллекцию собрали, будто бы – переговоры на незнакомых языках. Но, увы, анализ никаких смысловых единиц не выявил... Ну, давайте лучше толком поздороваемся!

Мелисса обнялась с Тимом, потом представила ему меня, и мы выпили шампанского за встречу.

Мы посидели примерно еще полчаса. Мелисса рассказывала кое-какие подробности о последних событиях на Земле – собственно, ничего особенно интересного там не происходило, сказала несколько слов о нашем полете на «Максиме Глинке». О самом главном, для чего мы сюда прилетели – о направляющейся сюда эскадре Майкла – ни Мелисса, ни Тим, не проронили ни слова. Да и что говорить? Нам всем оставалось только ждать...

В какой-то момент Мария Семеновна попыталась вернуться к волнующей ее теме спортивных соревнований, но Тим тут же перехватил инициативу:

– Мария Семеновна, я планирую завтра познакомить Мелиссу и Алекса с долиной Занту. Мы на флаере отлично рассмотрим все с воздуха, облетим все спортивные сооружения, пролетим над трассой гонки. А сейчас, я думаю, пора подумать об устройстве наших гостей. Я уже позаботился об удобном жилье. Неизвестно, как долго им предстоит здесь пробыть, так что имеет смысл устроиться основательно. Я забронировал апартаменты в «Астории». Это самое лучшее место в городе, я тоже там обитаю. Пойдемте.

Мы попрощались с Марией Семеновной, – она взяла с нас обещание встретиться в день Большой Гонки на главной трибуне лыжного стадиона, – и спустились в паркинг.

Тим перенес наши с Мелиссой вещи в свой глайдер, и мы выехали на улицу.

Отель «Астория» находился в одной из башен на полпути к выезду из города. Роскошь внутреннего убранства «Астории» очень напоминала интерьеры туристского лайнера «Маджипур», на котором мне довелось лететь на Райское Местечко. Я отлично помнил, как Мелисса когда-то мне объяснила, что селферы, способные выживать в самых нечеловеческих условиях, любят, когда есть такая возможность, пожить в условиях максимально комфортных. Правда, представляли себе этот комфорт разные селферы по-разному... Думаю, что Мелисса, как и я, предпочла бы что-нибудь менее помпезное, чем «Астория», но здесь жил Тим, и было разумно устроиться рядом с ним.

Действительно, Тим выбрал нам апартаменты на одном с ним этаже. Убедившись, что с нашим размещением все в порядке, он попрощался, пообещав, если не случится ничего неожиданного, не будить нас завтра слишком рано, и оставил нас одних.

Мы с Мелиссой путешествовали налегке, так что вещи свои распаковали быстро.

– Послушай, а ты не голоден? – спросила Мелисса. – В посольстве закуски были слишком легкие, ты не находишь?

– Да, пожалуй, я бы поужинал, причем основательно.

– Пойдем куда-нибудь? Или закажем ужин в номер?

– Давай, никуда уже не пойдем. Впечатлений на сегодня мне, пожалуй, достаточно.

Сделав заказ, Мелисса отправилась в ванную, а я подошел к огромному окну полюбоваться видом ночного Новозана.

Окна номера выходили на одну из площадей, – пересечение четырех улиц. И хотя наши апартаменты находились невысоко, благодаря тому, что площадь была довольно большой, из

окна открывалась широкая панорама многоуровневого города, сияющего миллионами огней. Жаль только, звезд видно не было, – небо над башнями светилось перламутром, рассеивая и отражая городские огни. Временами то тут, то там по стенам зданий пробегали радужные волны, над крышами вспыхивали разноцветные сполохи, мерцали волшебными блестками фейерверки... Зрелище было поистине завораживающим...

Наконец, я оторвался от игры огней и опустил свой взор ниже, на улицы, и обнаружил, что город начал наполняться народом. Одиночек почти не было, небольшие компании оживленной публики куда-то спешили, направляясь, наверное, в кафе и рестораны, другие – просто неторопливо прогуливались по улицам. Как обычно, в человеческой толпе кое-где возвышались фигуры тэров. Но были видны и низкие коренастые фигуры киззов, часто ведущих с собой совсем маленькие фигурки детей.

Я с удовольствием наблюдал за толпой, выглядевшей веселой и немного возбужденной отлично проведенным днем. И неожиданно почувствовал, как дороги мне эти совершенно незнакомые мне люди, тэры и киззы, по которым лишь мимолетно скользил мой взгляд, которых я вижу, скорее всего, в первый и последний раз в жизни. Раньше я не очень любил скопление людей, толпу, но сейчас, далеко от Земли, я остро ощутил эту атмосферу раскованности, радости и счастья, которую земляне несли с собой во все миры...

Дивный, праздничный город Новозан!

Мы с Мелиссой отлично поужинали, – кухня «Астории», естественно, была выше всяческих похвал. Утку по-пекински и телячьи медальоны разнообразили местные овощи, которые, как уверила меня Мелисса, никак не могли повредить человеческому желудку. Мелисса, конечно, не могла не заказать тушеные агрустыки. Эти растения-животные – «бродячие грибы» – были распространены на Фризе еще до оледенения, а теперь киззы выращивали их на подземных плантациях в своих пещерах. Одной из разновидностей этих грибов Мелисса меня как-то давно, в самом начале нашего знакомства, уже угощала².

Тогда я в один миг прикончил порцию обалденного грибного супчика и попросил добавки, но Мелисса сообщила, что агрустыки для человека смертельно ядовиты, и мне необходимо немедленно принять припасенное ею противоядие. Противоядие это оказалось жидкостью совершенно омерзительного вкуса. А, главное, всех последствий попадания в мой организм инопланетного деликатеса противоядием снять не удалось. Яд, похоже, сильнее всего воздействовал на мозг, снижая адекватность восприятия действительности и толкая человека на поступки, противоречащие элементарному здравому смыслу. Уверен, что только благодаря этим бродячим грибам я потащился на Райское Местечко с четырьмя неподъемными чемоданами, набитыми разнообразными одеяниями, включая красный кожаный костюм с серебряными шипами!..

Мне не хотелось рисковать совершить какое-нибудь безумство и здесь, на Фризе, так что в этот раз Мелиссе пришлось наслаждаться агрустыками без меня. А то вдруг я решился бы ни с того ни с сего записаться участником Большой Гонки? Или, к примеру, съехать по трассе гигантского слалома? Нет уж, увольте! Обойдусь без агрустыков.

Зато я с удовольствием обнаружил, что элиззумы, местное подобие слив, поставляемых киззами на Землю, здесь поистине великолепны. Мелисса объяснила, что этот божественный вкус у элиззумов появляется только тогда, когда перезревшие плоды хранят в глубоких пещерах с особым микроклиматом в течение не менее чем одного земного года. Транспортировать такие перезревшие элиззумы на Землю можно исключительно в статис-поле, иначе они неизбежно портятся, – ни вакуум-упаковка, ни холод, сохранить их не помогают. Но транспортировка в статисе – дело чрезвычайно дорогое, а, главное – малообъемное. Поэтому обычные импортируемые нами элиззумы, которые может попробовать каждый землянин – про-

² Алекс вспоминает события, описанные в предыдущем романе автора «Райское Местечко. Том 1».

дукт совсем не тот, что местные, зрелые элизумы. Конечно, весьма ограниченные партии зрелых элизумов иногда продаются в сети магазинов «Галактические товары», но редко, очень редко... Ну, и цена их соответственно – совершенно заоблачная.

Никакая цена меня, конечно бы, не смутила, но отслеживать появление какого бы то ни было товара в продаже... Нет, этого представить себе я не мог. А здесь, на Фризе, зрелые элизумы были самым обычным продуктом, и получить их я мог в любой момент, в любом кафе или ресторане.

Наш ужин приятно дополняли отличные вина. В карте вин «Астории» обнаружился крымский черный мускат, и Мелисса, естественно, заказала пару бутылок.

Уж не знаю, что так благотворно повлияло на Мелиссу, – то ли великолепный ужин, то ли какая-то особая атмосфера Новозана, – но только напряжение неопределенного ожидания, не отпускавшее ее все время полета на Фризу, казалось, совсем исчезло. И эта ночь в «Астории» была похожа на все те беззаботно-счастливые ночи, которые мы проводили с ней в коттедже на ее острове. Я испытал ощущение абсолютного счастья, и был уверен, что Мелисса чувствовала то же самое...

Мы еще нежились в постели, когда раздался звонок мелиссиного коммандера. Это звонил Тим.

– Доброе утро. Когда вы будете готовы отправиться на экскурсию?

– Тим!.. Куда торопиться? Мы еще не завтракали!

– Лисса! День короткий, в сумерках с флаера толком ничего не рассмотреть. Давайте, собирайтесь.

– Ладно, дай нам хотя бы час.

– Все, через час – приду.

Пришлось подниматься с постели и по-быстрому завтракать.

После завтрака встал вопрос экипировки. У меня с форменной одеждой проблем не было, я предусмотрительно, зная, что мы летим на планету почти вечной зимы, захватил с собой полагающуюся по уставу куртку из ослепительно-белого меха снежного волка Альбины. У Мелиссы тоже была с собой шуба, длина которой – почти до земли – сразу выдавала ее адмиральское звание. Но Мелисса, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания, шубу надевать не хотела, а появляться на улице зимой без мехов, в одной форме, было не по уставу.

Эту проблему решил Тим.

– У нас тут есть небольшой флотский склад...

Мы спустились на один из подземных этажей – как и любой земной город на чужой планете, Новозан уходил в глубину на сотни метров – и на каре по широкому совершенно безлюдному коридору минут примерно десять добирались до массивных дверей склада.

«Небольшой» склад размеры имел необозримые, и мог обеспечить полной экипировкой и жизнеобеспечением несколько подразделений Космофлота, по сути, целую армию. По «улицам» этого склада путешествовать было разумно на том же каре.

С одеждой Мелиссы вопрос решился быстро: она легко подобрала себе меховую куртку длиной чуть выше колена, что соответствовало званию майора и никак не выделяло бы ее из толпы, в которой было достаточно офицеров с Рузонской базы.

Но мы задержались на складе еще на четверть часа, поскольку я решил воспользоваться возможностью подзарядить батареи моей формы. Я любил всегда быть «во всеоружии», и не задумываться, на какое время полета на антиграве мне хватит энергии, или высчитывать, достаточно ли осталось запаса в энергозарядниках. А кто знает, чем мне придется заниматься на Фризе?..

Покинув склад, мы добрались до лифта, который нас поднял прямо на стоянку флаеров. Огромная стоянка была практически пуста. Кроме флаера Тима там оставалось только две машины.

– Видите, все уже давно в долине. Сегодня в программе – прыжки с большого трамплина и слалом. А вечером – финальные забеги конькобежцев на 400 метров и на пять тысяч. Можно будет посмотреть. Да, и еще полуфинал у женщин по шорт-треку! Это интересно, киззы в этом виде нам не уступают!

Я заподозрил, что местная болезнь не обошла и Тима. Как говорится, с кем поведешься... Хотя, конечно, я в принципе не возражал. Почему бы нам и не посетить спортивные состязания, раз есть свободное время? В конце концов, осмотр других достопримечательностей планеты, тех же Новокозза и Новомейзара, пещерных городов, горных озер и всего остального, – того, что рекламируется в туристических роликах, – можно было провести и после окончания «Эзар-Малаза».

Я спросил Тима:

– А что, много киззов уже переселилось в наземные города? Вчера вечером я видел их на улицах.

– Ну, переселяются понемногу, тысяч шесть уже живут постоянно здесь, в Новозане. Но жилье они себе выбирают на подземных уровнях. Очень мало, кто решается жить над землей, и их понять можно. Остальные приходят в кафе, магазины, развлекательные центры, но переселяться еще не решаются. В Новокоззе и Новомейзаре – примерно так же. Наземные уровни городов по большей части пустуют. Заняты только наши офисы да гостиницы, которые заполняются исключительно в дни «Эзар-Малаза». Но мы киззов специально никак в наши города не привлекаем. Ведь столько их поколений провело свою жизнь в пещерах! Кстати, те киззы, что приезжают в наши города издалека, иногда на день-два селятся в гостиницах наземных уровней. Так что всему – свое время, пусть привыкают потихоньку.

Флаер поднялся над городской стеной и взял курс на юг. Я знал, что город с долиной Занту соединяет тоннель под холмом, по которому можно добраться в долину на глайдере или по монорельсовой дороге, вагоны которой непрерывно курсируют между несколькими станциями в городе и в долине. Я подумал, что, возможно, в последующие дни мы с Мелиссой как-нибудь выберем и наземный маршрут.

Тем временем флаер перевалил через холмы, и под нами открылась картина Занту во всем своем великолепии. Природа будто специально создала это место для размещения огромного спортивного комплекса.

Раскинувшаяся между грядами холмов широкая равнина была защищена от ветров со всех сторон. Занту представляла собой естественную глубокую чашу с неровными краями и почти плоским дном, вытянутую в направлении с севера на юг. Края «чаши» со стороны города, с севера, и справа, с запада, были выше и круче. Западные склоны представляли собой часть горы Заннар, последней горы хребта Хазарт, спускавшегося прямо к океану. Самым низким был дальний, южный край «чаши» Занту, и этот край был будто расколот и выщерблен. На самом деле так оно и было. На юге долину ограничивали не холмы, а скалы, обрывавшиеся к побережью. Долина лежала выше уровня океана почти на тысячу метров. А выщерблены в скалах были за многие столетия промыты весенними водами при бурном таянии снегов на горных склонах долины.

Весной, когда Фриза приближалась по своей немного вытянутой эллиптической орбите к своему солнцу, Венцене, в долину со склонов устремлялись бесчисленные ручьи. Они собирались в озеро, дно которого имело отчетливый уклон к югу, и вода сквозь расщелины в скалах обрушивалась грандиозными водопадами вниз, в океан, с каждым годом все больше и больше расширяя эти расщелины. Со временем скальная стена стала похожа на ряд неровных зубов, но все-таки вся вода из долины уйти через эти расщелины не могла, и южная часть долины летом и осенью превращалась в мелкое озеро, которое замерзало с наступлением холодов. Сейчас промерзшее озеро было покрыто таким же толстым слоем снега, как и остальная часть долины, и определить его размеры и точное месторасположение было совершенно невозможно.

День был чудесный. На чистом темно-голубом небе сияло солнце, и только над океаном, над горизонтом, кое-где висели легкие перистые облака. Склоны холмов покрывал ослепительно-белый снег, на фоне которого резко выделялись черные силуэты редко стоящих лозалей.

Снег долины пестрел тысячными толпами, концентрирующимися вокруг спортивных сооружений. И первое сооружение, которое обратило на себя наше внимание, был большой трамплин, расположенный на северном холме. Мы зависли как раз справа от его верхушки.

Трамплин был действительно большим, и мне показалось, что лыжники улететь с него могли метров аж на двести. Мы висели чуть выше верхней площадки и наблюдали, как очередной спортсмен, судя по фигуре – кизз, готовится к прыжку. Вот он оттолкнулся, заскользил вниз, оторвался от кромки, расправил свой крылатый костюм – и полетел!..

Я ошибся. В крылатом костюме лыжники улетали гораздо дальше двухсот метров. На табло высветился результат: «Мирз Балазас, 468,35 метра, 294,7 балла». Внизу на трибунах народ бурно выражал восторг. Понятно, что Мирз Балазас показал отличный результат. Прыгуна окружили товарищи-спортсмены и болельщики, подняли на руки и начали качать.

Голос комментатора прогремел: «Это была серьезная заявка Мирза Балазаса на победу. Сумеет ли кто-нибудь превзойти его достижение? Через несколько минут будет прыгать Михаэль Курбатов. Посмотрим, удастся ли ему улететь дальше. Ну, а сейчас готовится к прыжку Зализан Годоза. Что ж, далеко летать он умеет, а вот как на этот раз у него получится с техникой? Пожелаем ему ровного полета!»

Смотреть прыжок Зализана Годозы мы не стали, Тим повел флаер дальше, облетая на безопасном расстоянии пространство полетов, граница которого была обозначена висевшим в воздухе прозрачным оранжевым полотнищем голограммы.

Но тут раздался многоголосый испуганный вскрик, затем мы услышали голос комментатора: «УВЫ, У ГОДОЗЫ ОПЯТЬ ПРОБЛЕМЫ С ПРИЗЕМЛЕНИЕМ... КАЖЕТСЯ, У НЕГО ЧТО-ТО С НОГОЙ... К НЕМУ НАПРАВЛЯЕТСЯ ВРАЧ...»

Я обеспокоено обернулся, пытаюсь рассмотреть через боковое стекло кабины, что происходит внизу. Но Тим усмехнулся:

– Не стоит волноваться, Алекс. Вряд ли там что-то серьезное. У киззов кости очень прочные. А этих ребят я знаю, и Мирза, и Зализана. Им еще тренироваться и тренироваться, оттачивать технику, но они очень хотят победить наших и рискуют. Мирз рискнул удачно, а вот Зализан не удержал равновесие, и, скорее всего, просто притворяется, чтобы оправдаться в глазах болельщиков. А Мирз – молодец. Результат отличный. Не уверен, что наши его перепрыгнут...

Тем временем мы медленно летели над восточными склонами холмов, окружающих долину. Под нами проплыли несколько трасс спуска, на одной из них шли очередные соревнования, и фигурка слаломиста в ярко-желтом костюме неслась вниз по склону, ловко огибая флажки.

Мелисса спросила:

– Тим, как ты думаешь, нам стоит посмотреть слалом?

– Ну, если очень хочется... На самом деле, это – не самая зрелищная дисциплина. Через три дня начнутся соревнования по слалом-экстриму, и вот это стоит посмотреть. Лыжники и сноубордисты будут прыгать на трассу с флаеров, а на трассе их будут ждать трамплины, обрывы и траншеи. Это будет зрелище! А завтра после награждения победителей Большой Гонки, уже в темноте, при прожекторах, пройдет финал соревнований по фристайлу, – тоже очень рекомендую. А слалом... Трасса длинная, висеть в одной точке – мало, что увидишь, мотаться вдоль трассы – удовольствие небольшое. Слалом смотреть лучше по визору, камеры стоят вдоль всей трассы, и спортсмен постоянно находится в поле зрения. Если тебя так интересуется именно слалом, лучше посмотри вечером запись...

– Да нет, я просто поинтересовалась, что стоящее сейчас можно посмотреть.

– Давай, лучше продолжим экскурсию, увидишь интересного больше. Кстати, под нами – трасса завтрашной гонки, видите? Круги по пятнадцать километров, старт и финиш – на стадионе, внизу впереди...

Я увидел, куда показывал Тим, трассу. Начинаясь на стадионе, она проходила по восточным холмам, поднимаясь и опускаясь, петляя между лозалями, потом пересекала равнинную часть долины и поднималась длинным тягунком на западные склоны, а затем, после крутого спуска резко поворачивала и после небольшого равнинного участка в северной части долины опять поднималась на восточные холмы.

«Да... – подумал я, – трасса тяжелая, с большими перепадами высот, и самое гиблое место – тот тягун, нелегко там придется ребятам...» Мне вспомнились занятия в юности лыжным спортом, когда я пытался подражать своему знаменитому дяде Леону, дважды Олимпийскому чемпиону. Отец говорил, что я бросил лыжный спорт из-за лени. Но я точно знал, что меня отвратили от лыж такие вот тягунки. Очень уж я не любил ощущение, когда кажется, что легкие выгорели, и дышать больше просто нечем... Тренеры говорили: «Терпи!», но я не понимал, зачем так себя мучить.

Спорт ради спорта всегда казался мне занятием довольно бессмысленным. Профессиональная подготовка – это, безусловно, необходимо. Хорошая физическая форма – отлично, залог здоровья и внешней привлекательности. Но мучить себя ради абстрактного результата? Я просто не видел в этом смысла. Хотя, конечно, те, кто оказываются первыми, могут позволить себе многое. ореол славы! Деньги, успех у противоположного пола... М-да...

– Тим, я так понимаю, что это трасса мужской гонки. А где побегут женщины? – прервала мои размышления Мелисса.

– Женщины пойдут по этой же трассе. Только дистанция у мужчин – десять кругов, а у женщин – шесть. И правила одинаковые – общий старт, кто первым пришел к финишу – победитель. Но женщины и мужчины бегут отдельно.

– Да... Лыжи – суровый спорт... Завтра будет, действительно, Большая Гонка... почти Олимпийский вариант. Теперь понятно, почему вокруг этой гонки такой ажиотаж... А как все это планируется по времени? Трассы-то длинные!

– Женский старт – утром, в 9.00., мужской – в 13.00. А награждение победителей всегда происходит, когда уже стемнеет. Это должна быть очень красивая церемония, с факельным шествием. Потом, после награждения, как я уже говорил, начнутся финалы фристайла. Так что программа на завтра большая, до позднего вечера.

Тем временем мы подлетели к южной части долины и зависли над обширным комплексом зданий, соединенных между собой и стоящих на высоких сваях, поднимающихся над снегом на несколько метров. Часть общей крыши была плоской, но в центре находился большой полусферический купол, составленный из сегментов.

Тим пояснил:

– Здесь – катки и рестораны. Самый большой и самый популярный ресторан – на крыше, под куполом. Летом, если хорошая погода, сегменты сдвигаются. Здесь прекрасно готовят, а главное – с этой крыши открывается вид на океан. Так что это – любимое место и для людей, и для киззов. Сюда приходят, когда есть время и хочется спокойно отдохнуть. Приглашаю вас здесь сегодня после экскурсии пообедать. А потом можем сразу пойти смотреть конькобежцев.

– А почему строения стоят на сваях? – спросил я.

– А, я не сказал... Летом здесь – озеро, причем очень красивое. Оно обычно мелкое, зарастает местной флорой и завезенными нами лотосами. Можно кататься на лодках. Отличный отдых! Жаль только, что лето слишком короткое. И не жаркое. Купаться в озере – холодно. Зато летом в комплексе вместо катков – открытые и закрытые бассейны. Киззы вообще традиции купаться-плавать не имеют, а вот люди, естественно, ходят в бассейны постоянно, раз-

другой в неделю, благо бассейнов в Новозане достаточно. Летом же народ предпочитает ходить именно сюда, в открытые бассейны. И с Рузонской базы прилетают часто. Бассейны у них там и свои есть, но вот лета, воздуха, зелени хочется, конечно, всем. Знаете, зима эта даже мне уже порядком осточертела! Слава богу, скоро лето!

Мы полетели дальше на юг и как-то вдруг, неожиданно, оказались над океаном, вернее, над ледяным полем с торосами далеко внизу под нами. Скальная зубчатая стена, ограничивающая долину, была совсем тонкая, кое-где толщиной не больше полуметра. Да и некоторые «зубы» стояли наклонно. Похоже, пройдет всего несколько столетий, а может, и того меньше, и вешние воды пробьют себе где-нибудь широкий путь на свободу, вниз, к океану.

Флаер пролетел немного над узкой береговой полосой, обозначенной чуть более высокими сугробами, и вернулся в долину. Тим направил машину к западной, почти отвесной стене горы, на разных уровнях которой было видно много отверстий правильной формы. К некоторым отверстиям нижних уровней вели высеченные в стене длинные пологие лестницы, и я понял, что это и есть знаменитый пещерный город Зан.

На скальной стене снег практически нигде не задерживался, и по всей ее длине хорошо были видны какие-то горизонтальные темные линии, на некоторой высоте сгущавшиеся в одну широкую полосу.

– Тим, а что это за полосатость на скале? Стена вроде бы монолитная.

Он начал подробно объяснять (я заметил, что он вообще склонен к слишком подробным и немного занудным объяснениям даже достаточно очевидных вещей; похоже, такая привычка свойственна большинству селферов, – им, видимо, сложно оценивать уровень информированности и сообразительности обычных людей, и они предпочитают перестраховываться):

– Это следы весенних паводков. Каждый год в какой-то момент вся долина становится одним большим озером. Вода несет с собой чешуйки коры лозалей, содержащие интенсивный черный краситель. Чешуйки очень мелкие, почти пыль, и как раз в момент наивысшего уровня воды на поверхности образовывается такая красящая черная пленка. Краситель быстро окисляется, пылинки набухают, и уже бесцветные опускаются на дно или уносятся в океан, но след наибольшего уровня подъема воды остается на стене. Случались годы, когда весна наступала очень быстро, а снега было много, – вот, видите, несколько тонких линий гораздо выше широкой полосы? Был случай – давно, больше двух тысяч лет назад, когда паводок даже затопил нижние уровни города. Вон там, на стене – несколько более темных пятен. Это заложенные входы, оказавшиеся когда-то ниже уровня воды. Но с тех пор вода так высоко не поднималась, расщелины в стене с каждым годом все больше, вода уходит все быстрее и не успевает подняться так высоко.

Мы медленно летели вдоль стены и рассматривали входы и застекленные или закрытые ставнями окна. Впрочем, разглядеть, что находится внутри, было практически невозможно: стены были толстыми, внутри было гораздо темнее, чем снаружи, а входы в глубине перекрывали деревянные двери.

Тим продолжал объяснения. И хотя я видел все это в рекламных роликах, прерывать его я не стал, поскольку он мог рассказать что-то такое, чего я не знал.

– Этому городу больше семидесяти тысяч лет. Практически вся гора Заннар – это город. Здесь больше ста пятидесяти уровней, есть не только удобные жилые пещеры, но и огромные залы, частично – естественного происхождения. До нашего появления между уровнями функционировали довольно примитивные подъемники. Мы подвели энергию, установили лифты и эскалаторы, линии связи, помогли установить световые панели, визоры, оборудовать современные санблочные, улучшили вентиляцию. В общем, сейчас здесь жить совсем неплохо, кое-кто из наших ученых, работающих в «Комитете по развитию Фризы», живет прямо в Зане и на быт не жалуется.

А сейчас здесь проходят турниры по настольным играм. Хотите посмотреть? Правда, пока идут только отборочные туры. Финалы начнутся через неделю, хотя зрителей хватает и сейчас.

– Ну, – сказала Мелисса, – вот финалы мы и посмотрим. Может быть, если время будет. Или, Алекс, может, ты хочешь прямо сейчас пойти в город, посмотреть?

– Да нет, думаю, еще успеем.

– Ладно, – сказал Тим, – тогда летим дальше.

И он поднял флаер вверх.

Гора Заннар оказалась под нами, и открылся величественный вид на горный хребет на севере и на океан до самого горизонта на юге, уже примерно в миле от берега свободный ото льда. На востоке, за нами, осталась долина Зан, а впереди, на западе, склоны Зан переходили в долину, расположенную почти на уровне океана, и ограниченную дальше на западе совсем невысокой грядой пологих холмов. Эти холмы вместе с оконечностью горы Заннар образовывали бухту, довольно далеко вдававшуюся в берег, сейчас, естественно, покрытую льдом. На берегу бухты угадывались практически полностью занесенные снегом строения.

– Это долина Занан, залив Занан и порт Занан, но из-под снега порт покажется только месяца через полтора. На зиму он полностью консервируется.

И действительно, от горы в сторону холмов вели многочисленные проложенные в снегу дороги и тропинки, следы лыж, но ни одна дорожка, ни одна лыжня не вели к побережью.

– Город имеет выходы и на эту сторону горы, причем с уровнем гораздо более низких, чем в долине Зан. Занан – это, так сказать, хозяйственный двор города. И отсюда начинаются дороги к другим поселениям киззов. Вон под теми холмами – два города, севернее – еще несколько крупных поселений. Естественно, все подземные. Во многих сохранился еще традиционный быт, можно будет слетать, посмотреть. На самом деле, киззы совсем неплохо научились устраиваться под землей. У них все достаточно рационально и даже отмечено своеобразной красотой. Думаю, вам понравится.

Наверху, над горой, чувствовались порывы ветра, и зависший флаер ощутимо потряхивало.

– Ну, что? Будем возвращаться? Кажется, пора обедать.

Мы с Мелиссой дружно согласились.

Оставив флаер на стоянке, расположенной на плоской крыше спортивного комплекса, мы отправились в ресторан под куполом. Большой зал был почти полон, и мы с трудом нашли свободный столик с видом на океан. Венцена уже клонилась к закату, и розовато-золотистые лучи красиво подсвечивали появившиеся на востоке кучевые облака.

Тим предложил заказать рыбные блюда, которые здесь готовили особенно хорошо. Мы согласились, предоставив ему, как старожилу, сделать заказ. Мелисса только попросила заказать для нее ее любимые агрустыки, а я сказал, что хотел бы получить на десерт элиззумы.

На закуску нам принесли икру – красную, черную и зеленую. Тим объяснил, что красная и черная икра – уже местного производства, поскольку наши земные рыбы прекрасно адаптировались в пещерных бассейнах. А вот зеленая икра – это икра местной рыбы сокузы, но есть ее я могу без всяких опасений, поскольку она специальным образом обработана, и вещества, опасные для здоровья людей, из нее уже удалены.

Меня удивила черная икра, выглядевшая как-то странно: она была и не зернистой, и не паусной, а была перемешана с какими-то непонятными тонкими полупрозрачными лоскутами.

Мелисса пояснила:

– Это «ястычная» икра, она засаливается прямо с пленками и имеет поэтому своеобразный оттенок вкуса. Видишь ли, я люблю такую икру с детства. Это было так давно... Теперь такую икру не делают. Тим, спасибо тебе! Я понимаю, ты заказал местным рыбоведам ястычную икру специально к моему приезду! Ну, признательна!

Я попробовал ястычную икру. Что ж, вкус, действительно, был не совсем обычный и довольно приятный. А вот зеленая икра мне понравилась гораздо меньше, она показалась мне слишком острой. Но Тим и Мелисса ели ее с удовольствием.

Уха из местной рыбы на меня особого впечатления не произвела – уха, как уха.

На второе был судак, зажаренный в тесте, совершенно замечательный, и местная кюза под кисло-сладким соусом, тоже вполне достойное блюдо. На гарнир полагался земной картофель и местные овощи.

Пили мы земные мускаты.

Обед венчал разнообразный десерт, из всех блюд которого я отдал предпочтение элизумам.

К моменту, когда мы закончили обедать, Венцена уже опустилась за гору, и долина оказалась в глубокой тени. Всюду зажглись огни, и светло стало почти так же, как днем. Народу в ресторане все прибывало, видимо, часть каких-то соревнований уже завершилась, и мы поспешили освободить столик и спустились на трибуну большого катка.

Киззы в скоростном беге на коньках людям составить серьезную конкуренцию не могли, и с Земли на эти соревнования приехали только начинающие спортсмены. Но в этот вечер я лишний раз убедился, что абсолютные цифры в спортивном зрелище значат очень мало. Главное – соревнование! А кто какие минуты и секунды покажет – дело второстепенное.

Зал был заполнен зрителями до отказа. Конечно, в большинстве это были киззы, пришедшие болеть за своих лучших бегунов. Многие киззы пришли сюда целыми семьями, с выводком детей.

Я впервые видел множество киззов «вживую» так близко. Конечно, на Земле я несколько раз сталкивался с отдельными представителями этой расы. Но оказаться в их толпе... Признаюсь, первое впечатление было странным: будто тебя окружила стая то ли обезьян, то ли медведей... Правда, одетых. Но это впечатление быстро прошло. Все-таки, двигались киззы совсем по-человечески, а главное – разговаривали и вели себя как люди.

Во время полета на «Максиме Глинке» я, естественно, поставил себе во встроенный процессор словарь местного языка, но поскольку практики у меня не было, я мог различать сейчас только отдельные слова. А говорить по-киззки без специальной тренировки я просто не мог. В их языке было много звеняще-свистящих звуков, совершенно отсутствующих в человеческой речи. Все эти звуки мы, люди, условно обозначали звуком «з», хотя, если бы мы так говорили, нас никто бы из киззов не понял. Вообще из землян только специалисты-лингвисты, да и то – не все, могли овладеть в совершенстве разговорной речью киззов. Поэтому общались люди и киззы обычно на земном языке, который у киззов больших трудностей не вызывал, разве что свистяще-звенящий акцент был у них совершенно неистребим. Ну, а, в крайнем случае, если земляне сталкивались с киззами, не знающими земного языка, выручали вокализаторы.

Вскоре начались заезды. Киззы болели отчаянно, причем не только за своих. Как они кричали, подбадривая спортсменов, как скандировали имена победивших в заезде! А как переживали, когда Надя Кауфман упала на последнем повороте перед финишем!

В общем, киззы произвели на меня самое приятное впечатление. И больше всего мне понравились их дети, киззята, как я их про себя назвал. Они были очень спокойными, с любопытством поглядывали по сторонам, весело блестя черными глазками. Не капризничали даже самые маленькие киззеныши, сидевшие на руках у матерей. А когда к концу вечера детишки стали уставать, то просто тихонько засыпали, свернувшись клубочком на креслах, или уткнувшись личиком в материнскую грудь и вцепившись ручонкой в косу, заплетенную на щеке матери...

Конечно, все призовые места и у мужчин, и у женщин заняли наши спортсмены. Но лучшие бегуны среди киззов, похоже, стали местными героями.

После окончания забегов в этом зале мы перешли в зал другого катка, где заканчивались забеги по шорт-треку у женщин. Я, по правде говоря, уже несколько утомился от сравнительно однообразного зрелища, но Тим проявил какой-то нехарактерный для селферов энтузиазм, завлекая нас на шорт-трек. И я, в общем-то, не пожалел, что мы поддались его настояниям.

Зал был забит киззами сверх возможного, и атмосфера была накалена до предела: во всех забегах, и личных, и командных, выигрывали киззкие женщины! Именно в шорт-треке маленький рост и короткие сильные ноги давали киззским спортсменкам преимущество перед женщинами земными. Было интересно не столько смотреть забеги, сколько наблюдать за публикой... Бог ты мой! Как они радовались победам! Какие овации они устраивали своим бегуньям!..

Когда мы вернулись в «Асторию», Тим зашел в наш номер, и мы заказали легкий ужин. За ужином и приятным разговором мы просидели до позднего вечера. Тим рассказывал о жизни на Фризе, о киззах, потом они с Мелиссой вспоминали случаи из жизни, людей, многих из которых давно уже не было на свете, приятелей-селферов...

Было уже совсем поздно, и Тим уже собирался уходить, когда звякнул его комм. Начальник Рузонской базы полковник Рихтер сообщил, что гравидетекторы обнаружили какой-то объект с распределенной массой, движущийся в облаке на близком сверхсвете предположительно в направлении системы Венцены. Расстояние было еще очень велико, да и помехи в газопылевом облаке не позволяли сделать более точные оценки...

Мелисса сказала:

– Думаю, это наша эскадра. Наконец-то узнаем, что случилось...

Под утро я проснулся, и увидел, что Мелисса лежит с открытыми глазами.

– Лисса, мне сейчас снился Майкл, будто он хочет мне что-то сказать, но я не могу понять, что.

– Мне тоже сейчас снился Майкл. Он хочет с нами связаться, но не может попасть в резонанс. Облако...

Я прекрасно понимал, что Мелисса имела в виду. У нас троих – Мелиссы, Майкла и меня – была одна и та же резонансная пси-частота, именно поэтому мы так легко устанавливали между собой пси-контакт, даже на межзвездных расстояниях. Сейчас же Майкл был от нас по космическим меркам совсем близко, и даже то, что он двигался относительно нас со сверхсветовой скоростью, не могло бы помешать установлению связи, поскольку селферы могут определенным усилием сдвигать частоту передачи, и он мог бы таким сдвигом учесть доплеровское смещение несущей частоты пси-волны. Но его корабль двигался в газопылевом облаке, и рассеяние пси-волн на неоднородностях, иррегулярных потоках и завихрениях материи этого облака приводило к постоянным непредсказуемым изменениям величины этого смещения. И Майкл настроиться на нас не мог.

– Я генерирую встречную волну, – сказала Мелисса, – но это не помогает...

Я долго ворочался в постели, пока не сумел заснуть, но сон мой был беспокойным, – мне опять снился Майкл, а я никак не мог понять, что же он хочет мне сообщить.

Наступил день Большой Гонки. По визору только об этом и шла речь. С утра на лыжном стадионе собралось огромное количество болельщиков. Погода для лыжных соревнований была очень подходящая: легкий морозец, чистое небо, яркое солнце. В долине царил праздничная атмосфера: всюду развевались разноцветные флаги, играла музыка, группы земных туристов в ярких нарядах и местных жителей в пестрых мехах то тут, то там, пели песни и устраивали танцы. В ожидании начала женской гонки народ явно пребывал в приподнятом настроении.

Мы же с Мелиссой с нетерпением ожидали новых сообщений с Рузонской базы.

Тим пришел к нам без свежих новостей. Ничего нового об объекте за прошедшие часы, кроме того, что он приближается, не снижая скорости, установить не удалось. В какой-то момент связистам показалось, что антенны пси-связи принимают некое сообщение, но, похоже, это был очередной глюк.

Просто так сидеть и ничего не делать в ожидании новостей было трудно даже селферам, что уж говорить обо мне, и мы решили ничего не менять в намеченной нами еще раньше программе дня и отправиться смотреть лыжные гонки. Ведь флот мог подойти к Фризе и через много часов, а то – и через несколько дней.

Идти в газопылевом облаке на больших скоростях, тем более – на сверхсвете, было очень опасно, разрушительно для кораблей. Конечно, корпуса кораблей были покрыты защитной ролл-структурой, но антенны, датчики и ряд других конструктивных элементов при таком движении ощутимо страдали. Ведь даже в практически «пустом» пространстве при движении на сверхсветовых скоростях корабли двигались, будто в газовой среде, а что уж говорить о пылевом облаке, плотность материи в котором превышала плотность материи обычного космоса на порядки! А главное, практически все типы двигателей, за исключением двигателей Вульфа, тоже запыленное пространство «не любили». Но использование двигателей Вульфа вблизи больших масс было чрезвычайно рискованно, и при подходе к системе Венцены было просто необходимо их отключить. Я удивлялся, почему корабли эскадры до сих пор не сбросили скорость, но видно, у них была очень серьезная причина спешить. Эта мысль не давала мне покоя и, конечно же, тревожила и Мелиссу, и Тима.

А передавать четкий сигнал нашим кораблям не позволяли, скорее всего, именно поврежденные антенны. И хотя на кораблях имелся немалый запас сменных элементов антенн, возможно, запас этот у них по какой-то причине исчерпался, – возможно, слишком долго они шли в облаке на больших скоростях. А может, просто их пси-сигнал рассеивался и искажался на турбулентных завихрениях в облаке...

Возможно, возможно, возможно... Мы могли только предполагать, – и ждать.

В этом состоянии неопределенности и тревожного ожидания мы кое-как заставили себя позавтракать, и Тим на флаере отвез нас в долину.

Когда мы втроем появились на главной трибуне лыжного стадиона, женская гонка была уже в разгаре.

Увидев, что мы ищем свободные места, наш посол, Мария Семеновна, призывно замала нам рукой.

Когда мы пробрались к ней через ряды болельщиков, людей и киззов, Мария Семеновна вместо приветствия с упреком воскликнула:

– Ну, где же вы ходите? Вы старт видели? Женщины уже пошли на третий круг! А ставки вы успели сделать?

Не дожидаясь от нас вразумительных ответов, она махнула рукой:

– Ладно, устраивайтесь, я вам места держу, и только из уважения ко мне их еще никто не занял. Ребята с Рузонской базы уже несколько раз подходили, все спрашивали, может, здесь – свободно... Знаете, эти военные – народ простой, не слишком стесняются. Пришлось им, в конце концов, сказать, что места эти для вас, Адмирал, и только тогда они отстали...

Сохраненные для нас послом места были, действительно, очень удобные: в тени под козырьком, прямо напротив финиша.

Когда мы уселись, Мария Семеновна повторила свой вопрос:

– Так почему вы задержались?

– Полковник Рихтер сообщил, что, похоже, скоро сюда придут наши военные корабли, целая эскадра, – не вдаваясь в подробности, ответила Мелисса.

– О, это замечательно! Возможно, они еще успеют попасть на наш праздник, и тогда это будет праздник двойной!

Я несколько удивился реакции Марии Семеновны на новость, но потом подумал, что для человека, далекого от Космофлота, возможно, ее реакция была нормальной. Да и мысли ее были заняты исключительно делами местными, а главным местным делом был сейчас этот праздник, «Эзар-Малаз».

Тут все окружающие повскакивали с мест и закричали. Неожиданно громко завопила и Мария Семеновна:

– Давай! Давай! Давай!

Это первые лыжницы показались на противоположном от трибуны склоне. Впереди бежали довольно тесной группой, судя по фигурам, наши девушки. Правда, трое из них уже отставали от лидеров метров на тридцать, но все держали хороший темп. Киззские спортсменки, растянувшись в цепочку, отставали от наших больше, чем на сто метров.

– Черт! – повернулась к нам Мария Семеновна. – На этом круге местные сократили разрыв! После старта наши ушли от них гораздо дальше. Я же говорила, что местные – очень выносливые. У наших-то скорость уже заметно упала, а киззски темп держат, даже прибавили... Но я все равно поставила на Таню Майер, я в нее верю, она не подведет!

М-да, Марию Семеновну гонки явно занимали гораздо больше, чем приближение нашей эскадры...

А нам троим ничего не оставалось делать, как сидеть на трибуне и наблюдать за перипетиями гонки. Огромные экраны, установленные на восточных холмах, выше трассы гонок, так, что их было отлично видно из любой точки долины, показывали все, происходившее на трассе. Многие из зрителей, желавшие наблюдать гонку вблизи, стояли вдоль трассы, а те из землян, у кого имелись антигравы, летали вдоль трассы, прямо над оранжевыми голографическими полотнами ограничителей пространства гонки, и подбадривали спортсменок своими возгласами.

Надо сказать, что по ходу гонки ничего сверхъестественного не происходило. С каждым кругом киззские спортсменки приближались к нашим девушкам, и две из них даже обошли трех отставших от нашей основной группы лыжниц, но я сомневался, что они смогут нагнать наших лидеров. На последнем круге неожиданно на том самом гнусном тягунке сошла с дистанции Соня Лундгрэн, одна из претенденток на победу. Но остальные девушки держались, и вшестером почти одновременно вкатились на лыжный стадион, где им предстояло пройти три круга и выяснить, кто же станет победителем. К моему изумлению, почти сразу за ними появились две местные спортсменки, и стадион просто взорвался криками.

Признаюсь, на несколько минут я забыл и о приближающейся эскадре, и обо всем остальном на свете. На финишной прямой наши девушки растянулись цепочкой – не у всех хватало сил на последние метры, и киззски стали обходить их одну за другой! Боюсь, если бы надо было пробежать еще сотню метров, победа досталась бы местным спортсменкам! Но финишную прямую первой пересекла все-таки Таня Майер, – весь стадион скандировал ее имя, – а киззски были только третьей и четвертой.

Победительница прямо за финишной чертой рухнула без сил на снег, как и наша лыжница, пришедшая второй. А вот местные спортсменки под ликующие крики публики пробежали по стадиону еще целый круг почета. Правда, минут через пять и наши девушки тоже сумели пройти этот круг, но я видел их почерневшие лица, судорожно вздымавшиеся груди... Да, гонка была очень тяжелой, и я понял, что то, что награждение победителей откладывается на вечер, было более чем оправдано.

В командном зачете, пусть и с минимальным преимуществом – ввиду того, что Соня Лундгрэн сошла с дистанции, победили все-таки земные лыжницы. Комментатор сообщил, что с Соней ничего страшного не случилось, она просто растянула мышцу. Но мне показалось, что Соне элементарно не хватило сил, все-таки она была ветераном нашей команды, ей недавно исполнилось сто шестьдесят четыре года, а это – очень немало даже для лыжного спорта...

Перерыв перед началом мужской гонки позволял зрителям размяться и перекусить в многочисленных кафе, разбросанных по всей долине. Мария Семеновна, к нашему счастью, отправилась поздравлять спортсменов и тренеров, а мы втроем пошли немного прогуляться.

Многотысячная толпа болельщиков представляла собой смесь людей и киззов, кое-где виднелись возвышающиеся фигуры тэров. Поскольку день был солнечный, все земляне носили темные очки, – и туристы, и космофлотчики, выделявшиеся из пестрой толпы своими ослепительно-белыми мехами форменных курток. Больше всего в толпе болельщиков было, конечно, киззов. Почти все они очень ловко передвигались на коротких широких лыжах, и мало кто из них пользовался лыжными палками, в отличие от туристов с Земли, которые, все-таки, стоя на лыжах, предпочитали хотя бы в одной руке иметь в качестве опоры удобную телескопическую палку. Это и понятно, центр тяжести у землян был существенно выше, чем у киззов. Особенно шустро двигались на своих крошечных лыжах многочисленные киззские детишки, ведь традиционно они становились на лыжи, еще не научившись даже толком ходить. А совсем маленькие киззеныши выглядывали из нагрудных меховых сумок своих матерей, живо интересуясь происходящим вокруг.

Тим заметил:

– Похоже, сегодня собрались здесь все, за исключением дежурных смен. Но они наверняка смотрят гонки по визору. И даже настольные игры остались сегодня, скорее всего, совсем без зрителей.

Народ, находившийся с самого утра на морозе, пусть и совсем небольшом, спешил согреться, выпить чего-нибудь горячего и что-нибудь съесть перед началом мужской гонки. Родители-киззы созывали своих детей, туристы разыскивали приятелей, шумно решали, в какое кафе им лучше направиться, и над этой оживленной суетящейся толпой стоял разноязычный говор и звон коммуникаторов.

Так что когда зазвонил комм Тима, мы не сразу поняли, что это – звонок ему, и заметили вызов, только когда на комме замигал красный огонек. Тим принял вызов, но шум толпы не давал толком разобрать, что говорил ему полковник Рихтер, и мы отошли под трибуну, на стоянку флаеров.

Тим сказал:

– Юрген, здесь – Адмирал, запараллель канал на ее комм, так нам будет лучше разговаривать. Ты же слышишь, как тут шумно, а включать громкую связь – ни к чему. И начни все сначала.

– Во имя Земли, мэ. Здесь полковник Рихтер. Рад вас приветствовать. Я, естественно, знал, что вы прилетели, но не хотел беспокоить вас без необходимости.

У нас появились новости, и не совсем понятные. Обнаруженный вчера объект идет прежним курсом, похоже, к нам. Скорость по-прежнему не снижает. Поскольку расстояние существенно сократилось, мы смогли определить, во-первых, что объект представляет из себя группу отдельных объектов. Во-вторых, два отдельных объекта значительно опережают основную группу, хотя их скорость немного ниже, чем у остальных. К сожалению, ни прогноза, ни точных данных дать не могу, слишком велики погрешности, да и не понятно, как эти объекты будут вести себя дальше. При таких скоростях подлетное время вырвавшихся вперед двух объектов может составлять всего лишь часы. И главное, похоже, основная группа ведет непрерывную передачу, но пси-прием очень плох, разобрать ничего невозможно, наши компы при попытках дешифровки выдают какой-то бред.

Я собираюсь нацелить все свои антенны на передающий объект и подать всю мощность на базовой несущей частоте Космофлота. Думаю, передача на встречных волнах в таких условиях может сработать. Надеюсь, тогда мы сможем хоть что-то услышать.

– Хорошо, полковник, действуйте, – ответила Рихтеру Мелисса. – Есть один вопрос: удалось ли вам определить массу вырвавшихся вперед объектов?

– Точно – нет. По порядку величины масса каждого примерно равна массе наших больших транспортников, может, несколько больше. Но погрешность очень велика.

– Спасибо, полковник. Мы с Тимом будем ждать ваших сообщений. Докладывайте обо всем, о любой, самой мелкой детали.

Прекратив разговор, Мелисса сказала:

– Что-то меня во всей этой ситуации смущает. Вернее, смущает многое. Даже все. Все непонятно. Надеюсь только, что это Майкл на флагмане, на «Суворове», вырвался вперед. Но зачем так спешить? опередить остальные корабли на несколько часов? Что там у них могло случиться? И почему с ним еще один из больших кораблей? У вас какие-нибудь идеи есть? – обратилась она к нам с Тимом.

Мы отрицательно покачали головами.

Вскоре на стадионе началась подготовка к старту мужской гонки, и зрители опять начали заполнять трибуны. Мы зашли в ближайшее кафе, где народу было уже поменьше, и выпили кофе, взяв по ростбифу и по паре круассанов.

Когда мы вернулись на наши места на трибуне, Мария Семеновна вновь проявила свою заботу:

– Ну, где вы опять ходите? Сейчас дадут общий старт!

Нам, право, было не до старта, но показывать как-то свое волнение не стоило, даже послу Земли, и мы сделали вид, что с интересом следим за тем, что делается на стадионе.

Старт был дан, и сразу все наши лыжники вырвались вперед. По завершении первого круга гонки наши опережали киззов почти на километр, но по опыту женской гонки я примерно представлял себе, как будут развиваться события дальше. Разница заключалась лишь в том, что мужская трасса была на шестьдесят километров длиннее, чем женская... И действительно, после четвертого круга киззы начали понемногу уменьшать разрыв, а часть наших гонщиков, отстав от лидирующей группы из восьми человек, растянулась в цепочку. Увы, чудес не бывает. Повторялся сценарий женской гонки.

– Алекс, не хочешь ли слетать к трассе, посмотреть бег вблизи? – спросила меня Мелисса. – Ты же занимался лыжами.

– Именно поэтому и не хочу. Знаю, как ребята сейчас себя чувствуют. И, вообще, не до того мне, честно говорю. У меня из головы не выходят странности другой гонки...

– У меня тоже. Что-то в этом есть такое, что нам в голову просто не приходит.

Наша троица – Мелисса, Тим и я – представляли собой странное зрелище среди бурно реагирующей на ход гонки массы болельщиков. Но всем им, в том числе, и Марии Семеновне, было не до нас. Один из киззов за два круга до конца гонки вплотную подобрался к группе лидеров, и наши лыжники были вынуждены увеличить темп.

Тем временем Венцена скрылась за горой Заннар. Долина погрузилась в тень, но вспыхнувшие прожектора тут же залили все пространство ярким светом.

Раздался вызов коммуникаторов Тима и Мелиссы, и послышался возбужденный голос полковника Рихтера.

– Адмирал, есть новости, очень странные!

– Подождите, мы сейчас отойдем в тихое место...

Мы выбрались с трибуны. Мария Семеновна, кажется, наконец, поняла, что происходит что-то серьезное, и отправилась вслед за нами. Мелисса возражать против ее присутствия не стала, и мы вчетвером зашли в служебное помещение рядом со стоянкой флаеров, где рев трибун и голос комментатора были почти не слышны.

– Полковник, слушаем вас.

– На встречных волнах нам удалось поймать передачу. Качество очень плохое, но несколько слов распознать удалось. «Не успеваем», «опаздываем на четыре часа» и «Фриза». Все.

– Ну, понятно, они не успевают на гонку! – воскликнула Мария Семеновна.

«Боже, какая дура!» – подумал я. – «Причем здесь гонка? Они что – на праздник спешат?»

Но я тут же понял, что посол Игошина вовсе не дура, она не могла быть дурой. Просто это – чисто психологический феномен: занимаясь много лет делами Фризы, она сфокусировалась исключительно на местных событиях, и апофеоз этих событий, «Эзар-Малаз», занимал сейчас в ее сознании центральное место, превратившись в нечто вроде сверхценной идеи.

А голос полковника продолжал:

– И еще. Один наш связист – у него хорошие пси-способности – утверждает, что принимает какие-то образы. Что-то непонятное, картинка все время мелькает, но один образ, очень отчетливый – волна...

– Волна... волна... – пробормотала Мелисса. – Полковник! Спросите его, это – вода? Волна большая?

– Сейчас. Ждите.

.....

– Да! Он говорит, что это – большая морская волна, она захлестывает его с головой, и он тонет. Говорит, ужасный образ!

– Цунами! Это ЦУНАМИ! Полковник! Идущие впереди объекты – где они сейчас находятся?

– Они уже вошли в систему Венцены. Вот, мне несут последние данные. Так, один идет точно к Фризе, а другой направляется, похоже, к Музане... к нам!

– Полковник, немедленно вскройте пакет с шифром «ЦУНАМИ»! Срочно!

В бытность свою капитаном, я сам имел в сейфе в центре управления сверхсекретные пакеты, обозначенные разными зашифрованными названиями: «Красный туман», «Черный дождь», «Ночной прибой», «Смерч» и другие. Но шифра «Цунами» я не помнил, наверное, это была какая-то новая разработка нашего Генштаба.

– Подождите, я вижу корабль на обзорных экранах!!! Господи, что он делает??? Что????? Это не...

Голос полковника в коммах оборвался на полуслове.

– ...это – не наш корабль! – продолжила за него Мелисса. – Это – нападение. Уверена, антенны Рузонской базы уже уничтожены. Хорошо, если только антенны...

Все, что случилось дальше, казалось, тянулось много часов, но на самом деле счет шел на минуты. И многие события происходили практически одновременно.

Мелисса переключила комм на спецволну «Приоритет-0», которая принудительно включала все коммы Космофлота и земных служб всех уровней в пределах планетной системы Венцены:

– Внимание, внимание! Тревога! Тревога! Здесь Адмирал. Чрезвычайная ситуация! Опасность нападения из космоса. Рузонская база уже подверглась атаке. На очереди – Фриза. Сохраняйте спокойствие. Всем дежурным немедленно вскрыть пакеты с шифром «Цунами» и действовать в соответствии с инструкциями. Ждите новых сообщений.

Я на несколько мгновений впал в состояние ступора. Права была Мелисса: никакая учеба, никакие тренировки на симуляторах не могли подготовить человеческую психику к немедленной адаптации при кардинальном изменении реальности. Мое сознание пребывало в состоянии раздвоенности. С одной стороны, я понимал, что мирная жизнь многих поколений землян закончилась, и наступила иная жизнь с иными законами, и сейчас от всех нас, и от меня в том числе, потребуются незамедлительные активные действия. Но другая часть моего сознания пребывала еще в прошлой, благополучной, жизни и могла лишь пассивно наблюдать за событиями...

Напротив меня застыла в таком же ступоре Мария Семеновна, но ужас на ее лице свидетельствовал о том, что она полностью отдает себе отчет в происходящем.

Мелисса же, казалось, оставалась совершенно спокойной, и только какая-то жесткость, появившаяся в ее голосе, отражала чрезвычайность ситуации. Я понимал, что дело было не только в том, что она являлась Адмиралом, главой Космофлота, селфером, и не только в том, что она была единственной среди нас, имевшей личный военный опыт, пусть и во времена весьма отдаленных. Нет, главное – все последние годы она жила в ожидании подобных событий и постоянно находилась в состоянии готовности немедленно на них адекватно реагировать.

И она продолжала говорить в комм:

– Приоритет-0-А, Адмирал-Д-274-лугальбанда-ц-энкиду, час X, «Цунами», Адмирал-Д-274-гильгамеш.

Этим своим личным кодом Мелисса через спецпроцессоры, встроенные в мозг каждого, находящегося на службе в Космофлоте, дала команду действий в соответствии с ситуацией, обозначенной шифром «Цунами», и теперь каждый военный четко знал, как ему следует себя вести. Более того, уклониться от этого приказа никто просто не мог. В этот момент я пожалел, что на меня код Мелиссы не действует, и никакая программа, заранее разработанная Генштабом Космофлота, не может мной руководить, не может подсказать, что мне надо делать. И я ждал указаний лично от Мелиссы.

А Мелисса тем временем отключила комм и обратилась к Тиму:

– Тим, на тебе – Новозан. Ты же понимаешь, что мы – самая вероятная цель. Постарайся спасти как можно больше оставшихся в городе. Надеюсь на тебя. Кто успеет – пусть летит как можно дальше от города и космопорта, остальных – на нижние уровни, ну, ты сам знаешь. Больница – там наверняка кто-то есть. И энергоблоки! Энергоблоки! Дежурные уже должны начать выводить их на ноль, но времени у нас очень мало. Главное, я не знаю, какое у них оружие... Понимаю теперь, почему Майкл так спешит. Ну, все, все! С богом!

Тим молча бросился к ближайшему флаеру, и тот взмыл в небо.

К этому моменту Мария Семеновна пришла в себя, и только вдруг постаревшее лицо, на котором пролегли глубокие складки, отражало ее внутреннее состояние.

– Адмирал, что я могу сделать?

– Вы лучше всех знаете местный персонал. Соберите хороших водителей флаеров из числа гражданских лиц, надо найти... – она бросила мимолетный взгляд на стоянку, – девять человек. Нам предстоит срочная эвакуация из долины всех, кто здесь есть, в пещеры Зана. Но собирайте водителей по-тихому, придумайте какую-нибудь невинную причину, вы же дипломат. Паника нам не нужна, зрители, кроме военных, пока еще ни о чем не догадываются.

– Сколько у меня времени?

– Через десять минут я выступлю по визору из комментаторской кабины. Флаеры должны быть готовы.

Мария Семеновна мгновенно исчезла из поля зрения. Я поразился тому, как, оказывается, стремительно умеет двигаться эта пожилая женщина. Подготовка дипкорпуса, однако, на высоте!

Я частью своего сознания удивлялся тому, что способен обращать внимание на какие-то совершенно второстепенные детали, думать о чем-то абсолютно сейчас неважном, но в то же время понимал, что другая часть моего сознания просто отказывается принимать реальность такой, какая она есть, цепляясь за всякие не связанные с ужасной действительностью мелочи.

А Мелисса опять включила комм:

– Корнеев, ты слышишь меня?.. Здесь Адмирал.

– Во имя Земли. Слушаю, мэ. Пакет вскрыл.

– Нет, Дима. Приказ по «Цунами» для «Байкала» я отменяю. Подтверждение – Адмирал-Д-274-лугальбанда-ц-энкиду. У меня для тебя есть другое дело. Понимаешь, я не знаю возможностей нападающих. Рузонская база, скорее всего, частично или полностью разрушена, на их ресурсы я не рассчитываю. Эскадра Майкла еще далеко, они помочь нам не успевают. У нас есть только два серьезных корабля: крейсер «Максим Глинка» и твой «Байкал». Ты сейчас немедленно уходи с орбиты и вообще из плоскости эклиптики. Всех, кого можешь, выбрось с корабля на катерах и шлюпках, пусть разбегутся во все стороны. Оставь только самых-самых необходимых... Дима!.. Димочка, я пойду на «Глинке», а ты – затаись и жди. И только если я... Если у меня ничего не получится, настанет твое время. Я понимаю, у тебя – всего лишь туристический лайнер, но они этого не знают! Конечно, ты небезоружен, но ты же не боевой корабль... Просто, кроме тебя мне надеяться больше не на кого. Не дай им уйти безнаказанно! Любой ценой. Любой! Но помни, антипротонную пушку ты можешь использовать, только если Фриза будет уже далеко... Действуй!

Я понимал, что Мелисса сейчас капитану «Байкала» ничего не приказывала. Она ПРОСИЛА его – при необходимости – умереть...

Как только Мелисса закончила разговор с Корнеевым, на ее комме замигал огонек вызова.

– Здесь Адмирал, слушаю.

– Во имя Земли! Докладывает капитан Зорина. Мэм, у меня нештатная ситуация. Я вскрыла пакет, но инструкции не соответствуют ситуации. Замена воды только началась, на борту – всего семнадцать процентов водного запаса.

– Да, я как раз собиралась отменить инструкции из вашего пакета. Вот вам новый приказ: процедуру замены воды прекратить, немедленно запустить предстартовый режим, всем покинуть корабль, включая капитана.

– Но, мэм, я не могу! По уставу капитан не имеет права покинуть корабль, находящийся вне портовой стоянки!

– Настя, я знаю устав. Мне некогда объяснять. Адмирал-Д-274-лугальбанда-ц-энкиду. Кавторанг Зорина, приказываю процедуру замены воды прекратить, запустить предстартовый режим и вместе с имеющимися на борту членами экипажа покинуть корабль. Адмирал-Д-274-гильгамеш.

Этот приказ капитан Зорина не выполнить не могла.

Я понимал, что задумала Мелисса. И теперь, наконец, я знал, что мне следует делать.

– Я с тобой, – сказал я Мелиссе.

– Нет, у тебя будет другая задача.

– Но тебе одной – не справиться. Это же крейсер! В бою...

– Нет. Я справлюсь... А ты мне будешь только мешать, я вынуждена буду думать о тебе.

– Лисса!..

– Нет. Ты должен постараться спасти всех этих людей, – и землян, и киззов, – всех в этой долине. Я уверена, что второй корабль скоро будет здесь, и Новозан станет его первой целью. Сначала – космопорт, потом – город. И долине тоже не поздоровится. Ты отвечаешь за тысячи жизней! Понимаешь?

– Да, мэм. Есть, мэм.

– Все, пора в комментаторскую кабину.

Мы прошли через стоянку флаеров. По всей стоянке люди, мужчины и женщины, занимали в машинах места пилотов. Они выглядели деловитыми и сосредоточенными, но никакого беспокойства в них не ощущалось. Интересно, что же такое им говорила мадам Игошина?

В стороне от стоянки собирались группы людей в одинаковых костюмах. «Готовится церемония награждения победителей, с факельным шествием», – вспомнил я.

Мы с Мелиссой поднялись на лифте на самый верх трибуны, в комментаторскую кабину.

Там царило невероятное возбуждение, – гонка подходила к концу.

Возле входа Мелисса сбросила с себя меховую куртку и осталась в своей адмиральской форме со всеми регалиями. Она пробралась между операторскими пультами к ведущему репортаж комментатору и потрясла его за плечо. Он досадливо, не отрывая глаз от мониторов и продолжая свою скороговорку, отмахнулся.

Мелисса еще раз встряхнула его и силой вытащила из кресла.

– Какого черта! – завопил он, но осекся, увидев Мелиссу.

– Адмирал???

– Да. У нас – чрезвычайная ситуация. Соревнования немедленно прекращаются! Мне нужен эфир.

– Это невозможно! До конца гонки осталось несколько минут! Мы передаем на всю планету и на Землю!

– Нет. На Землю – уже нет. Антенны Рузонской базы разрушены. Возможно, и сама база.

– Как?..

– Нападение из космоса.

Комментатор открытым ртом глотал воздух, но произнести ничего не мог. Его лицо в одно мгновение посерело. За нашими спинами молча собирались люди, оставившие свои посты у пультов.

– Куда мне встать, чтобы меня было хорошо видно и слышно? – спросила Мелисса.

Кто-то из техников, сумевший не потерять самообладания, посадил ее в кресло слева от места комментатора.

– Так. Камеру – на меня, мое изображение – на все мониторы.

На всех мониторах появилась крупным планом Мелисса, и я услышал за окном удивленный гул многотысячной толпы.

Мелисса, подождав несколько секунд, сказала:

– Внимание! Я – Мелисса, Адмирал Космофлота. У нас – чрезвычайная ситуация. Соревнования немедленно прекращаются. – Гул за окном усилился. – Всем лыжникам, в том числе, идущим сейчас по трассе, срочно собраться на поле стадиона у финиша. Всему личному составу Космофлота также собраться у финиша. Прошу всех соблюдать спокойствие. Повторяю еще раз: чрезвычайная ситуация. Угроза нападения из космоса. Все зрители, спортсмены и обслуживающий персонал должны как можно скорее добраться до пещерного города Зан и укрыться в пещерах. Находящиеся рядом со станциями монорельса, воспользуйтесь дорогой. Пропускайте на посадку первыми детей и женщин. Находящиеся рядом со стоянкой глайдеров – берите машины, заполняйте их до предела, в первую очередь сажайте детей и женщин. Повторяю: пропускайте вперед детей и женщин! Мужчины должны своим ходом немедленно следовать ко входам пещерного города. Убедительно прошу начать движение сию же минуту, времени у нас очень мало. Но без паники! Женщины и дети, находящиеся на лыжном стадионе, должны прямо сейчас пройти на посадку на стоянку флаеров. Машины уже готовы к взлету. Флаеры сделают столько рейсов, сколько необходимо, чтобы забрать отсюда всех женщин и детей.

Командовать операцией укрытия населения в городе Зан я поручаю каперангу Комарову. Канал его связи – «Приоритет-1». Всем офицерам быть на связи на канале П1. – Мелисса, встав с кресла, усадила в него меня, и на всех мониторах появилось крупным планом мое лицо.

Примерно через полминуты Мелисса повернулась к оторопевшим техникам и дала знак прекратить передачу.

Когда все мониторы погасли, она спросила все еще стоявших столбом людей:

– Ну, а вы что стоите? Все – в Зан, немедленно!

Спотыкаясь и на ходу натягивая верхнюю одежду, народ бросился наружу.

– Ну, оставляю все это на тебя. Ты знаешь, что надо делать?

– Да.

– Действуй!

Мы даже не обнялись, не поцеловались, только коротко взглянули друг другу в глаза. В этот момент у меня мелькнула страшная мысль, что я вижу Мелиссу в последний раз. Она сказала:

– Алекс... Постарайся остаться живым...

Потом Мелисса вскинула к плечу сжатую в кулак руку и сказала что-то непонятное:

– Но пассаран!

Через мгновение она исчезла за дверью.

Времени на переживания у меня уже не было. Настало время действовать.

Я выглянул в широкое окно комментаторской кабины и увидел, что по всему видимому пространству долины уже началось упорядоченное движение к южной части западной стороны долины, к скальной стене Зана. И только кучки людей в белых куртках стремились навстречу этому движению, к главной трибуне. Я понимал, что все, находившиеся в долине военные, получив на свои встроенные процессоры приказ Мелиссы под шифром «Цунами», собрались вокруг своих непосредственных командиров и теперь направлялись на стадион, к месту финиша. Но не все из них мне были нужны здесь.

Я включил комм:

– Говорит каперанг Комаров. Кто здесь старший по званию с Рузоны?

– Здесь майор Лемех.

– Сколько с вами человек?

– Восемьдесят три. Еще около сорока не подошли, они – со своими непосредственными командирами.

– Отлично, берите тех, кто с вами, и немедленно летите на антигравах в Зан. Вы лично отвечаете за порядок при входе в город и при заполнении помещений. Вошедших незамедлительно направляйте вглубь города и на ту сторону, в долину Занан. Главное – не допустить паники, давки и заторов в проходах. Вы поняли вашу задачу?

– Так точно.

– Выполняйте.

– Кто здесь из офицеров гарнизона Новозанского космопорта?

– Капитан Брумель, техслужба.

– Капитан Самойлов, начальник диспетчерской службы.

– Капитан Барух, начальник финчасти.

– Капитан Скотт, начальник таможни.

– Старший лейтенант Валеев, транспортная служба.

– Старший лейтенант Тевторадзе, начальник медчасти.

– Старший лейтенант Лоретти, обслуживание грузов.

– Старший лейтенант Масловская, служба безопасности.

– Отлично. Капитан Скотт, вы со своими людьми отправляетесь на стоянку глайдеров и обеспечиваете порядок при посадке и отправлении машин. При возникновении паники приказываю восстанавливать порядок любыми средствами, даже крайними мерами. Когда все машины уйдут, на антигравах сопровождаете глайдеры до Зана и возвращаетесь на машинах, сколько сумеете забрать, обратно, сюда, на стадион.

– Понял. Выполняю.

– Капитан Барух, старшие лейтенанты Валеев, Тевторадзе и Масловская. Вы с вашими людьми обеспечиваете порядок на станциях монорельсовой дороги. Капитан Барух, ваша станция – «Большой трамплин». Старший лейтенант Валеев, вы отправляетесь на станцию «Слабом». Старший лейтенант Тевторадзе, вы – здесь, на станции «Лыжный стадион». Старший лейтенант Масловская, ваша станция – «Горки». Поддерживать порядок любыми средствами.

Учтите, что вскоре энергоблоки Новозана будут выведены на ноль, и монорельс будет обесточен. В этой ситуации ваша задача – помочь пассажирам выбраться из вагонов и организовать их движение к Зану. Выполняйте!

Я закончил отдавать приказы, уже выбегая на стоянку флаеров. Там паники пока не было. Машины были окружены группами женщин и детей, и посадка шла полным ходом. Дети были, в основном, киззкие, спокойные и послушные, однако их с каждой секундой становилось на площадке все больше. Но меня беспокоили не столько дети, сколько женщины-туристки, – я уже слышал в толпе их громкие, если не сказать – истеричные, голоса.

Я включил комм на полную громкость:

– Внимание! Здесь каперанг Комаров. Я гарантирую, что все будут вовремя доставлены в Зан. Прошу проявлять спокойствие. Дамы, берите пример с киззских детей!

– Да они просто ничего не понимают! – взвился пронзительный женский голос.

– Женщины, успокойте свою соседку и сами не подавайте дурной пример. Данной мне властью, в соответствии с законами военного времени, обещаю, что нарушители порядка будут эвакуированы в последнюю очередь.

Все голоса немедленно стихли. Думаю, никто из присутствующих ничего подобного – «...по законам военного времени» – в жизни своей еще не слышал. Я и сам не знал, откуда у меня в памяти всплыли эти слова, – наверное, что-то такое я читал в старинных романах. Но слова эти действие возымели.

Я продолжил:

– Пилоты флаеров! Нажмите на блоках связи кнопку П1. Для этого надо поднять крайнюю левую панель блока и откинуть прозрачную крышку.

Секунд через двадцать на всех флаерах замигали желтые огоньки. Это означало, что пилоты подключились к моей линии связи «Приоритет-1».

Я отменил громкую связь и по комму обратился к пилотам. Одновременно меня должны были слышать и все военные.

– Пилоты флаеров! Грузите машины до предела, полеты совершайте на максимальных скоростях, о сохранении ресурса машин не думайте. Главное – не угробьтесь, ребята. Когда будет вывезен отсюда последний человек и кизз, подбирайте народ в дальних участках долины, прежде всего – в северной части долины, в первую очередь собирайте отстающих.

Капитан Самойлов! Прошу немедленно с имеющимися у вас людьми прибыть ко мне на стоянку флаеров. Вы будете диспетчером полетов флаеров. Ваш канал – номер пять второго приоритета. Пилоты, слышали? Вы напрямую подчиняетесь капитану Самойлову. Наберите на цифровой панели рядом с кнопкой П1 цифру 5 и затем – номер своей машины.

Не прошло и минуты, как ко мне подбежал запыхавшийся капитан, а за ним – десятка два его людей из диспетчерской службы.

– Капитан, вы задачу свою понимаете?

– Так точно.

– У вас есть план этой долины?

– Разумеется.

Он несколько секунд поколдовал над своим коммом, и в воздухе перед его лицом появился большой голографический экран, на котором уже были высвечены все флаеры с их номерами. Я понял, что капитан Самойлов отлично знает свое дело, и за работу флаеров я могу не волноваться.

– Действуйте, капитан, – сказал я, – я в вас уверен. Да, а где же ваш начальник порта, Томаш Иванович?

– Он сегодня в порту, с дежурной бригадой. – Самойлов немного поколебался. – Простите, каперанг... а кто на нас напал? И что с базой?

– Увы, я знаю только то, о чем по визору сообщила Адмирал. Больше пока никто ничего не знает. – Я секунду помолчал, потом добавил. – Кораблей, видимо, всего два. Один напал на базу, разговор с полковником Рихтером прервался на полуслове. Второй идет к Фризе. Мы считаем, что Новозан – самая вероятная цель, сначала – космопорт, потом – город. Все. Мне пора.

Оставив капитана заниматься привычным ему делом, я поспешил на лыжный стадион. Трибуна совершенно опустела, и я, поднявшись ряд на десятый и встав напротив линии финиша, был отлично виден всем собравшимся.

На поле стадиона уже находилось человек пятьсот, – военных, спортсменов и тренеров. Они стояли отдельными группами. Самыми организованными группами, естественно, были военные, офицеры находились во главе своих подчиненных. Я понимал, что здесь были люди из разных подразделений: из гарнизона Рузонской базы, из Новозанского порта, из экипажей «Максима Глинки» и «Байкала», а также несколько десятков человек, прилетевших сюда из Новокозза и Новомейзара. Спортсмены и тренеры стояли большой толпой, люди и киззы вперемишку. Кроме того, я заметил десятка три-четыре человек в ярких костюмах, очевидно – туристов, и примерно столько же киззов в пестрых мехах, местных жителей, которые держались немного в стороне, поодиночке или небольшими компаниями. Я видел, что на стадион спешат еще несколько одиночек и мелких групп, но, чтобы не терять время, их подхода дожидаться не стал.

Я включил комм на полную громкость, – таким образом, меня слышали не только все военные и пилоты, чьи коммы были настроены на мою волну П1, но и все гражданские лица, собравшиеся на перед трибуной, – поднял руку и начал говорить.

– Прошу внимания! Я – каперанг Комаров. Моя линия связи – П1. Все гражданские лица могут сейчас настроить свои коммы на эту волну, даю сигнал настройки. Благодарю всех добровольцев, готовых принять участие в операции по предотвращению жертв среди мирного населения.

Обстановка на этот момент следующая. Два вражеских корабля вторглись в систему Венцены. Один из них совершил нападение на Рузонскую базу. Связь с базой потеряна. Предположительно, уничтожены все пси-антенны. Второй корабль направляется к Фризе, возможно, будет здесь буквально через несколько минут. Нападающих и их возможностей мы не знаем. По нашему мнению, самыми вероятными целями первого удара будут Новозанский космопорт и сам Новозан. К Фризе приближается и эскадра Земли, но она подойдет не раньше, чем через четыре часа.

Наша цель: укрыть всех мирных жителей, находящихся сейчас в долине, в пещерах города Зан. Цель достигается выполнением следующих задач. Первая – собрать всех со всей территории долины, прежде всего – из отдаленной от Зана северной части. Вторая задача: не допустить паники и давки при входе в город Зан. Третья задача: разместить людей в Зане, в первую очередь, детей и женщин, с максимально возможными удобствами, обеспечив их местом, водой, необходимыми медикаментами и доступом к санблокам.

У местного населения удобных мест и ресурсов может не хватить, поэтому прошу военных при любой необходимости немедленно предоставлять в распоряжение гражданских лиц ресурсы ваших форм, я имею в виду медикаменты. А сейчас прошу снять ваши меховые куртки и сложить на первом ряду трибуны. Каждое подразделение должно выделить людей для их отправки флаером в Зан. Никто не знает, сколько времени людям придется провести в пещерах.

Капитан Самойлов, вы слышите меня? Последний флаер, после завершения эвакуации детей и женщин, должен отвести меха в Зан для обустройства мест пребывания детей и женщин.

Всех военных прошу трансформировать форму в модификацию А-3!

Не прерывая свою речь, я сам снял куртку, спустился и положил ее на первый ряд трибуны, вернулся на место, откуда начал произносить речь, и запустил трансформацию своей формы. Я решил, что модификация А-3 будет наиболее подходящей для этих условий, – легкий защитный скафандр с терморегулировкой и шлемом был при опущенном забрале герметичен, но никак не ограничивал свободу движений.

Я продолжал:

– Первая проблема, с которой мы вот-вот столкнемся, это – отсутствие освещения. С минуты на минуту все энергоблоки Новозана будут выведены на ноль. Это затронет и Зан, поскольку часть оборудования Зана питается энергией этих блоков, в том числе – осветительные панели, отопление, эскалаторы, лифты и подача воды. Сложнее всего будет в самой долине. Но я знаю, что к сегодняшнему празднику готовилось факельное шествие. Среди присутствующих есть организаторы церемонии награждения? Выйдите вперед.

Из толпы спортсменов вперед вышли четыре человека.

– Сколько здесь имеется факелов?

– Шестьсот единиц.

– Отлично. Военные в факелах не нуждаются, на шлемах наших скафандров есть мощные фонари. Вы организуете раздачу факелов поисковикам из числа гражданских лиц: спортсменам, туристам и местным жителям. Остальные факелы вот эта группа туристов и эти местные жители, – я показал рукой на группу из двух десятков человек и примерно на столько же киззов, – доставят в Зан и обеспечат хотя бы минимальное освещение проходов. В Зане вы поступите в распоряжение майора Лемеха.

– Отличная мысль, Комаров, – услышал я в комме голос Лемеха. – Люди мне не мешают, здесь... непросто.

– Майор, могу отправить немедленно вам в помощь ваших людей, которые находятся сейчас здесь, на стадионе.

– Хорошо бы, пусть поторопятся.

– Так, кто здесь есть из подразделения майора Лемеха? Выйдите вперед.

Три группы, всего человек около сорока, как и говорил раньше майор, подошли к трибуне.

– Отправляйтесь на антигравах в Зан, взяв с собой факелы, сколько сможете. Господа, – я кивнул организаторам шествия, – поторопитесь. Берите людей, несите сюда факелы и раздавайте.

Тут сквозь толпу пробился турист в красной куртке.

– Я не знаю, важно ли это... Но после того, что вы сказали... Я видел, что некоторые туристы на станции монорельса садились в вагон, идущий в Новозан...

«Дьявол! Ну, всегда находятся идиоты! Зачем их туда понесло? В отель, что ли, за вещами? Господи, помоги им, сохрани жизнь придуркам!..»

– Товарищи техники! Есть ли среди вас кто-то, кто знаком с системой управления монорельсовой дорогой?

Вперед вышел лейтенант:

– Лейтенант Моро. Я в прошлом году помогал гражданским специалистам проводить профилактику.

– Можно ли из долины управлять движением вагонов монорельса? Можно ли вернуть вагоны в долину?

– Да, пульт управления есть на конечной станции, «Южный комплекс». – Он показал на комплекс зданий, где мы вчера обедали и смотрели соревнования конькобежцев.

– Лейтенант, отправляйтесь туда. Возвращайте вагоны в долину.

Но было уже поздно.

Искусственное освещение мигнуло раз, другой, и долина погрузилась во мрак. Кое-кто невольно вскрикнул. Из-за трибуны, со стороны стоянки флаеров раздалось несколько истошных воплей, но они вскоре оборвались. Думаю, люди из команды капитана Самойлова сразу зажгли фонари на своих шлемах, а пилоты – прожектора и свет в кабинах флаеров.

Я невольно взглянул в сторону Зана, и увидел, что его окна тоже погасли, лишь в нескольких проемах был виден тусклый отблеск, поскольку некоторые жилые помещения киззов традиционно имели камин с открытым огнем. Но тут же у каждого входа загорелись яркие огоньки, – это были нашлемные фонари людей Лемеха.

На поле стадиона военные тоже включили свои фонари.

Над нами низко пролетел флаер, возвращавшийся на стоянку за трибуной, и я невольно взглянул на небо. Ночное небо Фризы было хотя и безлунным, но более светлым, чем земное. Оно было будто подернуто слабо светящейся вуалью, поскольку газопылевое облако слегка рассеивало свет звезд, которых в этой части космоса было больше, чем в окрестностях Земли.

Небо над северными холмами, над Новозаном, еще светилось перламутром. Другое зарево, более слабое, стояло над космопортом, за дальними холмами на востоке. Прямо у меня на глазах оба эти зарева стали тускнеть, тускнеть, – и вовсе погасли. Теперь в небе Фризы светили только звезды.

– Лейтенант Моро, отставить. Монорельсовая дорога обесточена. Но туристов в тоннеле надо спасать. «Даже идиотов», – продолжил я про себя. – Возьмите десяток людей из вашей службы, и попытайтесь вывести из тоннеля тех, кто застрял там в вагонах монорельса. Надеюсь, что таких – немного. Выполняйте. Торопитесь. Чуть позже я подошлю вам в тоннель глайдеры.

Далее. Все оставшиеся разбиваются на пары и начинают прочесывать долину. Военные на антигравах прочесывают северную ее часть. Особенно внимательно осматривайте склоны вдоль трассы гонки и выше. Закончив на севере, разбейтесь на две группы и пройдите по восточным и западным склонам долины. Остальные, как только получают факелы, двигаются на лыжах и помогают тем, кто добирается до Зана непосредственно в долине. Не имеющие ни лыж, ни антиграфов, ожидают глайдеры, которые вскоре должны привести сюда люди капитана Семенова. Задача ясна? Вопросы?

Вопросов пока не было. Лейтенант Моро взмыл в воздух, а за ним – его люди, и группа понеслась на север, к тоннелю. Через несколько минут за ними последовало не меньше сотни пар военных. С ними, я увидел, летело несколько фигур с факелами в руках, – очевидно, туристов, имеющих антиграфы. Я надеялся, что они никого не пропустят, соберут всех.

Я окинул взглядом долину. На высоких опорах монорельсовой дороги застыли четыре вагона. В них уже зажглось аварийное освещение, и из двух вагонов уже были спущены трапы экстренной эвакуации. На снегу под вагонами я увидел фигуры с фонарями на шлемах, и мог за пассажиров пока не беспокоиться. Но на станциях наверняка остались люди, которые не смогли загрузиться в эти вагоны.

– Капитан Самойлов! Как у вас с посадкой на флаеры?

– Докладываю. Пассажиров осталось примерно на пятьдесят машин.

– Капитан, половину возвращающихся флаеров направляйте к станциям монорельса и к остановившимся вагонам, ко всем трем, кроме самого дальнего, он остановился почти рядом со станцией «Южный комплекс». Оттуда совсем близко до Зана, его пассажиры доберутся в пещеры пешком.

Тем временем лыжники, получив факелы, начали парами разбегаться по долине. На стадионе осталась совсем небольшая группа людей, ожидающих прибытия глайдеров.

Я подумал, что еще немного – и мне надо будет передислоцироваться к Зану. Самое сложное скоро начнется там.

Я попытался прикинуть, сколько народу собралось сегодня в долине.

Только на «Байкале» туристов и спортсменов прилетело около семнадцати тысяч, еще – корпус стюардов и часть команды, тысячи четыре, и все они были сегодня здесь. Плюс постоянные жители Новозана, – ученые, чиновники, обслуживающий персонал... И народ с Рузонской базы... Кое-кто прилетел из Новокозза и Новомейзара... Киззов в Зане – тысяч двадцать-двадцать пять, да еще гости из близлежащих поселений... Итого наберется тысяч пятьдесят, не меньше, и всех необходимо срочно завести в город.

Входов в Зан было, как я помнил, двадцать шесть. Но строителей Зана заботило сохранение в пещерах тепла при зимних морозах, доходивших до сорока, а то и до пятидесяти градусов по Цельсию, а вовсе не пропускная способность входов...

Я дождался возвращения глайдеров на стадион. Две машины я сразу отправил в тоннель в помощь группе лейтенанта Моро, за теми людьми, которые застряли там в вагонах монорельсовой дороги. На шести флаерах отобранные ранее группы туристов и местных жителей повезли в Зан факелы, а остальные машины я отправил на север долины собирать зрителей, оказавшихся дальше всего от Зана.

Так. Кажется, на этом этапе я сделал все, что мог. Я постоял минуту, подумал. Да, здесь мне нечего было больше делать. Я включил комм:

– Говорит каперанг Комаров. Я направляюсь к Зану.

Я поднялся в воздух и полетел на юго-запад.

Где-то на полпути к Зану, прямо в центре долины, я увидел пять медленно идущих на лыжах фигур, одну – повыше, и четыре – совсем маленькие. Я свернул к ним и приземлился.

Это была киззская женщина с четырьмя детьми, один меньше другого. В свете фонаря я разглядел, что на груди у киззски висит еще меховая сумка с совсем маленьким киззенышем.

– Почему вы не полетели на флаере? – спросил я ее.

– Киззы – лыжи, женщины земли – нету лыж.

– А где отец детей?

Киззска махнула рукой на север:

– Смотреть гонку...

– Так, – сказал я одному из детей, постарше, – забирайся ко мне на спину и обхвати меня за шею.

Я присел на корточки, и малыш послушно на меня забрался. Я примотал его к своей спине тросом, вытасненным из поясного кармана скафандра, затем протянул руку к женщине:

– Дайте мне вашего малыша.

Мать молча сняла с груди меховую сумку, и я повесил ее себе на грудь.

– Как вас зовут?

– Иззир Локаза.

– Иззир, всех я взять с собой не смогу, старший останется с вами. С ним вы будете двигаться гораздо быстрее. Надеюсь, вам еще помогут. За остальных детей не беспокойтесь, доставлю их в Зан в целости и сохранности.

С этими словами я взял на руки еще двух малышей и поднялся в воздух.

Через несколько секунд полета я оглянулся и увидел, что женщина с ребенком продолжили свой путь и идут теперь быстрее. Но недостаточно быстро.

Я развернулся и полетел назад. Приземлившись рядом с женщиной, я сказал:

– Так дело не пойдет.

Я поставил на снег малышей, присел, размотал трос и сказал киззенку, сидевшему у меня на спине:

– Малыш, слезай с меня.

Он понял и послушно слез.

Мать видимо, решила, что я решил оставить детей с ней, но ничего не говорила.

Я вытянул из скафандра трос еще на пару метров и обратился к самому старшему ребенку:

– Давай, залезай ко мне на спину ты.

Он залез, и я примотал его частью троса. Выпрямившись, я взял следующего ребенка и, сдвинув немного вбок сумку с самым маленьким киззенышем, прижал его лицом к груди:

– Иззир, обмотайте нас тросом. Так... Конец троса дайте сюда... Все.

Я подхватил на руки оставшихся двух киззят:

– Иззир, торопитесь... Времени у вас мало.

Женщина подняла на меня глаза, полные слез, и прошептала:

– Спасибо, землянин. Иззир одна бегаёт быстро...

За весь полет, который длился, к счастью, не больше пяти минут, малыши не издали ни звука, возможно – от страха.

Вдоль всей скальной стены пещерного города Зан стояла плотная толпа. Ко всем входам, расположенным на высоте двадцати-тридцати метров, вели вырубленные в скале пологие лестницы, заполненные поднимающимися по ним людьми и киззами. Народ двигался медленно, поскольку ширина проходов в город была меньше, чем ширина лестниц.

Порядок на входе пока сохранялся почти идеальный, – майор Лемех оказался отличным организатором. На подходах к лестницам он сформировал из мужчин, людей, тэров и киззов, рассекающие толпу живые цепи, и, таким образом, толпа заранее разделялась на потоки. А военные на антигравах парили над толпой, выбирали детей и поднимали их в окна нижних этажей. Из оконных проемов им навстречу тянулись руки и забирали малышей внутрь.

Окна были узкими, и передать всех пятерых малышей сразу я, конечно, не мог. Но как только я приземлился, ко мне подлетел космофлотовец и помог размотать трос и спустить детей на снег. Я по очереди поднял их в ближайшее окно.

Детей принимал человек в майке со светящейся надписью на двух языках «Нарды». Он спросил:

– Знаете, чьи дети?

– Да, их мать – Иззир Локаза.

– Иззир Локаза, – сказал он кому-то в глубине помещения.

И когда я передавал ему последнего привезенного мной киззенка, увидел, что он вешает на шею ребенку табличку на шнурке, очевидно, с именем матери.

За несколько минут, что я занимался детьми, толпа у скальной стены увеличилась, а народ все подходил и подходил. Я включил комм:

– Пилоты, внимание! С этого момента пассажиров всех рейсов высаживайте в долине Занан. Будьте осторожны, на той стороне горы вы попадете в сильные восходящие воздушные потоки!

И уже через минуту я увидел, как два флаера поднялись над скалой и ушли за гору.

– Майор Лемех, как обстановка внутри? Нельзя ли ускорить заполнение пещер и переход в Занан?

– Каперанг, – ответил мне через несколько секунд майор, – делаем, что можем. Но проходы очень узкие, эскалаторы встали, а, главное, вентиляция не работает. Здесь становится жарко и душно. Киззы сейчас открывают все окна в своих жилищах, пытаются устроить сквозняки...

Я окинул взглядом долину. Флаеры летали, вдали по снегу двигались глайдеры с зажженными прожекторами, на дальних склонах мелькали светлячки нашлемных фонарей. На этот момент я организовал все, что мог. Теперь все дело было только во времени. Что я мог еще сейчас сделать? Я решил, что самое важное сейчас – выбирать из толпы детей, которых оказалось здесь на удивление много, и поднимать их наверх.

Кроме военных, детей поднимали в окна и туристы, – мужчины и женщины, на которых были надеты сбруи антигравов. Приемом детей в окнах занимались, в основном, участники турниров по настольным играм. В оконных проемах мелькали светящиеся надписи «Го», «З-Ш», «Занг-Зу», «Домино», «Сузали-Зон»...

Родители брали детей на руки и протягивали нам, парящим над их головами. Но вот я заметил в толпе туристку, которая прижимала к себе ребенка лет десяти в ярко-желтой куртке, и будто прикрывала его собой. Я завис над ней:

– Давайте сюда вашего мальчика. Или это девочка? Не бойтесь, я не уроню.

– Нет! Я своего ребенка никому не отдам! Он будет со мной!

– Вы не понимаете, там толпа, тесно, жарко, все движется очень медленно. Может, в давке вам придется провести не один час. А так ребенок сразу попадет в нормальные условия. В Зане детей размещают с максимальным комфортом.

– Нет, я Сашу не отдам! Мы будем вместе!

– Саша, – я обратился к мальчику, – тебе сколько лет?

Мальчик поднял голову и посмотрел на меня:

– Восемь. Через месяц будет уже девять.

– Саша, ты боишься остаться без мамы? Совсем ненадолго?

– Нет! Я же в школе живу без нее! Я – самостоятельный!

– Вот. А мама не хочет тебя отпускать. А ведь в Зане ты мог бы помочь малышам. Знаешь, там, в Зане, есть совсем маленькие киззята, которые без мамы, наверное, никогда еще не оставались.

– Да, – сказал он, освобождаясь из материнских объятий, – я могу помогать, я уже совсем большой!

Мать уцепилась за него:

– Нет, нет!

Но Саша неловко поцеловал ее в щеку и сказал:

– Мам, я должен помогать тем, кто младше, ты же сама меня учила, – и протянул ко мне руки.

Подняв мальчика над толпой, я спросил его:

– Как зовут твою маму?

– Оля. Ольга Васильевна Крылова.

– Хорошо. Тебе дадут табличку с ее именем, чтобы тебя потом было легче отыскать, ведь детей очень много. А когда попадешь внутрь, скажи, что каперанг Комаров поручил тебе помогать самым маленьким детям. Ты понял?

Он кивнул головой, и гордо подтвердил:

– Да, каперанг. Во имя Земли!

Еще какое-то время я переправлял детей в окна пещерного города, и вдруг оказалось, что детей внизу больше совсем не осталось. Я огляделся. Толпа под скальной стеной увеличиваться перестала и, даже, кажется, стала меньше. Кое-кто из зрителей еще походил, и время от времени кого-то высаживали глайдеры, но вновь прибывающих ко входам Зана уже было меньше, чем тех, кто за то же время входил в пещерный город. Хотя снаружи оставалось еще очень много народа.

В комме раздался голос капитана Самойлова:

– Каперанг, у меня уже практически все флаеры завершили задания. Ни на стадионе, ни у вагонов, ни на станциях монорельса никого больше не осталось. Последних зрителей флаеры сейчас переправят в Занан – и все!

– Отлично! Так. Всем подразделениям, работавшим на стадионе и на монорельсовой дороге немедленно лететь к Зану. Пилоты флаеров! Высадив пассажиров в Занане, летите ко входам в Зан. Садиться будете вдоль скальной стены напротив входов в город, на расстоянии

метров тридцати от толпы. Но с приземлением повремените, ждите моей команды. Капитан Самойлов! Будете руководить переправкой народа флаерами в Занан.

Вскоре стали прибывать завершившие свое задание военные. Я отошел подальше от толпы, поднял руку и включил громкую связь:

– Здесь каперанг Комаров. Космофлот, ко мне!

Через несколько минут меня окружило больше сотни военных. Отключив громкую связь, я перешел на волну П1, и теперь меня слышали только военные и пилоты.

– Ваша задача: стать в оцепление. Сейчас сядут флаеры, которые будут переправлять народ в Занан, сначала – только женщин. Вы должны обеспечить порядок при посадке. Задача ясна? Командиры, расставляйте ваших людей. Нас мало, так что можете на свое усмотрение привлекать в оцепление гражданских лиц. Выполняйте!

Из-за горы начали появляться флаеры, зависая вдоль стены Зана в ожидании моей команды на посадку. Я стоял и ждал, пока окончательно не сформируется живая цепь.

Мои внутренние часы дали сбой: я никак не мог понять, сколько времени прошло с тех пор, как Мелисса произнесла слово «ЦУНАМИ». Полчаса? Двадцать минут? Сорок? Или целый час? И где сейчас чужой корабль? Наверное, уже рядом с планетой. Сколько времени ему требуется, чтобы выбрать цель для нанесения удара? А, может, мы ошиблись, и никаких врагов нет? Может, все как-то не так, мы чего-то просто не поняли, и нам ничего не грозит?

Но, увы, на самом деле я прекрасно знал, что если бы мы действительно ошиблись, и никакого нападения из космоса не было, это давно бы уже прояснилось, и Мелисса уже давно дала бы нам «отбой» тревоги.

И еще. Я заставлял себя не думать о Мелиссе: где она сейчас, что делает, что ее ждет. Но, чем бы я ни занимался, мысли о ней были постоянным фоном и заставляли тревожно сжиматься мое сердце. Потому что я знал, что она, как всегда, взяла на себя самую трудную и опасную работу.

Наконец, я увидел, что оцепление готово. Народ в толпе понимал, что что-то происходит, и волновался, но не знал, что же мы будем делать дальше.

Я включил громкую связь:

– Внимание! Сейчас флаеры приземлятся, и начнется посадка для переброски в долину Занан по воздуху.

Толпа качнулась и навалилась на оцепление.

– Стойте, – быстро продолжил я, – флаеры будут переправлять только женщин. ТОЛЬКО ЖЕНЩИН! Сохраняйте спокойствие и порядок! Нарушители порядка войдут в Зан последними!

– Пилоты, – сказал я в комм, – сажайте машины напротив входов в Зан, не ближе, чем в тридцати метрах от оцепления. Капитан Самойлов, руководите приземлением машин и посадкой!

Флаеры начали дружно приземляться, по три-четыре машины напротив каждого входа.

В толпе началось коловращение: женщины пробивались к оцеплению. Их пропускали охотно, но толпа была очень плотной.

Я опять заговорил по громкой связи:

– Женщины, проходите через оцепление по одной. Быстро, но без суеты, идите на посадку в ближайšie машины!

Вот уже первые флаеры поднялись в воздух и перевалили через гору...

И тут все залил нестерпимо яркий свет.

Вспышки следовали одна за другой, а потом до нас докатились громовые раскаты. Я опустил на глаза фильтр и посмотрел на восток. За дальними холмами вспухали ослепительные шары...

За моей спиной застывшая на мгновение толпа ахнула, дернулась, как единое целое, а потом опять замерла.

А на востоке, там, где находился космопорт, продолжались вспышки, грохот, взвивались языки пламени...

«Так, это – катера и яхты...» – понял я. Потом до нас донесся какой-то треск, и над холмами встало широкое оранжевое зарево. «Это – наземные постройки...»

И тут что-то чудовищно ухнуло, и к небу начал медленно подниматься огромный светящийся шар, под которым рос и ширился белый столб.

«Что могло там так страшно рвануть? – не мог понять я. – Это же космопорт, там спокойно садятся и взлетают настоящие монстры!» Но тут мне вспомнились сдвинутые плиты одного из секторов посадочного поля...

«Господи! Боже все милостивый!»

Я представил себе, как по подземным коммуникациям несется огненный смерч, плавя, испаряя и превращая все в горячую плазму... Как яростный шквал врывается в коридоры, в рабочие комнаты, на склады...

Успели ли люди укрыться на нижних уровнях? И спасет ли их это? Охваченный ужасом, я мог думать только об одном: «Господи, сделай так, чтобы люди остались живы...»

Тем временем на фоне пылающего неба стали появляться черные расплывчатые струи. Это горели деревья на восточных холмах, отделяющих нас от порта, – от того места, где раньше был порт, а теперь бушевал огненный шторм. Яростный свет стремился ввысь, и мне показалось, что где-то в небе, среди звезд, я вижу отблески этого страшного огня...

Открытую часть моего лица опалила жаркая волна, и это привело меня в чувство. Я оглянулся. В потрясенной толпе не было ни малейшего движения. Все взгляды были устремлены на восток...

Я заорал в коммуникатор, стараясь перекрыть доносящийся в долину рев пламени:

– Скорее, скорее, бегом!.. В машины, в Зан!!!

Мой голос вывел людей из шока. Они, будто очнувшись от страшного сна, вяло зашевелились, плохо соображая, что надо делать.

Я отчетливо понимал, что отпущенное нам время стремительно истекает, и дорога каждая секунда.

– Давайте, давайте, быстрее! Женщины – в машины! Бегом! – опять закричал я в коммуникатор.

И тут в полусотне метров от меня из толпы, прорвав оцепление, вывалилась огромная мужская фигура и с каким-то звериным рыком ринулась к ближайшему флаеру, расталкивая женщин, ожидающих очередь на посадку.

Я взвился вверх и, за одно мгновение преодолев расстояние, обрушился на эту фигуру сверху. Женщины врассыпную бросились в стороны, и мы покатались по снегу. Я все-таки был сильнее того мужчины, и мне удалось прижать его к земле. Через секунду ко мне на помощь подоспели еще двое в скафандрах, и мы втроем подняли мужика на ноги и попытались его образумить. Но он вырывался и что-то злобно хрипел, вращая выпученными глазами.

Я поймал удобный момент и коротко ударил его в челюсть. Он замолчал и рухнул на снег.

В толпе раздался женский вопль:

– Гриша! Гришенька! Вы убили его, сволочи! Пустите меня! Пустите меня к нему!

Из толпы вырвалась женщина и, всхлипывая, опустилась на колени рядом с неподвижным телом:

– Убийцы! Гришенька, дорогой! Гришенька!

Надо же, «дорогой Гришенька» бросил ее в толпе, думал только о собственной шкуре, а она!..

Я поднес комм к лицу:

– Этот человек войдет в Зан последним! САМЫМ ПОСЛЕДНИМ! Соблюдайте порядок! Двигайтесь быстро, но без паники! Активнее шевелитесь, активнее!!!

Но народ уже не надо было подгонять. И преподанный мной наглядный урок не прошел даром: нарушить порядок никто больше не пытался.

Заполненные до отказа флаеры с визгом, на форсаже, уносились вверх, переваливали через гору, потом, возвращаясь порожними, резко пикировали, садились и мгновенно заполнялись новой партией женщин. Пропускная способность входов в Зан, до того казавшаяся мне предельной, неожиданно резко возросла, и толпа стала ощутимо уменьшаться.

Я с облегчением вздохнул, и подумал, что, может, все обойдется. Что, может быть, все успеют покинуть долину Зана...

Но в этот самый момент словно молния сверкнула совсем рядом, за северным холмом, и я понял, что настал черед Новозана...

Ударил гром, и раскаты его не прекращались. Под эту канонаду в небо над Новозаном взвивались огненные струи, поднималось облако то ли дыма, то ли пыли, и все выше и шире разливалось багровое зарево.

И вот в дыму стал заметен широкий луч, падающий откуда-то сверху. Луч двигался с востока на запад, и за ним взметались все новые языки пламени...

Нет, луч был не один! С неба город полосовали еще три луча!

Из тоннеля, соединяющего долину с Новозаном, вырвался огненный шар и, разбухая, понесся по долине. И в этом огненном вихре кружились какие-то черные обломки, лохмотья, палки... Высоко над землей летел, кувыркаясь, глайдер...

Когда огненный шар погас, я увидел, что на вершинах северных холмов пылают лозали. Деревья горели, как огромные черные свечи, их силуэты дрожали и расплывались в горячих воздушных потоках, и, что удивительно, эти охваченные огнем деревья, прямо на глазах стремительно росли!

Нет!!! Это таял снег на холмах!..

Мой скафандр обеспечивал режим термостатирования, и я не замечал, что в долине резко потеплело. Я посмотрел себе под ноги. Снег, еще недавно пушистый, осел, а во всех углублениях уже блестела вода...

И я понял, что сейчас на холмах практически сразу растает весь накопившийся за долгую зиму снег. Будет паводок, которого долина Зан не знала еще никогда! Вся котловина превратится в огромное озеро, и уровень его будет небывало высок. Вода поднимется выше входов в город Зан и затопит пещеры, – нижние уровни, где люди, киззы, склады, продовольствие...

Что делать!??

Закрыть герметично входы? Двери на это не рассчитаны, это ж не космический корабль... Да и народу снаружи еще немало... Освободить нижние уровни? Не реально. Даже людей, спускающихся в Занан, не вывести, – эскалаторы не работают, толпа идет по узким лестницам и переходам медленно, очень медленно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.